

ISSN 2073-5618

Translator **Переводчик**



№ 12 2012

**Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского**

**Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России**

Научно-художественный журнал

№ 12 – 2012

П Е Р Е В О Д Ч И К

**Чита
ЗабГГПУ
2012**

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-III 407
П 8.3.

Научно-художественный журнал «Переводчик»
(Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России)

Главный редактор

О. В. Стельмак к.к.ф.н., доц. кафедры английского языка ФИЯ ЗабГГПУ,
руководитель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России.

Редакционный совет:

А. В. Ващенко д.ф.н., проф., заведующий кафедрой сравнительных литератур
и культур МГУ.

Т. В. Воронченко д.ф.н., проф., директор НИИ филологии и межкультурной
коммуникации ЗабГГПУ.

М. В. Константинов д.ист.н., профессор кафедры истории ЗабГГПУ.

Редакционная коллегия: Т. И. Суханова, Л. В. Эмирзиади, О. Н. Терешин,
И. Н. Силицкая.

Переводчик : научно-художественный журнал. Вып. 12 / гл. ред.
О. В. Стельмак ; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т – Чита, 2012. – 262 с.

Журнал «Переводчик» предназначен для филологов, лингвистов, а также для тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения. Он знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы. Раздел «Дебют» представляет молодых одарённых переводчиков. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д.ф.н., проф. Т. В. Воронченко). Раздел «Лексикография» может оказаться полезным для переводчиков-практиков. Разделы «Земля Даурская» (ред. к.ф.н., доц. Т. И. Суханова) и «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) адресованы краеведам Забайкалья. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Уголок поэтов», «Конкурсы, конкурсы, конкурсы!!!», «Перлы переводчиков».

УДК ОБ-808.03
ББК Я 52-III 407

© ЗабГГПУ, 2012

С о д е р ж а н и е

Информация

Информационное сообщение (февраль 2012)..... 5

Новые переводы поэзии и прозы

Поэзия

Жан де Лафонтен. Чёрт с острова Папефигия. Предисловие и перевод с французского Владимира Васильева..... 10

Джеймс Милн. Мистеру Бернсу – о его поэтических произведениях. Перевод с английского Евгения Фельдмана..... 16

Дондок Улзытуев. И звенит во мне голос далекий... Лирика. Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева..... 25

Альфонсина Сторни. Латиноамериканский феминистический модернизм. Лирика. Перевод с испанского Михаила Финкеля..... 31

Современная венгерская поэзия Якорь в небе или поэзия единого пространства. Предисловие Ольги Володарской. Перевод с венгерского Ирины Ковалевой, Юрия Гусева, Ивана Белокрылова, Леонида Володарского, Ольги Володарской..... 34

Арриго Бойто и Джованни Камерана – поэты миланской скапильятуры. Вступительная статья и перевод с итальянского Андрея Сапёлкина..... 41

Джон Стэгг. Былые времена. Перевод с английского Сергея Александровского..... 45

Нина Нагибина. Медальоны серебряного века. Поэтические миниатюры. Предисловие автора. Перевод на английский Ольги Стельмак..... 51

Кристина Джорджина Россетти. Лирика. Предисловие и перевод с английского Валентины Брилевой..... 58

Дагба Ринчинов и Дорджо-Ханда Цынгueva. Забайкальские степные напевы. Перевод с бурятского Бориса Макарова..... 61

Кшиштоф Мария Синявский. Есть Вечной Тайны смысл великий... Лирика. Предисловие и перевод с польского Евгении Славороссовой..... 68

Ренат Харис. По следу Нарспи. Поэма. Предисловие и перевод с татарского Николая Переяслова..... 73

Ованес Туманян. Стихи. Перевод с армянского Гаянэ Ахвердян..... 87

Проза

Норвежские сказки. Вступление и перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой..... 89

Сказочник Сароян. Притчи. Вступительная статья и перевод с армянского Арама Оганяна..... 113

Беатрис Пикон-Валлен. Брюсов переулоч, дом 12 (Из книги о жизни внучки Вс. Мейерхольда Марии Алексеевны Валентей). Перевод с французского Ольги Тиховской..... 127

Ованес Туманян. Умник и дурак. Перевод с армянского Гаянэ Ахвердян..... 132

<i>Дебют</i>	
Юлия Мусорина. Перевод английской классической поэзии.....	135
<i>Американа</i>	
Луис Альберто Урреа. Первый свет. Отрывок из рассказа. Перевод с английского Николая Соколевских.....	138
<i>В копилку переводчика</i>	
Ашот Сагратян. О переводе и толковании армянских пословиц и поговорок.....	151
Ашот Сагратян. На подступах к Шекспиру.....	158
Цыпилма Дылыкова. «Осень» Пушкина – на латыни.....	159
<i>Земля Даурская</i>	
Михаил Константинов. Находки на Аргуни. Из книги «Провинциальная археология». Перевод на английский Ольги Ушниковой.....	162
Виктор Балабанов. Статьи из книги «Строкой и памятью отмечено...». Гантимур. Перевод на английский Елены Букиной.....	166
Иргень – место святое издревле. Тайны «Святого озера» Перевод на английский Татьяны Сухановой.....	168
Что же значит слово «Чита»? Перевод на немецкий Ирины Бобровой.....	170
Путешествия через Читу. Перевод на немецкий Торстена Веллера.....	172
<i>Эпистолярное наследие декабристов</i>	
Две ипостаси Сергея Волконского. Письма Марии Волконской. Вступительная статья и перевод с французского Людмилы Эмирзиади.....	175
<i>Уголок поэтов</i>	
Современная Забайкальская поэзия. Дух предков. Виктор Балдоржиев.....	193
<i>Лексикография</i>	
Наименования субъектов РФ и их центральных городов на китайском языке. Составитель Николай Воропаев.....	201
Русско-английско-латинский словарь растений. Составитель Нина Маркова.....	209
<i>Конкурсы, конкурсы, конкурсы...!!!</i>	
XVII региональный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2012 года.....	232
<i>Перлы переводчиков</i>	246
<i>Сведения об авторах</i>	249
<i>Приложение</i>	258



Union des traducteurs de Russie UTR Union of Translators of Russia

***Межрегиональная общественная организация
«СОЮЗ ПЕРЕВОДЧИКОВ РОССИИ» (СПР)***

член Международной федерации переводчиков (ФИТ)

*Россия, 129085, Москва, пр-т Мира, 101В, стр. 1, 3 эт.,
Московский ин-т лингвистики, офис СПР
тел./факс +7(495) 616-3980, эл. почта gurutrus@yandex.ru*

Членам Правления СПР
Руководителям региональных отделений
Ассоциированным членам СПР

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ Февраль 2012

Уважаемые коллеги!

Закончился 2011 год – юбилейный для нашего Союза. Год с небольшим остаётся до очередного съезда СПР, которому предстоит принять очень важные решения. Мы тщательно готовимся к нему, наводим порядок в нашем общем доме, стараемся своевременно реагировать на новости в законодательстве, в жизни разных секторов профессионального сообщества. Появились новые отделения СПР в Нальчике, Липецке, на Алтае и в других регионах. Предстоит сформировать отделения ещё в ряде регионов. Набирает темп и становится все более качественной дискуссия на форуме сайта СПР. Ещё раз приглашаем региональные отделения более активно участвовать в дискуссиях, предлагать свои темы, заботиться о наполнении информацией своих разделов на сайте СПР. Молодым отделениям следует энергичнее расширять свой состав, а для этого собирать переводчиков вокруг конкретных дел, информировать их о жизни СПР. В частности, необходимо обсудить в регионах такие документы, как Письмо Президента СПР в Минюст РФ о нотариате,

распространять Хронику СПР, вопросы, связанные с развитием переводческой отрасли, разработкой профессиональных стандартов, подготовкой к профаттестации и др.

Прошу Секретарей и членов Правления к следующему пленуму Правления, который мы планируем на май 2012 года, подготовиться к отчёту о состоянии дел в секторах, которые им были поручены.

Прошу руководителей региональных отделений (руководителей секций в Москве и Московской области) к следующему пленуму Правления доложить о завершении обмена членских билетов и ликвидации задолженности по членским взносам по 2011 год включительно. Регулярно информируйте Секретариат о ходе обмена билетов, а также об отправке фотографий в Секретариат (gurutrus@yandex.ru телефоны: 8-499-269-06-46, 8-909-698-65-45, 8-903-591-60-93)

Решением Секретариата Правления членские взносы на текущий год остаются без изменений.

В связи с вступлением в силу ФЗ «О персональных данных» прошу до 1 мая завершить сбор подписей всех членов отделений, разрешающих руководству СПР и руководителям отделений обнародовать личные данные каждого из членов отделения в объёме, указанном каждым из них. (См. таблицу).

В соответствии с ФЗ «О персональных данных» своей личной подписью члены СПР подтверждают своё согласие на обнародование своих персональных данных и контактов в списках СПР (общих, региональных, секционных) в печатных и электронных СМИ СПР. В таблице при нежелании указывать свои данные (языковые комбинации, тематика, контакты) публикуются только ФИО и место проживания члена СПР. Справки о членах СПР выдаются Секретариатом СПР в установленном порядке.

№ №	№ чл. билета (нов.) ФИО, город	Языко- вые пары	Темати- ка	Контакты	подпись
				Телефоны E-mail	

Руководитель регионального отделения (секции) _____.

Примечание: после № членского билета указать в скобках (нов.), если произведён обмен членских билетов.

Списки региональных отделений по вышеуказанной форме (с подписями членов СПР) выслать в электронной форме по адресу gurutrus@yandex.ru, оригиналы – по адресу 107076, Москва, ул. Короленко, д.1, корп.11, кв. 48 А. А. Лукьяновой.

Прошу руководителей ассоциированных членов, кроме тех, кто был принят во второй половине 2011 года, подготовиться к обновлению договоров с СПР. Это стало необходимо после реорганизации банка, обслуживавшего СПР, в результате чего изменились наименование банка (теперь Сберкред Банк) и наши банковские реквизиты. В ближайшее время мы направим Вам для подтверждения наши договоры с новыми реквизитами. Одновременно просим Вас ликвидировать в кратчайшие сроки задолженность по членским взносам.

В 2012 году «малая» Летняя Школа перевода СПР пройдет на базе Вологодского государственного технического университета с 8 по 13 июля 2012 года. На этот раз заявки на участие не принимаются.

Приглашения для участия в ЛШП-12 будут направлены представителям ФИТ, членам Правления СПР, руководителям отделений, руководителям ассоциированных членов и представителям НМС СПР.

Предполагается также участие в ряде мероприятий, предусмотренных Программой, преподавателей и студентов Вологды.

Поручаю руководителям региональных отделений ЛИЧНО информировать о Школе–12, а также о содержании данного Информационного сообщения руководителей ассоциированных членов своего региона. В связи с ограниченным числом участников прошу сообщить состав участников не позднее 1 июня с. г.

Программа «малой» ЛШП предусматривает обсуждение активом СПР вопросов, связанных с совершенствованием деятельности всех структур СПР, с подготовкой очередного съезда СПР в 2013 году, «большой» ЛШП в 2013 или 2014 году, а также наиболее актуальных тем для переводческого сообщества.

Все гениальные предложения и идеи по программе и организации ЛШП направлять до 1 мая по адресу gurutrus@yandex.ru

ПРОГРАММА ЛШП–2012 Вологда, ВГТУ (8.07. – 13.07.2012)

Руководитель Школы Л. О. Гуревич, президент СПР
Научный руководитель Школы проф., д. ф. н. Л. А. Черняховская,
председатель Научно-методического совета СПР

8.07. 2012 Прибытие участников (воскресенье).
8.07 – 9.07. Регистрация участников (до 10:45).
Вечер 8.07. Заседание оргкомитета (ВГТУ).

Понедельник, 9.07.2012

10:00 – 10:45 Регистрация участников (ВГТУ).
11:00 – 12:00 Открытие Школы. Руководитель Школы.

- Представители Вологды.
- 12:00 – 13.30 Пленарное заседание.
Доклад: – Л. О. Гуревич «СПР и переводческое сообщество».
- 13.30 – 15:00 Обед.
- 15:00 – 17:00 Открытое заседание Секретариата Правления СПР и Президиума НМС СПР.
- 19:00 – 21:00 Приём.

Вторник, 10.07.2012

- 10:00 – 12:00 Семинар «Профессиональный стандарт» и «профессиональная аттестация» – Е. К. Масловский, П. С. Брук, С. Рыбкин.
- 12.15 – 13.30 Семинар «О новых законопроектах: нотариат и творческие союзы, ГК РФ» – Л. О. Гуревич, А. А. Лукьянова.
- 13:30 – 15:00 Обед.
- 15:00 – 17:00 Семинар «Подготовка преподавателей перевода: организация и методика» – Л. В. Полубиченко, О. В. Петрова, В. В. Сдобников.

Среда, 11.07.2012

- 10:00 – 12:00 Круглый стол «Печатные и электронные издания СПР, переводческие конкурсы». – Л. О. Гуревич, О. В. Стельмак, П. С. Брук, И. В. Храмов.
- 12.15 – 13.30 Круглый стол «БП–ИП – фрилансеры: профессиональные и социальные проблемы». – Е. К. Масловский, гендиректора фирм.
- 13.30 – 15:00 Обед.
- 15:00 – 17:00 Посещение музеев г. Вологды.
- 17:00 – 18:00 Конкурс–импровизация.

Четверг, 12.07.2012

- 10:00 – 12:00 Семинар «Совершенствование структур и методики ЛШП, научно-практических конференций и семинаров под эгидой СПР». – Л. О. Гуревич, Л. А. Черняховская.
- 12.15 – 13.30 Круглый стол «Научно-практические проблемы вузов». – Л. В. Полубиченко, В. В. Сдобников, В. Б. Кашкин.
- 13.30 – 15:00 Обед.
- 15:00 Пленарное заседание и закрытие ЛШП.
- 17:00 Концерт.

Пятница, 13.07.2012

- 9.00 – 18.30 Посещение Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей.



Поэзия

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН (1621 – 1695)

Жан де Лафонтен появился на свет в Шато-Тьерри (Франция) в 1621 году. Лафонтен с детства имел непокорный и дерзкий характер. Отец отправил его изучать право в парижскую ордена ораторианскую семинарию. Однако юный Жан увлекался по большей части философией и поэзией.

В 1647 году Лафонтен возвратился в родительское имение в Шампани, где его отец был королевским губернатором. Следуя желанию своего отца, двадцатилетний Лафонтен женился на пятнадцатилетней Мари Эрикар. Брак оказался не самым удачным, и вскоре Жан отправился в Париж с намерением посвятить себя литературной деятельности.

В Париже молодой поэт пришёлся ко двору. Его сказки и басни, наполненные яркими образами, пользовались неизменным успехом.

В 1657 году покровителем Лафонтена становится знаменитый министр Фуке, которому поэт посвятил несколько стихотворений и поэм, например, поэму «Адонис» (1658). Впоследствии Лафонтену покровительствовали герцогиня Бульонская и маркиза де ла Саблиер. В числе друзей великого баснописца Лафонтена были также принц Конде, Ларошфуко, мадам де Лафайет и др., но он не пользовался благосклонностью короля Людовика XIV, поэтому не имел доступа к королевскому двору. В 1680 году поэт завершает издание двенадцати книг Басен. В 1684 году он был избран членом Французской Академии. Лафонтен вёл активную светскую жизнь, предаваясь развлечениям и любовным интригам. Он практически не посещал свою семью, не поддерживал отношений со своими детьми, хотя и писал время от времени письма своей жене.

Под влиянием мадам де Саблиер Лафонтен в последние годы жизни преисполнился благочестия и отрёкся от наиболее легкомысленных своих сочинений.

Умер Жан де Лафонтен в Париже в 1695 году. Басни Лафонтена замечательны своим разнообразием, ритмическим совершенством, умелым использованием архаизмов, трезвым взглядом на мир и глубоким

реализмом¹. Впоследствии некоторые басни Лафонтена были талантливо переведены на русский язык И. А. Крыловым.

От переводчика. История создания новеллы «Чёрт с острова Папефигия» представляется мне очень простой: большинство сюжетов для своих новелл и басен Лафонтен заимствовал у других писателей. В данном случае он обратился к роману своего соотечественника Франсуа Рабле (1494 – 1553) «Гаргантюа и Пантагрюэль» и один из его эпизодов не просто положил на стихи, а сделал это, как всегда, по-лафонтеновски: эмоционально, простодушно, неподражаемо. Здесь только можно добавить, что сатирик Рабле был любимым писателем французского Гомера (так Лафонтен прозван своими соотечественниками); баснописец и стихотворец-новеллист с юных лет им зачитывался и во многих своих твореньях, однажды даже в эпиграмме, перекликался со своим знаменитым предшественником. Таким образом, сюжет нашей новеллы «Чёрт с острова Папефигия» Лафонтен почерпнул из четвёртой книги романа Рабле (глава XLV). А романист, в свою очередь, извлёк её из старинной, вероятно французской, легенды.

Чёрт с острова Папефигия

Перевод с французского Владимира Васильева

Мэтр Франсуа, познаньями блистая,
Поведал: Папомания – такая
На острове страна, где все живут,
Не зная даже, что такое труд;
Их сон глубок (не то, что наш!), а доля
Любви благопристойной дарит им
Блаженство. Я клянусь Фомой святым,
Что лень свою бессовестную холя,
Туда пушусь, праздношатанья сын,
И, там внимая пенью и веселью,
Предамся беспредельному безделью.
Мэтр Франсуа назвал ещё один
Вблизи от папоманов остров. Это
Край папефигов, ватиканских благ
Лишённый: папа римский там их враг.
Они при виде папского портрета

¹ <http://www.calend.ru/person/496/>

На празднике двух братских островов
Портрету папы показали фигу.
Бог неуместной счёл сию интригу:
Им вдвое рыбы сократил улов
И мор наслал. Когда тебе, друг милый,
Вдруг встретится островитянин хилый,
Больной и злой, ты угадаешь вмиг,
Что он не кто иной, как папефиг.
Когда же встречу походкою победной
Пойдёт, высокомерьем осиян,
Мордастый тип – он из страны соседней
И сей земли захватчик: папоман!
Мэтр Франсуа поведал нам к тому же,
Что остров Папефигия, в удел
Доставшись Люцеферу, захирел.
Картинки иллюстрируют не хуже
(Коль к апокрифам не принадлежат),
Как, выставляя рожки, когти, рыла,
Нечистая беснуется там сила,
Как бедный люд живёт на новый лад.

Там как-то ушлый парень спозаранку
Задумал распахать свою делянку.
А так как проклята была земля,
То пролил он, трудясь, три штофа соли.
Вдруг чёрта углядел на частоколе.
Чёрт пыжился, мозгами шевеля,
Найти для своеволья основанье.
Но был он из числа тех многих тыщ
Натур, о ком ещё в святом Писанье
Исус сказал: «Блажен, кто духом нищ!»¹
Как сюзерен, чёрт никогда доселе
Не размышлял о собственных правах,
Всех обмануть пытался в каждом деле,
Был добрый дворянин и вертопрах.
«Эй, пахарь! – обратился он к виллану. –
Работа – твой конек, а мне она

¹ См.: Мф. 5:3 и Лк. 6:20 (Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное [ибо ваше есть Царствие Божие]). Прим. переводчика.

Гадка. Мой знатен род, и я не стану
Гнуть горб, высокородный сатана.
Виллан, ты должен знать, что я владею
Твоей землей с той памятной поры,
Когда эдикт объявлен был, что с нею
Ты – мой, а наш приют – тартарары!
С полицией моей мне тяжело ли
Забрать твой урожай? Но я, виллан,
Не вреден и за счёт твоих мозолей
Не стану набивать себе карман.
Скажи-ка, ты зерном какого сорта
Произвести желаешь свой посев?
А?» – «Полбой», – отвечал, повеселев,
Крестьянин. «Но тогда какого чёрта
О ней я и не слышал?» – «Монсеньор,
Хоть это с ломким колосом пшеница,
Она обычно хорошо кустится». –
«Виллан, дальнейший этот разговор
Мне скучен. Ты собрался сеять полбу?
И сей себе. С послушными людьми
Легко я лажу. Мне что в лоб, что по лбу.
Сей полбу, сей же, чёрт тебя возьми!
Не забывай при этом, что работа –
Удел вилланов. Так что, дорогой,
Изволь трудиться до седьмого пота,
И от меня не будет никакой
Ни помощи тебе, ни сострадания.
Да я и пальцем не пошевелю,
Чтобы хоть раз снять с колосочка тлю.
Тебе я повторю для назиданья:
Родился я не делать ничего
И ничего не знать. Вот каково
Мое предназначенье дворянина.
А ты – виллан и бед своих причина.
Давай об урожая дележе
Договоримся тут же на меже:
Себе ту часть возмёшь ты урожая,
Что будет над землей, то бишь, вершки,

А всё, что под землей, не размышляя,
Себе возьму я, то бишь, корешки».

Прошёл июль, снята пшеница с нивы
И ждёт, с корнями вместе, дележа.
Идёт на ток к виллану чёрт спесивый,
И там, над корешочками дрожа,
Велит скорей отправить их на рынок.
«Товар свой распродам я без заминок.
Зерно же и солома, – мыслит он, –
Сорняк!» На рынке уяснил лукавый,
Что он своим вилланом проведён,
Когда он поднят на смех был оравой
Досужих покупателей. Когда ж
Узнал он, что отъявленный мошенник
Набил тайник огромной суммой денег,
Добытых за зерно, пришёл он в раж
И к пахарю – прямьём, как зверь, свирепый:
«В сезоне новом чем, не утаи,
Засаживать ты хочешь поле?» – «Репой!» –
«Тогда вершки там будут все мои,
А корешки – твои! Мое условие
Запомни и работай на здоровье!
Меня ты обманул на первый раз,
Но больше я не допущу промашек
И взять реванш намерен. А сейчас
Отправлюсь искушать молодых монашек».
Шли дни, и новый урожай поспел.
С ботвою вырыл репу наш пострел,
И чёрт пришёл на новую дележку.
Исполщик сокрушался понарошку,
Когда плоды закладывал в подвал,
А жадный чёрт себе ботву забрал
И спешно продавать повёз на рынок,
Чтоб выиграть с вилланом поединок.
Толпа, ботву увидев на возу,
Со всех сторон торговца обступила:
«Мне снится сон, – воскликнул заводила, –

А сна-то вроде ни в одном глазу!» –
«Кто господину дьяволу такое
Сокровище послал?» – спросил другой,
А третий посоветовал спиртное
Закусывать лишь реповой ботвой.
Исполщиком перехитрённый дважды,
Чёрт бросился к виллану, полон жажды
Отмстить ему и крикнул: «Филиппок!¹
Не долго будешь на постели этой
Ты тешиться с женой своей Перреттой!
Тебе я объяснить желаю впрок,
Что ждёт дерзнувших враждовать со мною.
Есть на примете дама у меня,
Красивая и полная огня.
Так вот, тебя я чести удостою
Вступить со мною на турнире в бой
Пред нею, и увидим мы с тобой,
Из нас двоих которому атлету
Завоевать удастся даму эту².
Оружие я назначаю сам:
Ты волю дашь ногтям, а я когтям.
Тот победит в междоусобной встрече,
Кто сможет больше нанести увечий
Противнику. И тот, кто победит,
Свои права на землю утвердит,
Конечно, вместе с полбой, вместе с репой
И с прочей сытью, лепой и нелепой.
Итак, через неделку, Филиппок,
Мы наших стычек подведём итог».

Крестьянин, огорошенный нечистым,
Со страхом стал ждать встречи с реваншистом.
Его жена, хозяек образец,
Познавшая все чёртовы ловушки,
Умела больше, чем пасти овец,

¹ Филиппок – редкий для перевода случай, когда уменьшительное имя Флипо (Philipot), производное от Филиппа (Philippe), часто встречавшееся у французских крестьян, удачно сочетается с русским уменьшительным именем Филиппок. (Прим. пер.).

² Здесь Лафонтен использует традиционную формулу вызова на рыцарский поединок. (Прим. пер.).

Хотя была и в возрасте пастушки.
Она сказала: «Милый Филиппок,
С овцы паршивой мы не шерсти клок,
А выдерем – ой-ой! – какие клочья,
И в этом, муж, тебе хочу помочь я.
Чёрт молодой, неопытный во всём.
Да мы его вкруг пальца обведём!»

Когда же подошёл день встречи с чёртом,
Крестьянин, калачом прослывший тертым,
Подумал: в церковь никакая мразь
Не внидет и, во храм пустившись ходко,
Там в полную воды купель, крестясь,
Он опустился аж до подбородка.
Теперь с ним не случится ничего.
Теперь его в таком оставим виде.
Отцы святые хором вкруг него
Запели: «Vade retro!» (Бес, изыди!)
Посмотрим, что с Перреттой. А она
Осталась в доме гостя ждать. Вот вскоре
Явился в дом надменный сатана
И слышит стон хозяйки: «Горе! Горе!
Какой палач мой муж! Какая тварь!
Он очумел. Готовясь к бою с вами,
Взгляните, милостивый государь,
Как изверг разодрал меня ногтями,
Хоть я от самых малых лет крепка».
Сказав сие и соскочив с постели,
Хозяйка заголилась до пупка.
Чёрт онемел. Такого он доселе
Не видывал: вилланова жена,
Ах, надвое была расчленена.
«Сражаться с тем, чьи так остры ногтищи,
Ну нет, – подумал чёрт, – ещё не чище!»
Он бросился в испуге со всех ног
С земли, что отстояли Филиппок
С Перреттой. Как друзья, так и соседи, –
Все радовались дружно их победе,

И в гуще шумной, праздничной толпы
Гуляли не последними попы.

ДЖЕЙМС МИЛН (1737 – 1788)

Джеймс Милн¹ – фермер и поэт – оставил после своей смерти довольно много пьес и стихотворений, одно из которых было посвящено Роберту Бёрнсу. Известно, что в 1789 году сын Милна, Джордж, советовался с преподобным Патриком Карфрае из прихода Миссис Данлоп относительно рукописи отца. Преподобный, в свою очередь, написал письмо Бёрнсу, в котором, ссылаясь на свою многолетнюю дружбу с автором стихов, спрашивал мнение великого поэта о поэтическом произведении, написанном в его честь. Он, в частности, сообщал, что, это было единственное стихотворение Милна в шотландском стиле и, что автор сам, возможно, собирался отправить его Бёрнсу, но так и не сделал этого. Если Бёрнс сочтёт стихи достойными, то друзья Милна хотели бы их опубликовать в печати. В письме, адресованном Миссис Данлоп, Роберт Бёрнс отметил, что стихотворение не лишено достоинств, но, тем не менее, имеет один серьёзный недостаток – оно слишком длинно. К тому же, успех Бёрнса породил, на его взгляд, огромное количество подражаний, грозивших превратить шотландскую поэзию в пародию. В апреле того же года Бёрнс написал преподобному Патрику Карфрае и посоветовал ему напечатать что-нибудь из английских стихотворений своего почившего друга.

Мистеру Бёрнсу – о его поэтических произведениях

Перевод с английского Евгения Фельдмана

Она сняла цветочный свой венок,
Она глядит печально, отрешённо.
Она поёт, но кажется, мой Бог,
Она о ком-то плачет сокрушённо.
То Муза скоттов, что из года в год
Скорбит о том, кто умер не намерен,
И горько над могилой слёзы льёт,

¹ <http://www.robertburns.org/encyclopedia/MylneJamesd1788.672.shtml>

Где Фергюссон вкушает сон последний.
Но вот – заговорила: «Нет и нет!
Ужель и ты с земным смешался прахом?
За Алланом и ты ушёл вослед. –
Я не могу смириться с полным крахом!
Напевы не слышны в родном краю, –
В углах медвежьих, – да и то едва ли... –
Из тех, что пели воины в бою,
Из тех, что наши девы напевали.

Английские не емлют короли
Родной язык шотландского народа,
И он добычей лёгкой, – ай-люли! –
Стал для шута, глумливца и урода.
Болваны наши двинулись на юг,
Чтоб глупостей набратся у Британник,
И застыдился чей-то сын и внук
И бабушек, и матерей, и нянек.

Теперь они чураются всего,
Что существует севернее Твида,
И по-шотландски слова одного
Там не прочтут вам – даже и для вида,
И по-английски толком не прочтут
Из-за языкового винегрета.
Ни тот, ни тот язык они не чтут,
Ни тем, ни тем их сердце не согрето.

Не так ли поклоняются тому,
Кто явлен в обаянье капитальца?
Но если обанкротился, – ему
Не подадут руки, – и даже пальца.
Могла ли я предвидеть этот срам?
И верится сегодня еле-еле,
Что мы начнём учить по словарям,
Что прежде познавали с колыбели.

Настало время пошлой мелюзги.
Талантов нет, – однако, парни ловки,

Внедряя в современные мозги
Уродливые песни-полукровки.
Великий Рэмси видел: сходит в тень
Наследие культуры драгоценной.
Его слова бледнели каждый день,
Как росчерк мела надписи настенной.

О Аллан Рэмси, гений, исполин, –
В его стихах такое чувство хлещет,
Что славен он среди родных равнин
И заграница бурно рукоплещет.
Он возродил хиреющий язык,
Но умер он – и всё пошло насмарку.
На горизонте Фергюссон возник
И снова поднял наш престиж и марку.

Кто учит мир сказаниям простым?
Кто учит сердце языком природы?
Кто учит посылать ко всем святым
Уставы рафинированной моды?
Дух Робина явился, наконец.
Великое довольство в нём светилося,
И я спросила: “Где ты был, певец?
Чему ты нынче рад, скажи на милость?”

“Где протекают реки Эйр и Дун,
Идя за плугом, пел обычный пахарь.
О, как зачаровал меня колдун!
О, как в меня проникнул этот знахарь!”

“Прости за то, что столько боли
Тебе принёс я поневоле,
И у тебя не будет боле
Надёжной крыши!” –
Так пахарь обратился в поле
К обычной мышши.

Плуг отвязал он. Далее верхом
Помчались мы на Мэгги, на кобылке.

Она была прославлена стихом
И шагу не ступала без ухмылки.
Но видел я: сжимало грудь его
Предчувствие смертельного упадка.
Тоска-печаль за это существо
Его переполняла без остатка.

И вновь я заглянул ему в нутро, –
На этот раз – в коробку черепную, –
И было в ней от выдумок пестро,
Переходивших в музыку шальную.
Но их сопровождал врождённый вкус,
Который даровала нам природа,
Воображенья пламенный союз
С живым умом и памятью народа.

Шотландских добродетелей не счесть,
Их летопись – ярка и многоглава.
Всеобщей целью их была и есть
Живая поэтическая слава.
Мы с ними обнаруживаем ложь
И с ними, не испытывая робость,
Мы наших доморощенных святош
Тупую прошибаем твердолобость!

Мы с ними строим дружную семью,
Которая крепка, сыта, здорова,
Где слышен смех, где арию свою
Заводит рядом дойная корова,
Где молоко – в основе многих блюд,
Где, пьянством бытия не опошляя,
Его везде и всюду люди пьют,
О винах дорогих не помышляя.

Один играет, а другой поёт,
Рассказчики всегда найдутся в доме.
Потом, угомонясь, честной народ
На сене засыпает иль соломе.
К вам глухо небо, гордые цари,

С которым собеседовать не прочь вы,
Ведь небо емлет, что ни говори,
Лишь думы, исходящие от почвы!

А, может, в ком-то зреет злобный план,
А, может, в ком-то чёрных дум брожение,
И, изменною страстью обуян,
Готовит он погибель юной Дженни?
И если так, то в мрачные часы,
Когда смешны благие упования,
Его облают собственные псы,
Захлёбываясь от негодования!

Мы песни пасторальные поём, –
Да так, что не стояли даже близко
Другие рядом с нами. – Но о чём?
О добрых жирных хаггисах и виски.
И с песнею прадедовских времён
Душа освобождается от груза...».
«Ты Бёрнса встретил! Слышишь, это – он!» –
Вскричала вдруг взволнованная Муза.

«Родился он, и я была при нём,
Я буду состоять при нём до гроба.
Прославлен он в отечестве родном,
А ты и Рэмси – с ним тягайтесь оба!»

Пропел петух, – и улетели
Видения. В своей постели
Проснулся. Мысли загудели;
Одна – особенно:
«Не сочинить ли, в самом деле,
Письмо для Робина?»

Для Робина? Кто я такой?
Ну, щегольнул разок-другой
Несовершенною строкой, –
А где талант?
Поэт я, в общем, никакой, –

Так, дилетант!
А выйди пара строк толково,
Я от случайного улова
Не возгоржусь, но лишь сурово
Промолвлю: “Amen!” – и
Почём цена теперь на слово,
Спрошу у пламени!

Но Бёрнс – о, здесь другое дело:
Пусть лаял критик оголтело,
Стихи, что предъявил он смело,
Отчизна взвесила,
И вот уж золото заблестело
В кармане весело!

О, Бёрнс! Пусть на родных просторах
Дурной народ вскипит в раздорах,
И будет яд в словах и взорах:
«Достойны вы стрел!» –
Зажжён фитиль, взорвался порох,
Раздался выстрел!

Смотрю и думаю: ты гля,
С тобою рядом герцог – тля,
И граф, стихи твои хваля,
Долбит, как дятел.
Случись со мной такое, мля,
Давно бы спятил!

Но, коль случилось чудо, друже,
Тянись к богатству из нужи
И укрепляй свой дом снаружи,
Крепи внутри,
И на того, кто нынче в луже,
Ты не смотри!

Но вспомни, Роберт, что вначале
И Рэмси с помпою встречали.
Он пел, как птица, без печали

И знал везде, нежный:
Покуда с ним не заскучали,
Он – парень денежный.

Потом, когда его забыли,
Он жил, я помню, в Касл-Хилле.
Никто не ведал, жив он – или
Уже скончался,
А Рэмси жил, как деды жили,
Не огорчался.

Надёжный кус найти пытайся,
С одной лишь музой не слоняйся,
Под бурей жизни не склоняйся,
Противоборствуй,
Как наши барды, не питайся
Лишь коркой чёрствой.

Иной пиита желторотый
Одни стихи строчит с охотой,
И он себя другой заботой
Не бременит,
И он с любой другой работой
Повременит.

Один за золото востока
Воюет нагло и жестоко,
А наш извечный лежебока
Беспечно свищет
И, в потолок уставя око,
Там рифму ищет.

Жилище бедное – в упадке,
В нём чашки-ложки – в беспорядке,
Его куски, увы, несладки,
Зато у типа
Стихов за многих лет десятки –
Большая кipa.

Я бодро тему обозначил
И тут же сам терзаться начал:
А сколько строк я зафигачил
Дурного сорта?
А сколько глупостей заначил?
Ответ: до чёрта!

Сие – соседа голова:
В ней кони, овцы и трава,
В ней поле, пашня, сев, жнитва,
Прогноз, надежда;
Сие – моя: вино, жратва,
Покой, одежда.

Я возлежу на музе тяжко,
И та, блаженствуя, дурашка,
Твердит мне, что сосед – какашка,
А я – пирожное.
И возбуждает без промашки
Враньё безбожное!

Я не хочу тебя дурачить
Иль шуткой резкою подначить,
Хочу с тобою законтачить,
Хочу я праздно
С тобою просто посудачить
Про всяко-разно.

И что богатство, что мне слава?
Оно б совсем нехудо, право,
Но накормить свою ораву
Мне прежде нужно,
А нет – орава от растравы
Заплачет дружно!

А не слабó ли – в гости к нам?
Буль-буль с семейством и ням-ням?
Конечно, пир я не задам, –
Ведь мы не баре, –

Но выну всё, что по углам
Храню в амбаре.

Я накормлю тебя прекрасно,
Но обсуждать жратву опасно
Со мной, мой миленький, – ужасно
Начну ругаться:
Я на жену привык всечасно
Здесь полагаться.

Хожу я в гости пообщаться,
А не вином поугощаться.
Ко мне не нужно обращаться:
«Суп черепаховый!
Пожалте!» – Лучше попрощаться:
Драчун я – аховый!

Тебе – такой – не нравлюсь? (Иль?).
Ах, если «иль», – живая быль,
Четырнадцать к востоку миль
Ты от Эдины
Пройди по морю, друг мой мил,
К нам в палестины.

Пять миль – до мест моих родных.
До Престонпанса – три из них.
Лох-Хилл, – я здесь пространный стих
Строчу умильно.
Включи же в круг друзей своих

И

ДЖЕЙМСА МИЛНА!

/Poems, consisting of miscellaneous pieces, and two tragedies. By the late James Mylne, at Lochill. Edinburgh, W. Creech; [etc., etc.] 1790. 8, xxiii, 435 p. 22 1/2 cm. / pp. 32-44/.

И звенит во мне голос далёкий...

ДОНДОК УЛЗЫТУЕВ (1936 – 1972)

В Шибертуйской средней школе Бичурского аймака Д. Улзытуев¹ посещал кружок любителей родного языка «Ошон», открытый учительницей бурятского языка и литературы Цырегмой Намдаковной Намдаковой. Д. Улзытуев с глубокой благодарностью вспоминал свою учительницу, которая сумела привить ему любовь к родному языку и открыла дорогу к творчеству. Кружок готовил рукописный сборник творчества своих участников. Вместе с ним здесь занимались будущие литераторы Цырен-Дондок Хамаев (Петя Саможапов), Владимир Жалсанов, Бальжинима Намдаков, Цырендондок Шагжиев, Дамдин Дамбиев.

Первая публикация стихов Дондока Улзытуева состоялась в 1953 г. Газета «Бурят-Монголой унэн» опубликовала его стихотворение «Голубка». Он учился тогда в восьмом классе. На русском языке его стихи появились впервые в год окончания школы в газете «Бурят-монгольский комсомолец» в переводе В. Мартынова.

После окончания средней школы в 1956 г. работал в Бурятском книжном издательстве. Первая книга стихов «Три тайны пера» вышла в 1957 г. в Улан-Удэ. С 1962 г. – член Союза писателей. В 1963 г. окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в издательстве журнала «Байкал».

Стихи и поэмы Дондока Улзытуева были переведены на русский язык и изданы в Москве, вышли в ряде сборников. Поэтический перевод нескольких из них выполнил Е. А. Евтушенко. Стихи Улзытуева печатались в журналах «Байкал», «Юность», «Цот», «Дальний Восток», «Смена», «Огонёк», «Знамя», «Дружба народов», «Сибирские огни», переведены на русский, латышский, эстонский, финский, татарский, белорусский, казахский, калмыцкий, монгольский венгерский и другие языки.

Дондок Улзытуев известен и как поэт-песенник. В начале творческого пути Улзытуев сочинял не только стихи, но и мелодии к ним. Среди таких его опытов ставшая народной песня «Дуулыш, инагни» («Пой, милая»). Вместе с композиторами Бурятии поэтом написан ряд известных в Бурятии песен, которые продолжают исполняться на эстраде: «Гунсэма», «Лирическая песня», «Осенняя песня».

Высокую оценку стихам Д. Улзытуева дал критик И. Пеньковский на страницах журнала «Дружба народов» (№ 1, 1966): «Улзытуев, счастливо от природы наделен подлинным поэтическим даром: у него зор-

¹ <http://ru.wikipedia.org/wiki/>

кий и точный, поэтический глаз, активное поэтическое мышление, живая образная реакция на зрительные и духовные впечатления и очень привлекательный лирический голос. Всё, о чем он пишет, а вернее, поёт, потому что природа его стихов, в основном, песенная – это все подлинно увиденное не только глазами, но и сердцем, внутренним духовным зрением поэта. Всё это им органически воспринято от народа и естественно кровно прочувствовано». Поэт умер молодым в 1972 году.

Перевод с бурятского Виктора Балдоржиева

Наказ

Будет таять в горах белый снег,
Будут чайки кричать, и они
Вдруг напомнят тебе в шуме рек –
Обо мне... Ты меня вспомяни.

Летом в ясную тёплую ночь
Сердце часто забьётся в груди,
И когда станет сердцу невмочь –
Ты меня вспомяни. И не жди...

Будет осень, ненастье. Цветы
Будут гнуться в дождливые дни,
И листва покачнется, а ты
Нежно в мыслях меня вспомяни.

И пока молодые года
Не погаснут во мгле, как огни,
Может, встретишь судьбу, и тогда
Непременно меня вспомяни.

Снова дети одарят тебя
Новым счастьем, однажды они
Вдруг напомнят меня. Но скорбя,
Ты не вскрикнув, меня вспомяни.

Незаметно года пролетят,
Будут внуки – твои и мои,

И лаская проворных внучат,
Ты печально меня вспомяни.

И закроешь глаза – придет день
Мир растает в туманной тени...
Отходя в эту вечную тень,
Напоследок меня помяни.

Приезжай (песня)

Каркать вороны чёрные станут
И вершины обложат вокруг,
Ветры сумраком небо затянут,
Отложи путь-дорогу, мой друг.

А кукушка в тайге закукует,
Станет синяя даль расцветать,
Мое сердце тогда затоскует.
Приезжай поскорей. Буду ждать.

Зашумят по опушкам деревья,
Будет ветер шатать их и гнуть,
И метель засвистит вдоль кочевий,
Отложи, мой любимый, свой путь.

А распушится снова подснежник,
Станет долгая осень цвести,
Буду ждать тебя верно и нежно.
Приезжай... Не замедли в пути!

Снова вспомнились хори-буряты
И – легенды туманных веков.
Вспоминаю своих праотцов,
Отлетаю я мыслях куда-то,
И сижусь, загрустив, одинокий,
И звенит во мне голос далекий...

Тоска

Вспоминая родные просторы,
Загрустит вдруг осёдланный конь.
И в глазах его бархатных чёрных
Золотой замигает огонь.

И слеза упадёт. И в печали
Видит степь, где он вольно скакал,
Голубые далёкие дали,
Где я в детстве его оседлал.

И, родимые вспомнив просторы,
Конь глазами тревожно косит,
Сотрясает столбы и заборы
И на месте никак не стоит.

А как чутко, как остро, как тонко,
Удивлённый, ушами стрижет.
И внезапно залиvisto, звонко,
Изумляя округу, заржёт.

Но, поникнув в надёжной треноге,
Он, тоскуя, стоит третий день.
И в глазах его влажных тревога,
Безысходная мутная тень...

Весенний аромат, весенний ветерок,
Ожившая тайга, голубенький дымок...
Весенний аромат зовёт куда-то вдаль,
На сердце у меня неясная печаль.

Весенние ветра все чувства всколыхнут, —
И девушки тогда своих любимых ждут.
И множество людей в чужих краях не спят,
Вдыхая аромат, о родине грустят...

Вдоль улицы бегут ребята в рубашонках.
Тепло пришло на землю, земля вовсю парит.
Кричат высоко гуси, смеются дети звонко...
Соседская старуха над печкой греет руки:
«Весна ещё далё-ёёко...» – вздыхая, говорит.

Пожар и мятеж, и потоп по весне,
Несчастье и счастье, и годы невзгод,
Однажды исчезнут в космическом сне.
Всё в мире проходит, и это пройдёт.

И морок ненастья, и солнечный день,
Весна и любовь, и наш путь на земле –
Забавы Вселенной, сиянье и тень,
И всё отголоском растает во мгле.

И правда, и кривда, и грех наш земной,
И летние ночи, и зимний туман, –
Легенды Галактики, бездны седой,
А волны – слова в них, но всё – океан!

Но мыслить, что всё безвозвратно нельзя,
И ты не печалься, печали не впрок,
Ведь всё возвратится на круги своя,
Но каждому кругу отмерен свой срок...

«За срок, что мне отмерен...»

За срок, что мне отмерен, пока я жив-здоров,
За этот мир прекрасный из всех иных миров,
За бабушкины руки, за нежность и тепло,
За то, что здесь родился, за то, что повезло, –
Родимые просторы я буду воспевать,
И песни свои снова я буду повторять...
И возвращусь однажды под солнцем и луной,
И буду снова принят я этой же землёй...

Ты пришёл в этот мир наслаждаться годами.
Но земля твоё тело обратно возьмёт.
Где останутся – имя и мысли с делами,
Где пребудут они, когда тело умрёт?
Исключительна суть силы воли и мысли,
Даже пристальный взгляд всех желаний сильней.
Ваша проповедь – тлен, но есть поиски смысла
По законам Вселенной, познаний людей.
Так бесценной становится мысль человека!
Хоть огонь превращает всё в пепел и в прах,
Возвращаясь на круги, ведут век от века
Вечный спор – смысл и сила слепая в веках.
Сила воли и мысль человека бессмертны...
Стану ветром я свежим по миру гулять,
И сияньем луны задремлю вдруг над степью,
Розоватым лучом буду вас навещать,
И откликнусь однажды я в сумерках эхом...
Тело смертно, но ведь продолжается мысль,
Пусть недолго я жил на земле человеком,
Но живёт моя мысль, продолжается жизнь.
Сила воли и мысль... О, как много нас, люди,
Как могли бы мы свой совершенствовать путь
От истоков своих... А того, кто забудет,
Жизнь заставит искать их – истоки и суть...

Парит орел под синью небосвода –
И с разворота
Внезапно падает, сверкнув крылами,
Осколком камня...
И воздух свеж, и волчий вой и ропот,
Всё ближе топот.
Взметнулась пыль, промчался всадник быстрый –
И грянул выстрел...

Латиноамериканский феминистический модернизм

АЛЬФОНСИНА СТОРНИ (1892 – 1938)

Латиноамериканская поэтесса¹ и писательница, одна из наиболее значимых фигур латиноамериканского модернизма и феминизма. Сторни родилась в Сала Капраска (Швейцария) в семье аргентинского предпринимателя, производившего пиво, который некоторое время жил в Швейцарии. Благодаря этому Альфонсина выучила итальянский язык. Семейный бизнес в Европе не удался, и Сторни перебрались в Аргентину, где в городке Росарио открыли таверну.

В 1907 году Альфонсина примкнула к странствующей театральной труппе, с которой путешествовала по всей стране. В театре она сыграла несколько ролей, в частности, в спектаклях по пьесам Генрика Ибсена, Бенито Переса Гальдоса, Флоренсио Санчеса.

Вернувшись в Росарио, Альфонсина выучилась на учительницу начальных классов, а также сотрудничала с местными журналами Mundo Rosarino, Monos y Monadas и Mundo Argentino.

В 1911 году она переехала в Буэнос-Айрес, пытаясь затеряться в большом городе. В следующем году у неё родился сын Алехандро, незаконнорожденный ребёнок от связи Альфонсины с журналистом из Коронды.

Несмотря на финансовые затруднения, она опубликовала в 1916 году книгу «La inquietud del rosal», а позднее начала сотрудничество с журналом Caras y Caretas, работая при этом кассиром в магазине.

Через некоторое время Сторни познакомилась с такими писателями, как Хосе Энрике Родо (исп. José Enrique Rodó) и Амадо Нерво (исп. Amado Nervo).

Поправив своё финансовое положение, Альфонсина Сторни совершила поездку в Монтевидео (Уругвай). Там она познакомилась с поэтессой Хуаной де Ибарбуру и поэтом Орасио Кирогой, с которыми подружилась на долгие годы. В 1920 году вышла её книга «Languidez», которая принесла ей Муниципальную поэтическую премию (Municipal Poetry Prize) и Национальную литературную премию (National Literature Prize).

Альфонсина Сторни преподавала литературу в школе Escuela Normal de Lenguas Vivas, а также продолжала поэтические опыты. Её поэзия приобрела феминистскую направленность. Неустроенность и одиночество стали сказываться на здоровье поэтессы. Возникшие про-

¹ http://ru.wikipedia.org/wiki/Сторни,_Альфонсина.

блемы эмоционального толка заставили её оставить преподавательскую деятельность.

Сторни путешествовала по Европе, что также повлияло на её поэтический стиль, придав поэзии лиризм и драматизм. Поэзия позднего периода её творчества исполнена эротизмом, несвойственным для литературы этого времени, а также новыми феминистскими идеями – сборники «Mundo de siete pozos» (1934) и «Mascarilla y trébol» (1938).

В 1937 году друг Альфонсины Сторни поэт Орасио Кирога покончил с собой. Это событие, а также обнаруженный у поэтессы рак груди, подвигли её на написание своего последнего стихотворения «Voy a dormir» (Пойду я спать), отправленного ею в октябре 1938 года в редакцию газеты La Nación. Около часа ночи во вторник, 25 октября, Альфонсина Сторни покинула свою комнату и направилась в сторону бухты La Perla в Мар-дель-Плата. Тем же утром двое рабочих обнаружили тело поэтессы на берегу. Вопреки утверждениям биографов Сторни, что она бросилась в море с утёса, до сих пор бытует легенда, что Альфонсина медленно входила в море, пока не утонула. На месте гибели поэтессы в 1942 году был установлен памятник работы скульптора Луиса Перлотти (исп. Luis Perlotti)

Смерть Альфонсины Сторни вдохновила Ариэля Рамиреса и Феликса Луна (Félix Luna) на написание песни «Альфонсина и море» (исп. Alfonsina y el Mar), которую исполняли многие певцы, в том числе Мерседес Соса, Тания Либертад (Tania Libertad), Нана Мускури, Mocedades, Андреас Каламаро (Andrés Calamaro) и многие другие.

Несмотря на то, что после смерти писательницы прошло более пятидесяти лет, латиноамериканский художник Aquino нередко включает её образ в свои произведения.

Однажды Сторни назвала в своих стихах мужчин el enemigo, «враги». Многие произведения Сторни фокусируются на унижении мужчинами женщин. Иногда это приобретало форму обвинений в адрес всех мужчин вообще, их лицемерия в отношении женского целомудрия.

Перевод с испанского Михаила Финкеля

Два слова

Этой ночью ты на ушко мне шепнул всего два слова
Безыскусных. Два усталых
От того, что их вовеки повторяют снова, снова.
Умирающих и новых.

Два столь сладких, что блуждая
Меж ветвей, луна застыла
На губах моих. Столь сладких,
Что щекочущего шею муравья отбросить силы
Не хватило.

Два столь сладких.
Что сказать, в любви сгорая? Как на свете жить прекрасно!
Нежных, гладких,
Как разлившийся по телу аромат оливок масла.

Два столь сладких и прекрасных,
Что взметнулись мои пальцы,
Словно ножницы до неба,
И, как в судороге танца,
Попытались звезды срезать.

Твоя сладость

Я прогуливаюсь чинно по тропинке меж акаций,
Мне ладони освежают белых лепестков снежинки,
Легкий ветерок ерошит мои волосы-пружинки,
А душа моя – как будто пенка в ваннных знатных граций.

Мне дано тобой сегодня, добрый гений, задышаться,
С каждым вздохом – вечным, кратким – я делюсь на половинки...
Разве мне взлететь, как бьются в сердце трепетном кровинки?
Ноги обретают крылья, и кружат Хариты в танце.

Твои руки прошлой ночью в пламени моих горели,
Моей крови столько ласки подарить они сумели,
Что был рот наполнен мёда ароматными духами.

Я с зарей невинной летней от бесстыдства их боялась
Возвращаться в деревушку и, себя не помня, мчалась,
Позолоченных блестящих мотыльков ловя губами.

Утерянная нежность

Покидает мои пальцы беспричинно нежность ласки,
Покидает мои пальцы... Уносимая ветрами,
Нежность брошена судьбою и блуждает безучастно,
Подберёт ли кто бродяжку – нежность, что была меж нами?

Я могла б любить сегодня бесконечно, благодарно,
Я могла б любить любого, кто приблизился незванно.
Никого. Пусты тропинки расцветающего сада.
Лишь утраченная нежность кружит, кружит беспрестанно...

Если этой ночью, странник, тебя в очи поцелуют,
Если ветки тронет тихий нежный сладкий вздох безейный,
Если маленькой рукою вдруг сожмутся твои пальцы,
Что подержит и отпустит, что добьётся и исчезнет.

Ты, руки не видя этой, и ни губ, к губам прильнувшим,
Думая, что это ветром соткан призрак поцелуя,
О, небесноглазый странник, ты, разлитую в пространстве,
Спрятанную в волнах ветра, узнаёшь меня такую?

Современная венгерская поэзия

Якорь в небе или поэзия единого пространства

В переломные моменты жизни народов и государств, когда внезапно распадается общее геополитическое пространство, что помогает бывшим соотечественникам, оказавшимся по разные стороны границ, чувствовать принадлежность к своему народу и культуре? Родной язык, высшей формой которого является поэзия! Её значение в качестве объединяющего начала невозможно переоценить. Это хорошо понимают и наши бывшие сограждане, оказавшиеся за пределами России после 1991 года, и мадьяры, потерявшие принадлежность к Венгрии в 1920 году: ведь после Трианонского договора страна утратила две трети своей территории! Тогда, как и сейчас, связующим звеном между людьми одной культуры стала поэзия, чтобы сыграть ведущую роль в духовном воссоединении нации.

Мы говорим «домонгольская Русь», а мадьяры – «домохачская

Венгрия». Для них битва при городе Мохач на правом берегу Дуная значит то же самое, что для нас сражение на реке Калке. После кровавой победы, одержанной султаном Сулейманом Первым над королём Лайошем Вторым 29 августа 1526 года, значительная часть страны попала под власть Османской империи. С этого дня у венгров началась совсем другая национальная история – история борьбы за государственную и духовную независимость. К этой точке отсчёта постоянно возвращаются мыслью венгерские поэты. Ведь это глобальных исторических разломов, произошедших в XVI и XXI веках, до сих пор слышно в их судьбах.

Подумать только: страна разделилась полтысячи лет назад, а поэтическое пространство так и осталось единым! Стихи на венгерском языке пишутся в Закарпатье, Словакии, Сербии и Румынии. На её территории, в зоне компактного проживания венгерского меньшинства – в трансильванском городке Тыргу-Муреш – появился на свет поэт Геза Сёч, занимающий пост государственного секретаря Венгрии по культуре. В румынском городе с говорящим названием – Мадьярфалу (что значит – «Венгерская деревня») родилась поэтесса Лаура Янку, член правления Союза венгерских писателей. «Не завидую тому, кто будет это переводить!» – заявила она, пересылая свои стихи в Москву. Ведь Лаура пишет сложно, любит сталкивать несоединимое. Впрочем, и поэтический язык Яноша Сентмартони, возглавляющего Союз венгерских писателей, тоже отличается подчёркнутой парадоксальностью. Лишь он один из всех авторов, представленных в этой подборке, родился в самом сердце Венгрии – Будапеште. Вместе с Лаурой Янку и Гезой Сёчем Янош Сентмартони приняли участие в Неделе венгерской поэзии в России, которая прошла с 10 по 14 апреля 2012 года в Москве и Санкт-Петербурге. А вот Кароя Чеха на празднике мадьярской музыки не было: поэт редко выезжает из родного Мишкольца – города с древними поэтическими традициями. Родившийся в венгерской деревушке Боршодгед, он известен своей тонкой пейзажной лирикой, а также многочисленными переводами современной русской поэзии.

Ольга Володарская

Лаура Янку

Перевод с венгерского Ирины Ковалевой

Кантата дилетантки

Пока ждала тебя воскресным днём,
на яблоню цветущую смотрела –

туда, где свили воробьи гнездо,
что заметала вьюга лепестками.
Твоё писала имя на стекле,
слезами буквы успевали стечь,
а ты не шёл, и пальцы на руках
указывали десять направлений,
и приближался ты со всех сторон,
хотя шагал не по своим дорогам.
Я спать училась стоя, как деревья,
но гас огонь, дрожал Христос-младенец,
озябший у Марии на руках.

Снимок в рубашке

Переставляю просто
твоё я изображение.
На стенах дней девяносто
идёт оттенков брожение.

В наколках пыли обои,
стрела в груди циферблата –
всё грезит одним тобою
и ждёт твоего возврата.

Пустившемуся в дорогу
нож боли вернуть хотела,
чтоб вечно впивался в ногу,
чтоб резал душу и тело.

А ночь не пропустит встречи
и холоду даст отмашку,
и кто-то другой на плечи
накинёт твою рубашку.

Дважды из ниоткуда
Колокол бьёт сурово.
Смерть – последнее чудо,
Небес последнее слово.

Перевод с венгерского Леонида Володарского

Ковёр

Коли ты его
не соткёшь
я сотку
или кто ещё

и придёт сестра
дальше ткать его
совершая труд
даже в час ночной

да придёт сестра
и возьмётся ткать
раз за разом так
и из ночи в ночь

будет ткать и вся
порастёт пером
из него наряд
шьёт ей горький стон

улетит она
и оплачет вот что:

юность, что перепала другой
и другая её износила давно
и как ни крути это так
и как ни крути это так

Перевод с венгерского Юрия Гусева

А где-то ждёт, не тает давний снег —
приют надёжный, каменный уют,
где не дрожит от страха человек,
Заслышав, как в ночи гудки поют.

А где-то ждёт нас тот, кто вышел в путь:
на стол накрыв и застелив постель,
он выскажет моих томлений суть,
косясь в окно: утихла ли метель?

Для страха грудь моя – надёжный склеп,
взгляд серых глаз – как дымка над прудом.
Кусочек неба – мой привычный хлеб.
Зал ожидания – мой привычный дом.

Геза Сёч

Перевод с венгерского Ивана Белокрылова

Стихи о бесконечных программах

Одна любовь таит другую,
Как подпрограммы хитрый код,
Как монстра – монстр; так в каждом праве
Закон глубиннейший живёт –
Он в недрах нашей жизни скрыт,
Но изнутри звездой горит.

Одна любовь таит другую,
Она живет и темней,
Бежит, пульсирует ключами
И одеяло, как дитя,
Всё сбросить норовит ночами

Куда-то вниз.
Когда-нибудь найдёшь и ты
В вине глубинных догм следы,
КАК ЭТОТ СТИХ ДРУГОЙ СКРЫВАЕТ,
И сможешь влиться вслед за мной
В бесчисленных программ ряды.

Янош Сентмартони

Перевод с венгерского Юрия Гусева

Моя ARS POETICA

Ночами, неделями, снова и снова
я форму ищу заповедного слова.

Леплю, и бросаю, и вновь начинаю.
Себя самого, кем я был, забываю.

Что было, что будет, желания, чувства —
всё канет куда-то, где тихо и пусто.

Я в землю, я в камни зубами вгрызаюсь,
я зубы ломаю о злобу и зависть.

И всё ж еженощно, и всё ж ежедневно
упрямо, по пяди, возводятся стены,

из косных субстанций возводится зданье.
А то, чем я был: наслажденье, страданье,

что было бесследно исчезнуть готово,
в душе пробуждается, просится в слово.

Перевод с венгерского Ивана Белокрылова

Пёс

Пламя тянется жадно к дымящейся шерсти,
Застревает в ограде полуночный вой,
Свет луны бьёт из глаз, рвётся с ужасом вместе,
Волчьей кровью искрится разряд грозовой.

Я умчался бы прочь, только цепь не порву —
Насмерть с домом сковав, подожгли конуру!

Перевод Ольги Володарской

Вздых

«Ну вот я и нашел свою отчизну ... » –
Неплохо б написать стихи такие,
И после этого не умирать.

Карой Чех

Перевод с венгерского Леонида Володарского

Белая мистерия

Нашего сада зелёная пена
К небу тянется неизменно.
А сверху белая масса без края
Спускается, призраков порождая.
Ходят-бродят они полусонно,
Не боясь колокольного звона
Церкви, внезапно запахшей цветами.
Будто языческий век над нами
Расплескал свои ароматы.
То, что существовало когда-то,
Заполнило нашего времени сферу.
Вот уже белую видно Венеру,
Богиню, ждущую почестей древних.
Ступает она по макушкам деревьев.
Там, где её белый след остаётся,
К небу то вишня, то яблоня рвётся,
Горящая жертвенным пламенем белым.
Кто будет тем единственным смелым,
Понявшим мистерии белой значенье?
Кто удостоится посвященья?

Небесное кладбище

На нём похоронены звёзды,
чей свет ещё к нам доходит,

как памятники, лучи их,
как стелы самим себе.

На нём похоронено детство –
сто лет как оно погасло,
но в нас его свет лучится
и всё умирать не хочет.

Перевод с венгерского Ирины Ковалевой

Пророчество

Не из каждого, кто в яслях родится
среди домашних животных,
что дышат ему в лицо и тычутся мордами,
выйдет Спаситель.

(Из цикла «Земля Обетованная»)

Андрей Сапёлкин

АРРИГО БОЙТО И ДЖОВАННИ КАМЕРАНА – ПОЭТЫ МИЛАНСКОЙ СКАПИЛЬЯТУРЫ

В истории итальянской литературы на долю литературного и художественного течения, получившего название «скапильятура», приходится очень непродолжительный срок – всего одно десятилетие (1860–1870), но оно представлено именами, оставившими в итальянской культуре заметный след. Сам термин «скапильятура» представляет собой итальянский аналог французскому понятию «богема».

Идейной основой творчества представителей течения – скапильятов – явилось неприятие «буржуазного упорядочения» жизни, сменившего героическую эпоху Рисорджименто. Ощущение потери «почвы под ногами», невозможность, с одной стороны, воплотить свои мечты и идеалы, с другой – смириться с моралью нового буржуазного общества, вызвали у них не только резко критическое отношение к современной им итальянской литературе и культуре, но и неприятие жизни в целом. Отсюда – пессимистическое настроение, которым пронизана их окрашенная в мрачные тона лирика, стремление создать себе иную действительность, более созвучную их настроению и мироощущению, и, как

следствие, склонность к романтической фантастике и мистике, которые служат им средством ухода в эту самую «другую реальность».

Предлагаемые вниманию читателя стихотворения, принадлежащие двум наиболее видным представителям скапильятуры – Арриго Бойто (1842–1918) и Джованни Камеране (1845–1905) – относятся в этом смысле к наиболее показательным. Стихотворение А. Бойто «Листья» (1877) имеет философский подтекст. Эпиграф к нему Бойто взял из стихотворения Виктора Гюго *Ce que dit la bouche d'ombre* (сборник «Созерцания», 1856): «...первый проступок был первой тяжестью». Произведение Гюго представляет собой пространный рассказ о сотворении Богом Вселенной и грехопадении созданного им «существа» – рассказ, представленный не столько с библейских, сколько с пантеистических позиций. Оно подсказало Бойто основную идею стихотворения и приём: голос невидимого призрака, который даёт поэту пояснения. По сути, Бойто объясняет то, что стоит за словами, выбранными им в качестве эпиграфа: «всё, что имеет вес, греховно», ибо, согласно Гюго, Бог создал Вселенную, в которой изначально всё было бесплотно, нематериально. Однако Вселенная породила Зло. Первый проступок (в чём он состоял, Гюго не уточняет) привёл к тому, что всё стало утяжеляться: «эфир стал воздухом, воздух стал ветром, ангел стал духом, а дух стал человеком». У Бойто мысль развивается и уточняется: коль скоро всё, что имеет вес, греховно, то и листья, которые падают с деревьев на землю, вследствие того, что имеют вес, пусть и очень малый, – тоже греховны. «Но в чем могут быть грешны неодушевлённые предметы?» – задаётся недоуменным вопросом озадаченный поэт. Как выясняется, грех водится и за ними: они испытали вожделение, когда Ева, узнав, что она «нага», сорвала их с ветвей дерева, дабы прикрыть ими свою наготу. Следовательно, заявление неведомого голоса о греховности всего сущего обоснованно.

Стихотворение примечательно своим строгим и сумрачным, подлинно «дантовским» колоритом, а также сложной композицией. Оно состоит из четырёх строф, каждая из которых, в свою очередь, насчитывает по семь строк (септима). Шестая строка перед цезурным словоразделом (по традиции итальянской поэзии, обозначаемым знаком тире) имеет слово, составляющее рифму с последним словом седьмой строки. Первая половина шестой строки, таким образом, представляет собой полустишие, идентичное по количеству слогов и ритму седьмой строке. Стихотворение отличается также сложной системой рифмовки: ABCBC(d)AD. Рифма к первой строке находится только в шестой, что, конечно же, делает её, скорее, «рифмой для глаза», нежели для слуха, так как столь удалённые друг от друга рифмы ухом не улавливаются.

Поэзия Дж. Камераны проникнута чувством меланхолии и ощущением смерти; в ней очевидно влияние Бодлера и французских символистов, а сама она предвосхищает поэтику декадентско-эстетского толка. Одним из лучших образцов лирики Камераны является стихотворение без названия «Ищу стиха, чтоб был он тих и мрачен...» (1886). Его отличает чисто импрессионистская «прорисовка» пейзажа, в котором слово как будто растворяется: происходит стирание границы между зрительными образами и их словесными выражениями, и отсюда – невозможность «вычленить» стих, облечь зримое в словесную оболочку. Надо всем довлеет настроение «умирания», и даже видения ветряных мельниц – атрибутов голландского пейзажа – навевают мысль о смерти. Столь навязчивое ощущение смерти привело поэта со временем к самоубийству.

Арриго Бойто

Листья

*...la premiere faute
Fut le premier poids...
(Виктор Гюго)*

Стушался сумрак; бил вдали несмело
Церковный колокол. Сминая злаки,
Я по полям под звон его скитался;
Вдруг голос в полумраке
Над самым ухом у меня раздался,
Сказав дословно: – «Знай, любое тело
Всегда греховно».

От страха потом я покрылся липким,
Но не увидел никого живого;
Чернел небесный купол, лишь у края
Горя багрово.
Был час, когда, безмолвье покидая
Загробной сени, – бродят роем зыбким
Умерших тени.

Унять не в силах лёгкой дрожи в теле,
Напуганный зловещим этим гласом,
Вдоль кромки леса двинулся я дале.
С ветвей деревьев тем часом

С шуршаньем листья наземь опадали,
Кружа в полёте, – будто вес имели
Обычной плоти.

И шёл я дале с мыслями такими:
«Любое тело грешно, было слово...
Какое же на листьях прегрешенье?».
И глас тот молвил снова:
«Они дрожали в стыдном вожделеньи
В тот день, как с древа, – чтоб прикрыться ими,
Взяла их Ева».

Джованни Камерана

Ищу стиха, чтоб был он тих и мрачен,
Как озеро, присыпанное снегом;
Я видел озеро с поросшим густо берегом,
Что был в туманной мгле чуть обозначен.
Ищу стиха, чтоб сдержан был и мрачен.

Вода была как тень и отражала
В ней опрокинутые призраки растений.
Все было призрачно, и бледных отражений
Дыханье в грустном воздухе дрожало.
Ищу стиха святого идеала.

Ищу стиха, чтоб смутен был, нечётко,
Как дальних гор в тумане очертанье,
Когда рыдает дол при расставанье
С днём уходящим, что, как жизнь, короток.
Мне нужен стих, чтоб сер был и нечётко.

Стих неотчётливо-горизонтальный,
В котором бы кружился, не стихая, –
Как мельниц лопасти в Голландии, чья стая
Разнообразит горизонт печальный, –
Очаровательный сон погребальный.

ДЖОН СТЭГГ (1770 – 1823)

AULD LANG SEYNE (Written in the Cumberland Dialect)

От переводчика. Уроженец Озёрного края, замечательный поэт-романтик Джон Стэгг опубликовал три книги: "Miscellaneous Poems" (1790, переиздана в 1804 и 1807), "Minstrel of the North" и "The Cumberland Minstrel" (1810 и 1821 гг. соответственно). Большую часть жизни поэт провёл в Манчестере. Он вошёл в английскую литературную историю как «Слепой Певец» ("The Blind Bard"): несчастный случай оставил Джона Стэгга незрячим ещё в детстве.

Былые времена

Перевод с английского Сергея Александровского

Поёт иной про кровь, и дым,
И гром походов и осад;
Владыкам – добрым и худым, –
Слагает оды, ждёт наград;
Звонит, покорна рифмачу,
Честолюбивая струна...
А я бесхитростно хочу
Воспеть былые времена.

О, трижды радостные дни,
Что не спешили мчаться прочь, –
О, сколь забав несли они!
А сколь утех сулила ночь!
Безмерен удали запас,
Юнцам отпущенный сполна!
Люблю, друзья, в досужий час
Былые вспомнить времена.

Однажды ночью, в снегопад,
Я, скукой лютою вedom,
Бродил без цели, наугад –
И вот, забрёл к соседу в дом.
Сосед, почтенный человек,

Старик – морщины, седина, –
Вздыхал вседневно: «Хилый век!
А были, были времена...

– Чинила страшный здесь разбой
Нещадных уймища ватаг.
Великой в Кумберленд гурьбой
Тогда валил треклятый враг!
Мужичий стон, девичий плач:
В пустых амбарах – ни зерна;
Свиней, овец, коров и кляч –
Угнали... Что за времена!

– Однажды живодерский сброд
В ночи пожаловал сюда,
Чтоб здешний вырезать народ
И без помех забрать стада.
Во весь опор скакала мразь
Верхом – до самого гумна!
И гоготала, не таясь, –
Такие были времена.

– Наш Добби взял тяжёлый цеп,
И другу тихо молвил: “Том!
Коль не ослаб и не ослеп,
Скорей вооружись шестом.
Ну... С нами Бог, а с ними бес!”
И – крик, и стук, и лязг, и звон,
И – первый пал головорез.
Эх, молодцы былых времен!

– Дубасил Добби наповал:
Ударит цеп – и точка, ша!
И Том в бою не отставал,
Шестом калеча и круша.
Не разбираючи пути,
Помчала банда прочь и вон!
Так двое против двадцати
Дрались... Не стало тех времён».

Сосед мой был охоч и лих
Рассказывать, что хватит сил,
О ведьмах, леших, домовых
И жутких людях – им же мил
Наш ненавистник и злохот,
Наш архиворог – сатана!
Пред ними даже Митчелл Скотт¹
Робел в былые времена.

А Скотт, поверьте, не был прост!
Не зря идёт о нём рассказ:
Он беса пьяного за хвост
Предерзко дёрнул как-то раз!
И в утешение поднес
Лукавому стакан вина:
Мол, клюкни, преисподний пес...
Лихие были времена!

О, сколь уютно по ночам
Болтали я и мой сосед!
Не знать надменным богачам
Подобных дружеских бесед.
Лютует за стеной метель,
А в старом кресле у окна
Сосед, потягивая эль,
Бормочет: «Были времена!

– Крутенько приходилось прежь:
Под землю прятали добро;
Кровавый бушевал мятеж,
Умно затеян и хитро.
Скрывали в дебрях и коров,
И кляч... Рыдала вся страна,
И не давал защиты кров
Родимый! Были времена...

¹ Митчелл Скотт (у Стэгга – Mitchel Scot): философ XIII столетия, знаменитый в народе как черно книжник и чудодей (Прим. пер.).

– Ох, горе горькое – грызня
Чинуш, вельмож да королей!
Но скоро кончилась резня
Средь наших долов и полей.
Милее покаянный мир,
Чем окаянная война!
И вновь под каждым кровом – пир:
Переменились времена.

– Уж не грозила нам беда,
Никто в те годы не был хмур:
Ни самодержец нас тогда
Не угнетал, ни самодур!
Неважно – барин или смерд:
Бок-о-бок пили допьяна
Простой мужик и знатный лэрд!
Какие были времена!

– Никто, насколько бы ни был слаб,
Не знал от ближнего обид;
И даже распоследний раб
Всегда хранил довольный вид.
Колядовали мы зимой,
И улыбалась нам луна.
Как славно было, Боже мой!
Какие были времена!

– Озябнешь – стужи не кляня,
Засядь в уютном кабаке,
У благодатного огня, –
А хочешь – дома, в уголке...
Под Рождество – сытнейший стол:
Жаркое, пудинг, ветчина,
Любой и всякий разносол!
Да, были, были времена.

– Не всё потеха: дни бегут...
И, после холодов да вьюг,
Пора и починить хомут,

И к пахоте наладить плуг,
И встать, когда встаёт заря, –
Негоже спать, уже весна!
Мы тратить не умели зря
Ни дня в былые времена.

– Раздолье девкам да парням,
Когда настанет сенокос!
Как весело бывало нам
Забраться на пузатый воз,
Зарыться в стог, не то в скирду,
Коль на закате клонит в сон...
Поверь: от века дней в году
Милее не было времен!

– Поспела рожь – и без конца
Рядами строятся снопы:
В руках у жницы и жнеца –
Неутомимые серпы!
Нелёгкий труд: жара, страда –
И вечерами пьёшь до дна
Бочонок пива – без вреда!
Н-да, были, были времена.

– Желтеет лист, и вызрел плод;
Зерно уже свезли в амбар...
На ярмарку спешит народ –
Резвится млад, смеётся стар!
Весёлый гомон, шум и пляс
Не утихали дотемна.
Бок-о-бок сквайр и свинопас
Гуляли – были времена!»

...Так повести далёких лет
Под ветра заунывный вой
Плёл поседельный мой сосед,
Покачивая головой.
Что ж, на закате бранных дней
Душа, увы, утомлена –

И мнится ей: пышней, вольней
Жилось в былые времена.

Но – странно молвить: я вполне
Со старцем согласиться рад!
Нет, прошлое не любо мне,
И не стремлю в былое взгляд:
Безмерно страшные дела
Вершила злоба испокон...
А всё же... Честь им и хвала,
Минувшим дням былых времён!

Душе любого дорога
Пора, когда был свеж и млад:
О юность! – вешние луга,
И птичьей песни звонкий лад!
Сиял огромный небосвод,
Сверкала шумная волна...
Глядела юность лишь вперед –
В заманчивые времена!

Уж так ведётся с давних пор:
Не мрак запомнится, но свет...
У памяти – пристрастный взор,
Для памяти – плохого нет.
Всё нипочем, покуда млад, –
Пусть беден, загнан, изнурён! –
И с грустью мы глядим назад:
О юность! Время из времён!

А время – беспощадный тать...
И ты, читатель мой – поверь! –
Однажды примешься роптать:
«Как было встарь! И что теперь?»
Согбенный временем в дугу,
Оборотишься в ворчуна,
На каждом говоря шагу:
«О, где былые времена?»

Как заливался прежний дрозд!
Как возвышался прежний лес!
А сколь мерцало прежде звезд
На прежнем куполе небес!
Нещадна времени рука,
И душу иссушить вольна...
И стонет сердце старика:
«О, где бывшие времена?»

НИНА НАГИБИНА

Медальоны Серебряного века

Фиолетовый и серебро... Доминирующий цвет означает ностальгию и воспоминания, потому что он происходит из голубого (означающего привязанность) и красного (символ страсти). Страстная привязанность? Ностальгия по ушедшей эпохе? Может быть.

Откуда появляется поэтический дар? Вдохновение? В стихотворении «Мелодия становится цветком...» мой любимый поэт Серебряного века, а позднее русского зарубежья Георгий Иванов говорит, что природа долго работает над тем, чтобы где-то когда-то человек написал простые вечные строки. Долго божественная мелодия перевоплощается в цветок, ветер, песок, ветви ивы, в мотылька... Наверное, вдохновение бродит по миру и озаряет головы безумцев. Недавно озарило и меня, хотя и раньше я чувствовала эти лёгкие прикосновения.

Стихотворение-медальон – так я определила жанр лирической миниатюры лаконичные четыре строки дают эскизный портрет. Композиция медальона основана на ассоциативности, то есть связывании образов, названий, предметных деталей, читательских впечатлений и т. д. в единый текст. Я думаю, читатель без авторской «подсказки» поймёт смысл стихотворения. А если литература – область ваших знаний, то, возможно, моё восприятие совпадёт с вашим. Если нет? Что ж, каждый имеет право на собственную интерпретацию.

Почему Серебряный век? Причин несколько. Первая. Знакомство с русской литературой в усечённом виде от «сих до сих» вызвало определённую аллергию на определённых авторов. С середины 80-х годов XX века на нас хлынули произведения, которых мы не знали или знали незначительно. «Серебряный период» (не дооктябрьский!) оказался доступным для всех, и началось чтение, изучение, введение в программы разных уровней. Видимо, поэтому пока не написала о Маяковском,

которого, по словам Б. Пастернака, вводили принудительно, как картофель при Екатерине. Были интересны другие.

Вторая причина. Этот период имеет ещё одно название – «русский культурный ренессанс» (Н. Бердяев). Эта историко-культурная метафора отражала происходящее: обновлялась русская поэзия. Модернистские течения обогатили русскую поэтическую культуру множеством открытий. На литературном небосклоне появились яркие индивидуальности: А. Блок, А. Ахматова, О. Мандельштам и другие. Сейчас трудно представить русскую поэзию без их шедевров. Я знаю тех, кто сам открыл эти имена, кто знает наизусть их лирику. Поэтическим вдохновениям, как драгоценным винам, настал черёд (вспомнили Цветаеву?).

Причина третья. В пространстве русской литературы Серебряный век – моя любимая эпоха. Кипела литературная жизнь Петербурга. «Башня» В. Иванова на Таврической, 25 соперничала с салоном четы Мережковских. Расцветала философская мысль. А музыка Стравинского? А живопись Бенуа? А танцы Ольги Глебовой-Судейкиной? «Бродячая собака» и «сборища ночные», где читали только что написанное, понимая или не понимая, что это будет шедевр в русской поэзии. Я зримо представляю события, литераторов эпохи русского модернизма. Их произведения (поэзия, живопись, музыка, театральные поиски) вызывают эстетическое наслаждение, так как их авторы, в оценке Бердяева, «люди утончённой культуры».

Кто они? Наследник поэтической традиции Фета В. Соловьёв, мощный выразитель тенденций Серебряного века Д. Мережковский, более всех тоскующий по мировой культуре О. Мандельштам, яркий представитель сатирической поэзии С. Чёрный, «лирический ироник» И. Северянин, будетлянин В. Хлебников, умная красавица Н. Берберова (мемуары «Курсив мой»!), тонкий поэт и оригинальный художник М. Волошин, стремящийся за пределы своего времени Н. Гумилёв, литературная мистификация – образ Черубины де Габриак...

Что же нового было в поэзии? Форма стихотворной молитвы З. Гиппиус, музыкальность лирики К. Бальмонта, цветовые и ритмические эффекты в сборнике «Золото в лазури» А. Белого, многозначная символика в лирике И. Анненского...

Была мучительная любовь и неприятие современной России Ф. Сологубом, было отражение трагедии времени в балладах И. Одоёвцевой...

Стихотворение-медальон – всего лишь поэтический фрагмент. Графический набросок. Словесная иллюстрация эпохи на хронологической шкале русской истории. Кстати, эпитет серебряный витал в воздухе, термин назвал поэт и критик Н. Оцуп, он прозвучал у других авторов. Сейчас хорошо известны строки А. Ахматовой:

И серебряный месяц ярко
Над серебряным веком стыл.
Читайте. Перед вами литературный небосклон Серебряного века.

Перевод на английский Ольги Стельмак

Вячеслав Иванов (1866 – 1949)

Знаменитые «среды» на «башне» –
Поэтический отзвук вчерашний.
И хозяин – философ и мистик –
В символизме находит тьму истин.

Vyacheslav Ivanov

Famous “Wednesdays” on the “tower” –
The echo of yesterday’s poetic hour.
Philosopher and mystic – the Master –
Finds truth in symbolic cluster.

Иван Бунин (1870 – 1953)

Листопада певец несравненный,
Чьи страницы – узор хризантемный.
Запах яблок, пора сенокоса –
Это всё сердце русское просит.

Ivan Bunin

The singer of leaves’ fall in autumn
Whose pages – the flowers’ pattern.
Taste of apples, the time of haymaking
That’s what the Russian heart’s taking.

Иннокентий Анненский (1855 – 1909)

Откройте кипарисовый ларец,
И всколыхнётся множество сердец.

Смычок слегка струны коснётся –
Душа поэта отзовется.

Innokentiy Annensky

Please, open the cypress box
To stir a lot of people's hearts.
A fiddlestick will touch the string
And the poet's soul will sing.

Константин Бальмонт (1867 – 1942)

Огонь и прочие светила!
И поколенья восхитило,
Как нежно камыши шуршат,
Как плачет и поёт душа.

Konstantin Balmont

Celestial bodies and fire!
Indeed the people admire
The gentle rustle of reeds
That the poet's soul feeds.

Зинаида Гиппиус (1869 – 1945)

Дама – в розовом, с лорнетом –
В Петербурге средь поэтов.
Хороша необычайно.
Ум, ирония и тайна.

Zinaida Hippus

Lady in pink with lorgnette –
In Saint Petersburg she's a poet.
Fair, ironic, and clever
You'll know her mystery never.

Андрей Белый (1880 – 1934)

Искал он золото в лазури,
Рассыпал пепел в новой буре.
Нашёл свой идеал? Едва ли.
Лишь облака в туманной дали.

Andrey Bely

He longed for gold in the heavens
And in the storm he scattered ashes.
Unlikely found what he missed –
But just the clouds and the mists.

Велимир Хлебников (1885 – 1922)

В дебрях зауми лексической
Виден образ поэтический:
Смехачи остались на страницах
С грустной улыбкою на лицах.

Velimir Khlebnikov

In the labyrinth of words
You can see poetic chords.
Clowns' portraits in the book
Have a sad unhappy look.

Максимилиан Волошин (1877 – 1932)

Его приют – полынный Коктебель.
Крым. Киммерия. Акварель.
Вздыхает океан усталый где-то.
И стих поёт и манит дом поэта.

Maksimilian Voloshin

His dwelling – the wormwood Crimea.
Koktebel. Watercolors. Kimmeria.

Somewhere the weary ocean signs.
And verse to the poet's house invites.

Анна Ахматова (1889 – 1966)

Любовь, печаль. Пейзаж осенний...
И боли тёмное кольцо.
Перчатка, шаль и три ступени...
Тоской пронзённое лицо.

Anna Ackmatova

Autumn's view, sorrow, love
And obscure ring of her pains.
Three steps, shawl, and glove
Anguish face forever remains.

Георгий Иванов (1894 – 1958)

Мечты на острове Цитера
О горнице, о вереске, садах...
А новый век, столетье, эра
Останутся мелодией в стихах.

Georgiy Ivanov

Dreams on the isle of Tsitera
Of chamber, gardens, and the ling...
New century, new age, and era
In his poems will sing.

Саша Черный (1880 – 1932)

Воспитанник «Сатирикона».
Ирония – его икона.
Герои и смешны, и дики.
Им далеко до фокса Микки.

Sasha Chorniy

The pupil of “Satirikon”
Irony’s his best icon.
His funny heroes unlike
Fox Mikki and the like.

Осип Мандельштам (1891 – 1938)

Гомер. Эллада. Паруса.
Нева и Нотр Дам далёкий.
Ах, если б знали небеса,
Как завтра будет одиноко...

Osip Mandelshtam

Homer. The Sails, and Hellas,
Neva and distant Notre Dame.
Ah, if ‘t was known to the heavens
As lonely ‘t would be some day...

Марина Цветаева (1892 – 1941)

В Трёхпрудном тополь в серебре.
Звон колокольный над Москвой...
И красная рябина в октябре
Наполнена звенящею тоской!...

Marina Tsvetaeva

The silver poplars in Trekhprudny
Moscow church bells’ ringing...
And October gives red ashberry
Full of sorrow that is singing!...

Нина Берберова (1901 – 1993)

Ах! Мисс Серебряного века!
Любовь – игра и риск побега.

И неожиданно красиво
Прошла в словесности курсивом.

Nina Berberova

Ah, Miss of Silver age!
Love – game, escape’s adventure.
And in a way so full of grace
She left in poetry her trace.

Черубина де Габриак (1887 – 1928)

Загадка, сказка, герцогиня,
Бронзоволосая богиня.
Стихов талантливых тетрадка.
И замирает сердце сладко.

Cherubina de Habriak

Mystery, tale, the duchess,
A bronze hared goddess.
Talented poems’ meaning
And the heart in ecstasy’s singing.

КРИСТИНА ДЖОРДЖИНА РОССЕТТИ (1830 – 1894)

Несколько слов от переводчика. Вот уже не один год с большим волнением и интересом занимаюсь я переводом на русский язык стихотворений английской поэтессы XIX века Кристины Россетти. Должна сказать, что далеко не сразу нашла я в англоязычной литературе близкого себе по духу автора, а «открыв» К. Россетти, поразила не только своеобразию её поэзии, но и удивительной значимости её творчества в наше время. Глубина и точность лирических произведений, драматическая напряжённость мировоззренческих стихов, заостренность внимания на самых существенных вопросах человеческого бытия – вот чем бесконечно дорога сегодня Кристина Россетти. Причём, её творчество так многообразно: она ласкова и трепетно-проста в стихах для детей, насмешлива и игриво-иронична в стихотворениях, подобных публикуемому ниже «Нет, спасибо, Джон», раздумчива в «Дочери вечера», а в

очень простом, на первый взгляд, стихотворении «Драгоценные камни» таится такая глубокая мысль о подлинных ценностях.

Надеюсь, эта публикация будет интересна читателям журнала.

Из спетых песен: поэзия для детей

Перевод Валентины Брилёвой

О, ветер, где был,
Сладко веешь откуда?
Он был у фиалок цветущих,
У ног твоих это чудо.

Ждёт жимолость
Тёплого лета; А ранней весной
Фиалки цветут, и от них
Стал дёрн душистый такой.

Кто видел ветер?

Кто видел ветер?
Ни я, ни ты; Но каждый знает,
Если листья деревьев колышутся –
С ними ласково ветер играет.

Кто видел ветер?
Ни ты, ни я; Но, как всегда,
Деревья склоняют головы,
Идёт ветер сердитый когда.

Нет, спасибо, Джон

Не говорила я, Джон, что в тебя влюблена,
И зачем каждый день докучаешь, не знаю.
Почему о тебе даже мысль мне скучна,
«Пожалуйста» вечные и «Умоляю»?

Я тебя не любила, Джон, никогда;
Над тобой власть – вина не моя. Как сейчас,

Являться ко мне будешь бледным всегда,
Что привиденье в предутренний час?

Сердобольные Мег или Молл, скажу тебе я,
Приголубят, их стоит лишь попросить.
Одному быть не надо из-за меня;
И не вольна я тебя полюбить.

Полагаешь, нет сердца? Может, и нет.
Ты, смею думать, безумен –
Обижаешься если на то, чего нет.
Так будь же благоразумен.

Помянет кто старое – глаз тому вон.
Фальшивой меня не считай. Без труда
Скорей «нет» отвечу полста Джоном, Джон,
Чем мое ты услышишь «Да».

Ни к чему омрачать приятные дни –
Возвращаются птицы, на песни настроюсь.
Забудь о вчерашнем – пусть в радость они;
На неправду глаза закрою.

Давай пожмём руки тепло, как друзья,
Хороша, знаешь, дружба тоже;
А скрытые цели гони от себя,
Ты просто смириться должен.

Хочу над игрой разменянных слов
Услышать достойный ответ:
«Вот дружба», – сказать можешь мне; но любовь –
Спасибо, конечно, Джон, – «Нет».

Драгоценные камни

Изумруд, как трава, зелёный;
Красный, как кровь, рубин.
Сапфир – небесной лазури,
В грязи лишь кремень один.

Бриллиант – сверкающий камень,
Страстями повелевает.
С огненной искрой – опал,
Но кремень огонь заключает.

Дочь вечера

Уснула я днём – была глупой такой,
Проснулась в прохладном саду,
Под безучастной, печальной луной;
И розу свою сорвала в час ночной,
И лилию рано – себе на беду.

...И долг свой забыла, пленённая сном:
Стоял, увядая, мой сад.
Я прежде не плакала так ни о чём.
О, ведь уснула всего летним днём,
Проснулась – уже зимний хлад ...

Говори, что захочешь, о новой весне –
Солнечном завтра – милом причале ...
Нет верных надежд; заблудились в том сне
И песни, и смех. Потому, видно, мне
Отмерено столько печали.

Забайкальские степные напевы...

В 2002 году мы впервые опубликовали стихи бурятских поэтов-агинчан в переводе Бориса Макарова, известного забайкальского поэта-переводчика. Первая подборка стихов символически называлась «Из светлых истоков...», и с тех пор вот уже десять лет мы черпаем из бездонного колодца человеческой мудрости бурятского народа – чистоту помыслов, восхищение красотой земли, любовь к ближнему и к родному краю... Мы снова обращаемся к творчеству двух талантливых поэтов Аги – Дагбы Ринчинова и Доржо-Ханды Цынгуйевой¹, с которыми читатели «Переводчика» уже хорошо знакомы по предыдущим выпускам.

¹ См. журналы «Переводчик» № 5 (2005), СС.9–15; № 8 (2008), СС. 19–27.

И с усмешкой смотрит он,
Как ему Индюк наш гордый
За поклоном бьёт поклон.

Обойдёмся без морали –
Индюков мы все видали...

Гусак и павлин

Говорят когда-то в прошлом,
В дни рождения былин,
Жил Гусак с хвостом роскошным
И бесхвостый жил Павлин.
Про Павлина глуп – не скажешь,
А Гусак и глуп, и прост.
И Павлин решил однажды
Заиметь роскошный хвост.
К Гусаку пришёл он:
–Здравствуй!
Жить сто лет с Гусыней вам!
Дай, сосед, мне хвост, а завтра
Два хвоста тебе отдам.
Побежал Гусак к Гусыне:
Я находчив и умён.
Отдаю свой хвост Павлину.
Два хвоста вернёт мне он.
Молодец, – она сказала, –
Нас с тобой удача ждёт.
Двух хвостов нам будет мало.
Пусть он три хвоста вернёт.
Завершилась сделка скоро.
Гусаков покинув дом,
За леса, поля, за горы
Убежал Павлин с хвостом.

Проходимцам всяким верить
Вроде б нынче не с руки.

Но порой остатки перьев
Отдают им Гусаки...

ДОРЖО-ХАНДА ЦЫНГУЕВА (1938 – 2007)

Молитва

Помогите, боги, мне в дороге.
Слишком труден и не близок путь.
Острый щебень больно режет ноги.
Зябкий ветер стягивает грудь.
Дайте, боги, веру мне в удачу,
Большого просить у вас не смею.
Благосклонность вашу не растрочу
Поделюсь со спутниками ею...

Птицей с шелковыми крыльями
В небе радуга парит.
Над деревьями, над крышами
Нити солнца и зари.
Вот возьму по нитке-лучику
(Помнит навыки рука...)
И такой ковёр получится –
Людам радость на века.

Возвращение

Как хорошо!
Качая ковыли,
Скользит с увалов ветер синеструйный.
Несётся конь, копытами земли
Едва касаясь.
На узорной сбруе
Дробятся солнца хрупкие лучи.
Не близок путь,
Но я шепчу упрямо:
– Скачи, мой конь,

Скачи, мой друг, скачи!
В улусе дальнем терпеливо мама
Ждёт в гости дочь.
Давно я не была в родном краю,
Летели дни, как птицы, –
Какие-то поспешные дела
Мешали в дом отцовский возвратиться
Хотя б на миг.
Шумит седой Онон.
На серых скалах –
Шапки гнёзд орлиных
И письма неведомых племён,
Когда-то населяющих долину.
Земля родная, нерушима связь
У нас с тобой.
Тысячелетий нити
Связали нас
Историей,
Судьбой
И даже светлой красотой дорожной,
Когда мы возвращаемся домой.
И эту связь порвать ничто не может...
Скачи, мой конь,
Друг златогривый мой!

У МОРЯ

Безмятежное, голубое
Море спит.
Но приходит срок,
И, взметнувшись,
Волна прибоя
Человека сбивает
С ног.
Трус бежит
От волны кипящей,
Когти страха
В его спине.
Он не знает,

Какое счастье
Плыть навстречу
Такой волне.

Судьба

Судьба человека похожа на море,
То плещется тихо,
То вздыбится дико,
То ласку дарует,
То чёрное горе,
То песней чарует,
То с бешеным криком
Взорвётся,
Взовьётся,
Ударит с размаха.

... Приветливо море
К незнающим страха.

Память

Надгробные камни стоят в бесконечной степи.
Колышутся травы, роня созревшее семя.
Над степью орлом быстроекрылым летит,
Не зная усталости, вечно спешащее время.
Вокруг тишина.
Только изредка в этих местах
Проезжие всадники потных коней остановят.
Присядут на травы, от дальней дороги устав.
И выпьют по чарке,
И скажут хорошее слово
О предках своих, защитивших родные края
(Надгробья героев покой берегут-охраняют),
И дальше поедут.
И гордость свою не тая,
Коней, как батыры в строю боевом,
подравняют...

Есть Вечной Тайны смысл великий...

КШИШТОФ МАРИЯ СЕНЯВСКИЙ (1951– 2001)

От переводчика. Творчество Кшиштофа Мария Сенявского – одно самых ярких явлений польской поэзии конца прошлого века. Поэт, переводчик, драматург, эссеист, знаток мировой и, особенно, русской литературы, лучший переводчик Есенина, лауреат многих литературных премий, он прожил недолгую, но необыкновенно насыщенную жизнь. Его по праву можно назвать последним польским романтиком XX века. Родился в Варшаве, учился в Варшавском и Вроцлавском университетах. Пьесы его ставились в студенческом театре «Сигма». Песни на его стихи писали и исполняли Яцек Качмарский, которого называли польским Высоцким, и Пшемислав Гинтровский. У Кшиштофа было опубликовано четыре книги стихов: «Сердце трансконтинентальное», «Эротикон», «Историйка», «Был такой фильм», книга прозы «Под добрую дату» и множество литературоведческих статей. Он не раз приезжал в творческие командировки в Россию.

Известный критик Лешек Жулинский очень точно и проникательно писал о нём: «Пушкин, Лермонтов, братья Карамазовы, Печорин, думаю, это были сновидческие воплощения Кшиштофа. Впитывая эту культуру и мифологию, он был чутко настроен на «нерв достоевщины». Эта особенная восточнославянская меланхолия и ностальгия, героизм и безнадёжность, вольность и неволя, нигилизм и горячка сердца, степная бескрайность души, боли, стенаний и любви разжигала в нём огонь. ...Он искал в «российском варианте» античный гуманистический универсум».

Меня с Кшиштофом связывали высокие поэтические отношения – творческий диалог в письмах, переводах, посвящениях...

Перевод с польского Евгении Славороссовой

На станции Польша

На станции Польша, сестра, посмотри –
Единственный путь наш без счёта ветвится,
Над станцией Польша тусклы фонари,
И верба кривая печально кренится.

Над станцией Польша не видно огня –
Сестра, до сих пор мы в плену светофора!

И слёзной росой покрыта стерня
На станции Польша. И поезд не скоро.

Над станцией Польша с экрана небес
Всё конница мчится по россыпи звёздной,
И рвутся мундиры о сабельный лес.
И что-то кричат репродукторы грозно.

На станции Польша свеча до утра
Пылает, как маки под Монте-Кассино.
Майданек, Освенцим... Ты видишь, сестра,
Разрывы восстанья за клубами дыма?

На станции Польша (Сестра, не свернуть
С тернистой тропы!) сели в поезд в тревоге.
На станции Польша закончим свой путь...
На станции той...
У начала дороги.

Перед рассветом сердца

Е. С.

Перед рассветом сердца давним
Всю ночь акация кипела,
И крался первый луч сквозь ставни,
И небо жаворонком пело.

Во сне жасмина колыханье
Пьянило. Сам себе не веря,
Стоял я, затаив дыханье,
У приоткрытой райской двери.

Но выше музыки органной
По травам призрачного луга
Ты шла ко мне фата-морганой –
И мы опять нашли друг друга...

Но почему в глухую полночь,
Что душит, до смерти изранив,
Ты таешь, не придя на помощь,
Перед рассветом сердца ранним?

Что есть любовь? Село над прудом,
И сонный воз со свежим сеном,
И аист, взмывший белым чудом,
И то, что нынче рады все нам.

А что есть жизнь? Столица дремлет,
И башня вздрогнула со звоном.
И вновь душа, целуя землю,
Прильнула к синим анемонам.

Всё это: птица в страстном крике
И бег вдвоём в небесной чаше –
Есть Вечной Тайны смысл великий –
Дороже жизни, счастья слаще.

Вольной, как волны прибоя,
Будешь, шальной, как буруны.
Что ж я загублен тобою
Дикой, прекрасной и юной?

Тернием буду увенчан
Или короной иною
Самою странной из женщин,
Дикою, юной, шальнойю?

Музыка майского счастья
Гибнет в толпе многоликой...
Что ж я покинут в ненастье
Юной, шальнойю и дикой?

...Всего горше – быть всеми забытым,
Когда ливень – и солнце – и Бог.
Детский сон мой растоптан копытом...
Как к тебе вернусь я – без ног?

...Всего горше, что гонит без цели
Бесконечно фатальный наш круг.
Даже рощи от слёз поседали...
Как тебя обниму я – без рук?

...Всего горше – быть раненным ложью,
Дикой своре попавшись в кольцо.
Соблазнительно краски наложит
Жизнь чужая себе на лицо.

Кем ограблен – кем сброшен со сцены?
Не вернётся уж, Герда, твой Кай...
...Всего горше – вспороть себе вены,
Когда небо – и море – и май.

Из книги «Эротикон»

Эротик вечный

Пока я море вижу рядом,
И взор мой ясный не потух,
Любовь, прошу тебя, не надо
Смирять и сковывать мой дух.

Пока листва шумит и дышит,
И лес не корчится в огне,
Любовь, прошу тебя, приди же,
Сквозь тьму времён приди ко мне!

И хлынет море к нам в бурунах
Сквозь мёртвый августовский свет,
И станем танцевать на дюнах
До смерти, до скончанья лет.

Эротик холодный

Так нам холодно, так плохо нам вдвоём,
Так морозно, что забыли о тепле,
Так постыло, что наверно мы уйдём
В белый лес, что нарисован на стекле.

Там кристалликами льда звенит мороз,
Снег тоской и одиночеством пропах.
Белым полем там бежит бродячий пёс
С моим сердцем окровавленным в зубах.

Эротик чёрный

Вернулась ночь, и Чёрный Ворон пытку
Всё длит, дробя пустых минут зерно...
Но Бог погнал полночную кибитку,
Погнал туда, где страшно и темно.

Я возносился, снова падал низко.
И плакал Бог, но я не знал о том.
Мой Чёрный Час! ...А там, где свет – так близко
Прошла ты мимо в блеске золотом.

Эротик лазурный

Во мне и надо мною – только Небо,
Душа трепещет стаей сизарей.
Любимая, ты – явь, а, может, небыль? –
И бледный страх маячит у дверей.

Открою дверь – лазурная пустыня,
Лишь туча гневно брови подняла.
Открою сердце – нет тебя в помине...
Приснилось Небо чучелу орла.

РЕНАТ ХАРИС (род. в 1941 г.)

Ренат Магсумович ХАРИСОВ – Народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, белорусском, английском, башкирском и чувашском языках.

Родился в семье сельских учителей. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарём Союза писателей Татарстана, главным редактором республиканских газет и журналов, заместителем министра культуры, заместителем Председателя Госсовета (Парламента) Татарстана. Им написано более четырёх десятков поэм, часть из которых стала операми, балетами, ораториями, кантатами, теле- и радиоспектаклями. На стихи Хариса композиторами Казани, Москвы, Уфы, Саратова и других городов создано более ста пятидесяти произведений вокального жанра.

За создание либретто балета «Сказание о Йусуфе», способствующего развитию традиций национального эпоса в современных условиях диалога культур, Ренату Харису присуждена Государственная премия Российской Федерации за 2005 год. Он также является лауреатом Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая, Республиканской премии молодёжи Татарстана имени Мусы Джалиля, Большой литературной премии имени Расула Гамзатова, заслуженным деятелем искусств Татарстана, заслуженным работником культуры Чувашии и Каракалпакии.

Ренат Харис – секретарь Правления Союза писателей России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член редколлегии журнала «Наш Современник», член Главной редколлегии Татарской Энциклопедии. В Татарии издано собрание его сочинений в 7 томах.

По следу Нарспи Поэма

Перевод с татарского Николая Переяслова

Пролог

Стихия любого народа – язык,
его поле боя и ратное поприще.
Есть много людей, что остры на язык
и рады придумать товарищу прозвище.

И нам обижаться на те имена –
точь-в-точь, что народу сердиться на Родину.
В тех прозвищах – суть наша людям видна,
а значит, их можно приравнять к ордену.

Без прозвищ не многие в мире живут –
лишь те, в чьём характере краски отсутствуют;
лишь те, кто, как тени, по жизни бредут
и не проявляют ни дух свой, ни суть свою.

Я был – не такой. И прозвали меня
товарищи – *рус(ск)оголовым* татаринoм.
И я, их нисколько за то не кляня,
жил дальше, гордясь этим званьем подаренным.

Немало всего довелось мне узнать,
но я рос – не грубый, не злобный, не мстительный,
чувашей любил... И, шутя, стали звать
меня все – поэтом с душой *чув(аш)ствительной*.

Я прозвищ своих ни на грамм не стыжусь –
в них свойства души проступают былинные.
Ну, как это я вдруг от них откажусь?
Они для меня – словно крылья орлиные!

Они ль мне мешают татаринoм быть?
Иль с русскими ссорят меня? Иль с чувашами?..
Они помогают мне всех их – любить
и дружбу крепить меж народами нашими.

Часть I. Уроки Чувашского

Село Бик-Утеево – детство моё.
Здесь слово впервые моё прозвучало.
Здесь в сердце вошло мне любви остриё.
Село Бик-Утеево – жизни начало!

Дано ему было две речки иметь,
что в солнечном свете сверкали по-царски.

Они начинали в Чувашии петь,
а здесь продолжали свой сказ по-татарски.

И так, лопоча на двойном языке,
бежали к Свяге они и, сливаясь
с теченьем её, мчались к Волге-реке,
что вольно текла по степям всем на зависть.

Немало людей по её берегам
живёт, слыша гул её денно и ночью;
вовек не дано одолеть их врагам,
ведь Волга – своей наделяет их мощью!

Попробуй, унизь тот народ, в ком не кровь,
а Волга течёт – от Твери к Волгограду!..
...Я прозвищ своих не стыжусь. В них – любовь.
Я б новые принял на грудь, как награду.

В моём Бик-Утееве был русский класс –
едва ль не один на большую округу,
в котором учили премудростям нас,
а мы – чувству дружбы учились друг к другу.

Я помню уроки, что шли в те года,
ребячьи забавы, незлобные драки.
Ходили к нам в школу чувашаи тогда –
из сёл Тимяшёво и Байдеряки.

Стоял в километре (иль ближе) от нас
у речки дом мельника с мельницей рядом.
Оттуда ходила учиться в наш класс
девчонка с каким-то волнующим взглядом.

Она по учёбе шла на год вперёд,
но надо же было такому случиться,
что не было класса седьмого в тот год,
и выпало снова в шестом ей учиться!

Сентябрь сгорал в светозарном огне,
когда она в классе у нас появилась
и села за старую парту ко мне...
О, как моё сердце внезапно забилося!

Мешая татарский и русский язык
с чувашским, что тоже звучал между нами,
мы души свои, словно кружки в родник,
в глубь школьных наук день за днём окунали.

Я без Марианы не мог жить ни дня,
воскресные дни превратились мне в пытку,
какая-то сила тянула меня –
на улицу, к мельнице, в даль, за калитку.

Но мельница спит на реке до весны,
и нет от села к ней надёжной дороги,
лишь слабые точки следочков видны,
которыми шли Марианины ноги.

Едва дотерпев до утра, я лечу
до школы... В селе – ещё тихо и глухо...
И как-то, припав к моему вдруг плечу,
она прошептала мне страстно на ухо:

«Скажи, а ты любишь читать про любовь?..»
При этом её два тугих полушарья
прижались ко мне, и в груди моей кровь
вскипела мгновенно лавиной жаркой.

«Я тут прочитала поэму *«Нарспи»* –
о страшной любви, что несёт неудачу.
Мне дедушка в стенку стучится – мол, спи,
а я всё читаю при свечке и плачу.

Там парень Сетнер и девчонка Нарспи
влюбились друг в друга, быть вместе мечтая...
Но я не могу рассказать всё... прости...
Давай я тебе лучше вслух почитаю?..»

Два жарких комочка девичьих грудей
как будто два солнца меня прожигали.
И я отстраниться старался... но к ней –
меня словно сотни цепей прижимали.

И вот уже в сердце ответный огонь
сжигает меня, как манящая тайна.
И робко ложится ладонь на ладонь –
ещё ненароком, невольно, случайно.

Ещё ни к чему не готова душа,
но сердце уж грезит грядущею новью.
И я с замираньем, почти не дыша,
мечтать начинаю о встрече с любовью...

Под мартовским солнцем темнели снега,
берёзы пестрели, как платья из ситца,
и, глядя с мечтою в окно на луга,
я, веру во что-то храня, согласился.

И вот этот час наступил. По домам
ушли одноклассники... Мы с Марианой –
остались полы мыть. (И будто бы нам
невидимый кто-то помог в этом рьяно!)

Мы быстро закончили. Тишь и покой
окутали школу. И мне показалось,
что время, улёгшись на парту щекой,
уснуло и счёт свой вести отказалось.

Из сумки холщёвой подружка моя
достала поэму, не дав мне отсрочки.
И будто бы душного сада струя
дохнула в лицо мне при первой же строчке.

Чужая, волшебная, дивная речь
меня окружила подобно туману

и, смысла из слов не умея извлечь,
я молча смотрел на мою Мариану.

Она же – читала, с восторгом летя
за страстной любовью, ведущей на муки,
а я лишь смотрел на неё, как дитя,
не в силах прервать эти чудные звуки.

И только однажды замедлив полёт
стремительных строк, что неслись без помехи,
она на меня посмотрела – и рот
её приоткрылся в чарующем смехе.

Она поняла, что, летя сквозь века
за нитью сюжета, она позабыла,
что я-то – не знаю её языка,
а значит, понять не смогу, что там было!

Она, опьянённая духом весны
и страстной любовью, воспетой поэтом,
летела в поэму, как в тайные сны,
а я – только хлопал глазами при этом.

Любой, кто два слова сумеет сказать
на новом наречии – вправе гордиться.
Но чтобы поэзии суть понимать,
двух слов будет мало. Тут надо – учиться.

Ведь в стихотворение входят сполна –
и море эмоций, и мыслей волна...

Так весть о поэме, забытой почти,
ворвалась в судьбу и сознание мальчишки.
И жажда прочесть её, словно горчишник,
к душе прилепилась: прочти да прочти!

Мне как-то и в голову мысль не пришла –
найти перевод той поэмы на русский.

Мы выбрали путь, что был трудный и узкий,
и им Мариана меня повела.

Чтоб мог я в поэму войти без помех,
мне надо язык лишь освоить чувашский.
Учить же меня ему будет – что важно –
сама Мариана, готовя успех.

Так мы порешили. И с этого дня
я лишь по-чувашски здоровался с нею.
И ждал, от волнения немного краснея,
чему она дальше научит меня.

Ведь выучил Пятницу же Робинзон –
хотя тот и был лишь дикарь подневольный!
А я – с шестиклассной наукою школьной –
неужто смогу быть глупее, чем он?

Вот так я чувашский язык постигал.
И кто-то незримый мне в том помогал...

...А время летело. Рябину с калиной
листвою одев, испарилась весна.
Нагрянули дни долгожданных каникул –
простор для гулянья, купаний и сна.

Но что-то мешать стало счастью бывшему,
и я всё поглядывал из-под руки
туда, где был дом, крытый старой соломой,
и мельница около самой реки.

В том доме жил мельник, старик одинокий
(жена умерла, сын пропал на войне) –
с единственной внучкой своей синеокой,
чувашкой-красавицей, снившейся мне.

Неделю-другую терпел я мученья –
и двинул туда, где блестела река,

чтоб вновь с Марианой продлить изученье
чувашского, милого мне, языка.

Пришёл... Старый мельник вершит своё дело –
у жёлоба возится. Рядом – она.
Увидев меня, подскочила, взлетела,
вспорхнула, как птичка... Красива, стройна.

Взволнована явно свиданьем неожиданным...
А я – онемел вдруг. Стою и молчу.
Едва шевельнул языком деревянным:
«Дочесть ту поэму... ну, помнишь?... хочу...»

«Скажи по-чувашски!» – она попросила.
И я с напряженьем припомнил, что знал.
(А, может, мне снова незримая сила
на помощь пришла, чтоб я духом не пал.)

И вот она вынесла книгу. Под ивой
мы сели. И снова поёт она мне.
А я – ей внимаю. Счастливый-счастливый.
И всё понимаю, как в сказочном сне.

О том, как Нарспи красотой неземною
пленила Сетнера, и он ей сказал:
«Родная! Беги нынче ночью со мною,
пока тебя свадьбой отец не связал!»

Влюблённые, бросив родных, убежали,
чтоб счастье своё от попражня спасти...
Уснули в лесу... И их там – задержали.
«Ну как же Сетнер это мог дупустить?!

Ну как же уснул он!» – сержусь, горячась я,
и гневно ругаю Сетнера за то,
что он, задремав, погубил своё счастье.
Уж я бы в лесу не заснул ни за что!

Назавтра я снова спешу по дороге,
и сердце трепещет созвучно шагам.
И мы продолжаем под ивой уроки,
чужую судьбу разложив по слогам.

Речная вода с ровным шумом вращает
тяжёлое мельничное колесо,
а в сердце – я слышу! – вулкан вызревает,
и жар его бьёт изнутри мне в лицо.

«Вот если бы я был на месте Сетнера,
то я б посягательств врагов не стерпел!» –
вскричал как-то я, распаяясь без меры,
и даже зубами со зла закрипел.

«А что бы ты сделал, – меня Мариана
спросила, – когда бы Нарспи была – я?..»
Меня ошарашил вопрос её странный.
Сижу, онемев. Где же смелость моя?

«А я, – говорит она, – я бы ни мига
не медлила, если бы ты – был Сетнер,
и прямо бы здесь, где читаем мы книгу...
Но ты – не Сетнер. Ты ещё пионер.

А впрочем... Реши – пред тобою загадка:
что в мире есть слаще, чем сахар и мёд?
Не знаешь? Попробуй же, как это сладко!
От сладости этой – всё тело поёт!..»

И, наземь толкнув меня, жаркие губы
прижала к моим в поцелуе взасос.
Я аж задохнулся!.. Толкнув её грубо
я в панике быстро вскочил во весь рост.

Вокруг потемнело вдруг всё и оглохло.
«Ты что, сумасшедшая?!» – я закричал.
«А ты... Молоко на губах не обсохло!» –
с насмешкой ответ мне её прозвучал.

Не в силах понять, что случилось, я в страхе
понёсся в село, будто ведьма за мной
гналась – так, что когти скребли по рубахе, –
и в диком волнении примчался домой.

«Наверное, чувствуя женскую зависть
к Нарспи, о которой читала все дни,
она помешалась, и ей показалось,
что я ей Сетнера могу заменить!» –

Так думал я о Мариане тоскливо,
едва различая вокруг голоса.
А сердце – стремилось обратно, под иву,
где дом под соломой и плеск колеса...

Часть II. Тетрадь в клеточку

Вот так неожиданно, горько, нелепо
прервался мой сладкий чувашский урок.
Как солнце по небу, катилось вдаль лето,
считая каникул оставшийся срок.

Задетый за сердце любовною темой,
я только и делал, что думал о том,
что стало с героями дивной поэмы,
когда их в лесу окружили густом.

Конец недочитанный таял в тумане,
меня вынуждая опять и опять
тоскливо вздыхать о моей Мариане
и вновь об уроках под ивой мечтать.

Пол-лета уж вдаль, как ручей, прожурчало,
она же ни разу в сельмаг не пришла.
О, как бы хотел я начать всё сначала –
чтоб вновь она губы мои обожгла!

Какая-то сила щекочет мне душу
и вновь заставляет с тоскою смотреть

туда, где осталась под ивою душевной
поэма, что мной не прочтена на треть.

Но нет! Я туда не пойду больше! Фигу!
Того, что случилось там, хватит с меня!..
Так что ж оно, как не прочтенная книга,
зовёт, и волнует, и мучит меня?!

Я целыми днями слоняюсь, как пьяный,
лишь чудом каким-то не начал курить.
Мне кажется – это Нарспи с Марианой
вдвоём мою душу хотят покорить.

Но что ж так каникулы тянутся долго?
Распухла от мыслей моя голова,
они в неё льются, как вешняя Волга,
и в стройные столбики строят слова.

Я в чистой тетрадке, по клеточкам строгим,
их начал записывать, чтоб не забыть,
не зная покуда, что эти вот строки –
начало моей настоящей судьбы.

«Сынок, ты не болен? – раз мама спросила. –
Ты бледен, как будто и не загорал».
И вновь помогла мне незримая сила,
сказав: «Я поэму «*Нарспи*» потерял».

И, в город поехав, отец мой однажды
мне книгу заветную где-то достал.
И я, словно путник, иссохший от жажды,
к страницам её, как к кринице, припал.

Та книга в татарском была переводе
и я её в вечер один «проглотил»,
и долго лежал, как подстреленный, вроде –
так сильно финал её дух мой смутил.

С утра, карандаш и тетрабочку в клетку
схватив, я в укромное место спешу,
решив, что сейчас, остроумно и метко,
я страшный сюжет этот перепишу.

Ну, разве же можно читать с безучастьем
о том, как пролили невинную кровь?
В сюжете моём – всё закончится счастьем,
и восторжествует над смертью любовь.

Не дам убивать я Нарспи и Сетнера!
Их страсть и любовь – не позволю отнять!
Вот только... куда деть отца, Михидера?
Ведь он ради денег убьёт их опять...

А мать героини? Её как оставить?
Ведь вновь она дочь свою может проклясть...
Я мозг свой в старанье готов был расплавить,
но новая версия – не удалась.

А я ведь мечтал: изменю окончанье –
и автору вышлю концовку свою,
где будут не слёзы и смерть, а – венчанье...
(Но автор – лет сорок уж был как в раю!)¹

Об этом узнав, я подумал: злословье!
Всё это – его злопыхатели лгут!..
(Но впредь – никогда, не прочтя предисловье,
я чтение книги начать не могу.)

А лето, пьяня сенокосным дурманом,
куда-то звало меня в полночь и тьму.
И понял я, что без моей Марианны –
мне сладости лета совсем ни к чему.

Пусть будет, что будет!.. Иду по дороге
туда, где старинная ива растёт.

¹ К. Иванов умер в 1915 году (прим. пер.)

А сердце дрожит и трепещет в тревоге,
и хочет узнать: что же слаще, чем мёд?..

На том берегу – есть высокие заросли
густой конопли (есть такая трава),
которые лесом в те годы казались нам,
и мы в нём играли... Потом – голова

у всех нас болела, и импульсы рвотные
желудки нам мучили (прямо хоть вой!).
Тогда ведь не знали и слова – «наркотики»,
была конопля нам – обычной травой...

...Тропой через лес конопляно-безбрежный
я к мельнице вышел, и встретил меня
старик, точно пылью присыпанный снежной –
точь-в-точь Дед Мороз из январского дня!

«А где Мариана?» – спросил я, краснея.
И мельник, муку сдув с седой бороды,
поведал мне кратко, что случилось вдруг с нею,
когда конопля зацвела, как сады.

Её – стали мучить тяжёлые рвоты,
потери сознания внезапно пошли.
Она б умерла без врачебной заботы –
и в город лечиться её увезли».

«Беда – в конопле, – объяснили в больнице. –
У ней – аллергия сильна на неё».
Вот скосят траву – и она возвратится,
чтоб в школе продолжить ученье своё.

Так мельник сказал... Но закончилось лето,
а в класс Мариана уже не пришла.

Явился декабрь, белым снегом одетый,
и лампочки школьная ёлка зажгла.

Чувашский язык я использовал редко,
и он позабылся, ненужный в судьбе.
Но чаще и чаще тетрабочка в клетку
меня по ночам призывала к себе.

О ком тосковал я – Нарспи? Мариане? –
и сам бы наверно не мог я сказать.
Но, как миражи в конопляном дурмане,
являлись стихи и ложились в тетрадь.

Я рос. Я мужал. Я вырослел год от года.
Подыскивал рифмы на радость всем вам.
И было мне слаще запретного мёда
то тайное дело – служенье словам...

Эпилог

Всю жизнь я искал Мариану. Я шёл
по следу её, как по ниве непаханной.
Что стало с ней в мире – циничном, большом –
с душою её, как поэма, распахнутой?

Не знаю, сумела ли выжить она.
Я след потерял её в чаще столетия.
Но вспомню её – и душа сражена
тоскою, как пулею в грудь пистолетною.

И сердце подсказывает мне: не проспи
момент вдохновенья, что сбудется вечером –
там сказочный образ прекрасной Нарспи
сквозь образ моей Марианы просвечивает.

«Поэт – непрерывные боль и тоска», –
вот мнение, что превалирует в Вечности.
Гляжу за плечо – там, как Волга-река,
тоска моя горькими водами плещется.

Поэмы финал уже брезжит в тумане...
О ком в ней тоска? О Нарспи? Мариане?..

Стихия любого народа – язык,
его поле боя и мирное поприще.
Есть много людей, что остры на язык
и рады придумать товарищу прозвище.

Во мне – ни обиды на прозвища нет,
они – как орнамент на глади рубашек,
как светлый, щемящий, сияющий след,
оставленный парой прекрасных чувашек.

Вы в сердце моём, как сладчайшая рана –
Нарспи, Мариана...

ОВАНЕС ТУМАНЯН (1869 – 1923)

Творчество Туманяна стало неотъемлемой частью духовного мира армянского народа. Трудно перечислить все факты, свидетельствующие о его могучем воздействии на последующее развитие армянской культуры. Все ценное и подлинно народное, что создано за последние десятилетия в армянской литературе, прямо или опосредованно связано с традициями Туманяна. Крупнейший советский армянский поэт Егише Чаренц называл Туманяна «самым великим из всех армянских поэтов, патриархом новой армянской поэзии»¹.

Перевод с армянского Гаянэ Ахвердян

Когда однажды, нежный друг,
Могилу посетишь мою,
Взгляни – расцветшие вокруг
Цветы весны в земном раю.

¹ <http://armenianhouse.org/tumanyan/bio-ru.html>

О, не подумай, что прошла
Ты по цветам простым весной,
Что та с собою принесла,
Чтоб новый дом украсить мой.

То песня сердца, что жива,
Благоухающий напев,
Они растут, любви слова,
Что я промолвить не успел.

И поцелуи жарких уст
К тебе летят из дали той,
Куда навек закрыт твой путь
Одной могильною плитой.

Прялка
(народное)

Пряди, моя прялка, пряди,
За дело сядем – пряди,
Сиротам – кров и покров,
Опора и дом отцов.

Чуть месяц на небесах,
Так свет мой ясный в глазах,
Лучи луны я спряду,
Холст белый-белый спряду.
Сирот прокормлю своих
В трудах твоих и моих.

Пряди, моя прялка, пряди,
За дело сядем – пряди,
Сиротам – кров и покров,
Опора и дом отцов.

НОРВЕЖСКИЕ СКАЗКИ

Наверное, каждый из нас помнит одну из лучших на свете сказок – «Снежную королеву» датского сказочника Ханса Кристиана Андерсена. А начинается она с того, как некий злобный тролль смастерил такое зеркало, в котором в преувеличенном виде отражались все человеческие недостатки. А потом он и его ученики пытались добраться до неба, «чтобы посмеяться над ангелами и господом богом», но зеркало вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги. Осколки зеркала разлетелись по белу свету, а один осколок попал в сердце мальчика Кая...

С детских лет, меня страшно интересовал этот тролль, как он выглядел, вёл себя с учениками, почему был таким злым. Само слово «тролль» завораживало. И вот со временем я поняла, что лучше всего о троллях и маленьких человечках, всевозможных гномах, которых норвежцы называют особым словом «nisse» лучше всего узнать из сказок Петера Кристена Асбьёрнсена (1812–1885), совсем недавно отмечался его юбилей) и Йоргена Му (1813–1882), которых часто называют норвежскими братьями Гримм. Значительную часть жизни оба посвятили собиранию народных сказок, легенд и преданий (по всей Норвегии), многие из которых и повествуют о троллях и гномах.

Природа Норвегии и по сей день первозданна. Когда стоишь где-нибудь неподалеку от знаменитой «стены троллей» (в провинции Ромсдал), вглядываешься в причудливые очертания горных вершин или глубину прозрачно-зелёных горных озёр, то в полной мере ощущаешь свое единение с ней. Она притягивает тебя, уносит, почти поглощает, и ты начинаешь понимать, что такое быть «bergtatt», быть взятым горой, стать пленником гор, буквально заманивающих тебя в свой мир.

Из этих сказок, сказаний и преданий возник «Пер Гюнт» Ибсена и родилась бессмертная музыка Эдварда Грига, неповторимый норвежский фольклор – часть фундамента европейской, а, может быть, и мировой культуры. И при этом старинные народные персонажи и образы активно живут в сознании современного человека: тролль как символ абсолютного зла (в том числе и интернетного); добродушный и озорной рождественский гном – неизбежный спутник главного семейного праздника в году; Мумле Гусиное яйцо – воплощение, дерзости и свободомыслия; нещадно эксплуатируемый журналистами образ удачливо-

го младшего сына Эспена Аскеладда (Эспена-Замарашки), одновременно Похожего и на Золушку и на Иванушку-дурачка....

Предлагаю вашему вниманию в своём переводе три сказки из собрания сказок Кристена Асбьёрнсена и Йоргена Му.

Аскеладд и хитрый Миккель¹

Жил на свете король, и владел он несметными богатствами: были у него огромные стада овец, коз и коров, лошадей, а также целые груды золота и серебра. Но не радовали короля его сокровища, не желал он никого видеть, а тем более разговаривать с кем бы то ни было. Таким он стал с тех пор, как пропала его младшая дочь. Вправду сказать, и до этого страшного несчастья неприятности случались одна за другой. Появился тролль, который наносил урон королевской усадьбе, ни у кого здесь ничего не ладилось, ведь он то отвязывал лошадей, и те бродили по полям и лугам, вытаптывая или пожирая посевы, то сворачивал головы королевским гусям и уткам, то убивал коров в хлеву, а овец и коз загонял далеко в горы. А что касается рыбы, и говорить нечего. Только, бывало, королевские слуги соберутся наловить свежей рыбы из садка, а она уже вся выловлена и мёртвая разбросана по берегу.

В том же королевстве жили старик со старухой, и было у них три сына. Одного звали Пер, другого Поль, третьего Эспен Аскеладд или Эспен Замарашка, потому что любил он на полу у очага валяться да в золе копать.

Все они были прекрасные ребята, но Пер – самый старший, кажется, самый смекалистый, и вот попросил он разрешения у своего отца отправиться свет повидать, счастья поискать.

– Ну что же, в добрый путь, – сказал старик. – Давно пора. Как говорится – лучше поздно, чем никогда.

Дали парню в дорогу еды чуток да доброго вина глоток, взял он, как говорится, ноги в руки и пустился в путь-дорогу. Шёл он, шёл, видит, какая-то старуха лежит у дороги.

– Дай мне чего-нибудь покушать, сынок, – попросила старуха. Но Пер едва взглянул в сторону старухи, только слегка повернул голову и пошёл дальше.

¹ Миккель – имя лиса (ударение на «и» – ЭП) в норвежских сказках; персонаж, аналогичный русской Лисе Патрикеевне, здесь прозвище. (Прим. пер.).

– Так, так, – сказала старуха ему вслед, – увидишь теперь, как у тебя дела пойдут.

Долго ли, коротко ли он шёл, пока не пришёл, наконец, в королевскую усадьбу. На крытой галерее стоял король и кормил кур.

– Добрый вечер и бог в помощь, – поздоровался Пер.

– Цып-цып-цып, – продолжал король звать кур, разбрасывая во все стороны корм и не обращая на Пера ни малейшего внимания.

– Цып-цып-цып, ну что ж, вольно тебе здесь так стоять да кур созывать, гляди, скоро и сам закукарекаешь, – пробормотал Пер, имея в виду, что раз он поздоровался с королем, то тот должен был ответить. И, ни слова больше не говоря, отправился прямо на королевскую кухню и уселся там на лавке, как какой-то важный господин.

– Это что еще за сопляк здесь расселся, – воскликнула повариха, взглянув на Пера, – ведь борода-то у него ещё не выросла.

Ясное дело, таких насмешек Пер не мог стерпеть, и он набросился на повариху, обозвав ее грубиянкой, но тут как раз подоспел на кухню сам король и приказал своим слугам схватить парня да вырезать у него из кожи на спине три ремня. Так они и сделали, да ещё посыпали соль на раны и, приказав убираться подобру-поздорову, выгнали его прочь из королевской усадьбы.

Вернулся Пер домой, а тут средний брат Поль в путь собрался. Дали и ему в дорогу еды чуток да доброго вина глоток, взял он ноги в руки и отправился в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли он шёл, но вот встретил на пути старуху, которая попросила у него еды, но Поль прошёл мимо, не проронив ни слова в ответ. В королевской же усадьбе с ним обошлись не лучше, чем с Пером. Король также кормил кур, приговаривая «Цып-цып-цып». Молодая девка-повариха назвала его сосунком, а когда он вздумал поколотить её за это, на кухню явился сам король с ножом для разделки туш и самолично вырезал три кроваво-красных ремня со спины парня, посыпал соль на раны и прогнал Поля со двора.

А тем временем и Аскеладд надумал оторваться от очага и копания в золе и стал приводить себя в порядок. В первый день отряхнул с себя золу, на второй день помылся и причесался, а на третий – надел на себя кафтан, в котором ходил в церковь.

– Ну вы только посмотрите на него! – воскликнул Пер. – Подумать только, какой фронт объявился. Уж не задумал ли ты к королевскому двору отправиться, чтобы заполучить принцессу и полкоролевства. «Сидел бы ты лучше дома да в золе копался», – добавил он. Но Аскеладд не стал его слушать, а пошёл к отцу просить позволения странствовать по белу свету.

– Зачем это тебе? – спросил старик. – Ничего хорошего ни для Пера, ни для Поля из этого не вышло, так чего уж тебе ожидать.

Но Аскеладд стоял на своём, пока отец не отпустил его. Братья не хотели ему давать в дорогу ни крошки еды, но мать дала корку сыра да обглоданную мясную косточку, и зашагал он прочь из родной усадьбы. Шёл он, не спешил.

– Времени всегда хватает, ведь впереди целый день, а там, когда стемнеет, коли повезёт, и месяц выйдёт, – рассуждая так, он неторопливо переставлял ноги, по сторонам оглядывался и то и дело отдыхал.

Долго ли, коротко ли он шёл, видит – на обочине лежит старуха.

– Ну что, убогая, лежишь-полёживаешь, небось есть-то хочется? – спросил Аскеладд.

– Хочется, – согласилась старуха.

– Могу с тобой поделиться, – сказал Аскеладд и протянул ей корку сыра.

– Да ты, видать, совсем замёрзла, – сказал он, глядя на старуху, у которой зуб на зуб не попадал. – Вот возьми мою куртку, правда у неё рукава коротковаты да в спине она узковата, но когда-то была хорошей.

– погоди, – сказала ему старуха, пошарив в своем глубоком кармане. Есть тут у меня один старый ключ. Это единственное, чем я могу тебя отблагодарить. Как глянешь сквозь узорчатую прорезь на ключе, то увидишь всё, что пожелаешь.

Когда он подошёл к королевской усадьбе, то увидел, как повариха с трудом несёт ведра с водой.

– Видать, тяжело тебе, – сказал Аскеладд, – давай-ка я помогу.

Обрадовалась повариха и с тех пор поселился Аскеладд на кухне. Она разрешила ему выскрести остатки еды из королевских котлов, и зажил он было, не зная горя, да только появилось у него

из-за этого много завистников, стали они королю наушничать, что он якобы похвалялся: мол, на все руки мастер и ничего невозможного для него нет.

И вот в один прекрасный день приходит король и спрашивает, правда ли, что Аселадд похвалялся, что знает, как уберечь рыбу в садке от тролля.

– Да никому я это не говорил, а если бы пообещал, то значит, сделал бы.

– Как бы то ни было, пусть попробует сберечь рыбу от тролля, а не то спина его пострадает.

– Ну что поделаешь. Я попробую, – согласился Аскеладд, – кому охота красные полосы на спине под рубахой носить.

И вот вечером посмотрел Аскеладд сквозь узорчатую прорезь ключа и увидел то, чего боится тролль. Оказалось, что это трава чабрец. Тогда он пошёл да и нарвал сколько мог чабреца, а семена его разбросал по всей округе: и по земле, и по воде, и особенно вокруг садка.

Пришлось троллю оставить рыбу в покое, но вместо этого стал он вредить с овцами. Выгнал он королевских овец из их хлева и гонял всю ночь по горам и холмам.

А тут нашлись слуги, которые клялись королю, что якобы слышали, как Аскеладд похвалялся, что может и овец спасти, да только ему этого делать не хочется.

Король пошёл к Аскеладду и стал угрожать, что вырежет три широких ремня у него на спине, коли тот не спасет королевских овец от тролля.

На это Аскеладд сказал, что хоть и почётно получить красный мундир из рук самого короля, но уж никак не из своей собственной кожи. Так что он уж лучше попробует и с овцами.

Пошёл Аскеладд снова чабрец собирать, а потом стал привязывать пучки травы на овечьи спины, чтобы тролля отогнать, да только ничего у него не выходило, потому что он не успевал привязывать пучки к их шкурам, как они уже их объедали друг у друга. Тогда он решил приготовить особую мазь из семян чабреца, смешать с дёгтем, да и смазать ею овец, уж на такую-то мазь они не польстятся. Этой же мазью смазал он коров и лошадей, и тролль был вынужден оставить их всех в покое.

Но вот однажды отправился король на охоту и заблудился в лесной чаще. Скакал он по лесу на лошади несколько дней без еды

и питья, одежда у него так разодралась, что почти превратилась в лохмотья. Вдруг навстречу ему вышел одноглазый тролль, он пообещал выпустить короля из своего леса и указать ему дорогу домой, если король отдаст троллю того, кого он первым встретит в своей усадьбе по возвращении. Король согласился, ведь обычно первой с радостным лаем и, виляя хвостом, к нему навстречу выбегала маленькая собачонка. Но на этот раз, стоило ему приблизиться к своей усадьбе, так первой к нему навстречу с радостными словами приветствия вышла старшая дочь в окружении придворных.

Когда король увидел это, то, сойдя с коня, тут же без чувств упал на землю, и потом все замечали, что король был как-то не в себе.

Вечером того же дня должен был придти тролль и забрать принцессу. Наряженная королевская девочка, еле живая от страха, сидела на лужайке на берегу лесного озера и проливала горькие слёзы. Здесь же был и придворный, по прозванию Хитрый Миккель, который должен был сопровождать её к троллю, но он так перетрусил, что забрался на макушку высоченной ели и там отсиживался. Наш Аскеладд взял да подошёл и уселся на землю прямо рядом с королевской дочкой.

Всякому понятно как несказанно она обрадовалась, что хоть какой-то крещёный человек осмелился быть рядом с той, что предназначалась троллю.

– Положи голову ко мне на колени, а я поищу у тебя вошек, – сказала она Аскеладду. Так он и сделал, когда она принялась чесать ему волосы, он задремал, а она осторожно, но крепко вплела ему в волосы золотое колечко.

А тут и тролль появился. С громким сопением, тяжело дыша, ступал он по валежнику, так что шум и треск его шагов был слышен за целую четверть мили до его появления. Когда он увидел, что Хитрый Лис сидит на макушке ёлки, как какой-то тетерев, то сплюнул в его сторону, и от этого плевка ёлка повалилась, Хитрый Миккель упал на землю, покатился и затрепыхался среди веток как рыба, вытащенная из воды.

– Уф, уф! Что это ты сидишь здесь и ищешь в голове у крещёного человека вместо меня, за это я тебя съем, – пригрозил тролль королевской дочери.

– Тьфу, – сплюнул Аскеладд, тут же пробудившись, и посмотрел на тролля сквозь прорезь в ключе.

– Ух, ух, – через что это ты на меня пялишься? – спросил тролль Аскеладда и опять добавил, – Ух, ух!

И тут же метнул в Аскеладда железный прут, который застрял в горе на целых пятнадцать аршин, но наш Аскеладд-то был парень проворный, живо увернулся от прута.

– Тьфу, что это за детские забавы, – сказал Аскеладд. – А ну-ка, дай мне сюда свою зубочистку, я тебе покажу, как надо её бросать.

Ну что ж, поднял тролль одним рывком железный прут, здоровенный как три жерди в обхват. А в это время Аскеладд все смотрел через узорчатую прорезь ключа, поворачиваясь вместе с ним на все четыре стороны света.

– Ух, ух, что это ты озираешься? – спросил тролль.

– Да вот выбираю, на какую звездочку сподручней твой прутик забросить. Пожалуй, вон на ту, что прямо на севере.

– Ну уж нет, нечего тебе на звезды глазеть, – сказал тролль. – Я не хочу лишиться своего железного прута.

– Ладно уж, пусть прут остаётся у тебя, – сказал Аскеладд, – а может вместо него тебя закинуть на месяц? – спросил Аскеладд.

– Ну что ж, это весёлая игра, согласился тролль, – только первым будешь водить ты.

– Хорошо, – согласился Аскеладд, – да только лучше уж давай посчитаемся, чтоб никому обидно не было.

Стали они считаться и, ясное дело, Аскеладд устроил всё так, что водить пришлось троллю. Завязал ему Аскеладд глаза широкой лентой, и началась игра. Тут уж вам стоило посмотреть, как пустились они бегать на лесной опушке. Тролль носился среди деревьев, то и дело спотыкаясь о пни и коряги, так что валежник хрустел да трещал на весь лес.

– Уф, уф, уф, надоело, нет уж, больше тролль жмуркой не будет, – закричал расвирепевший великан.

– Ну побудь ещё чуток, я теперь остановлюсь на месте, позову тебя, а тут ты и слышишь меня.

С этими словами взял он чесалку для конопли и перепрыгнул на другую сторону бездонного лесного озера.

– Да там небось непроходимая чащоба? – спросил тролль.

– Да нет, ты небось, по моим шагам слышишь, пней да завалов здесь нет, – уверил его Аскеладд. Снова захрустел валежник. Ну вот, плюх, тролль упал в лесное озеро, а Аскеладд стал тыкать

тролля в глаза чесалкой всякий раз, как только его голова показывалась из воды.

Тут стал тролль тихим, жалобным голосом молить о пощаде, так что пожалел его наш парень, но прежде, чем отпустить, взял с него слово, что тот больше никогда не будет вредить людям в королевской усадьбе. Ну что ж, отпустил он тролля под добру-поздорову, и тот уныло побрел в свою гору.

Тут Хитрый Миккель появился и повёл старшую дочь короля домой, а по дороге заставил принцессу угрозами дать обещание, что она подтвердит, будто это он спас ее от тролля.

Аскеладд привёл из горы тролля и младшую принцессу. Хитрый Миккель коварством завладел ею и тоже отвёл в королевскую усадьбу, представив дело так, будто и эту принцессу освободил он.

Несказанный была радость в королевской усадьбе и слух обо всех этих необыкновенных событиях разнёсся далеко по белу свету, по всем землям в королевстве. Хитрый Миккель должен был жениться на младшей дочери короля.

Ну так вот, стали готовиться к свадьбе, всё шло как будто бы хорошо, да не очень. Не забывший своей обиды тролль взял да перекрыл все источники воды.

Раз уж по-другому не могу вам навредить, – рассудил он, – так хоть, по крайней мере, лишу вас воды для свадебной каши.

Делать нечего, пришлось опять посылать за Аскеладдом, чтобы беде пособить. Ну что же, взял он железный прут длиной в пятнадцать аршин и позвал шестерых кузнецов, чтоб раскалили его докрасна. Потом посмотрел сквозь прорезь в ключе и понял, что, находясь под землей, тролль не такой могущественный, как на земле. Тогда Аскеладд взял и проткнул землю раскаленным прутом в том месте, где тролль находился и попал ему прямо в спину, так что запахло паленым на всю округу.

– Уф, уф! – завопил тролль. – Отпусти меня, – и через один из подземных ходов, весь обгорелый, выбрался наружу. Но Аскеладд времени не терял: тут же повалил тролля, уложил его на прут, смазанный мазью из чабреца, и стал расспрашивать, откуда это он новые глаза взял, ведь прежние-то Аскеладд выколол ему чесалом.

– А я украл репу с огорода, смазал своей волшебной мазью и вырезал из неё глаза, которые всадил оглоблей себе в глазницы. Таким глазам теперь любой крещёный человек позавидует.

Тут и король с обеими принцессами подошёл, чтобы на поверженного тролля посмотреть. Подошёл и Хитрый Миккель, и так он гордо и надменно вышагивал, что нос у него был до небес. Вдруг король заметил, как что-то блеснуло в волосах у Аскеладда.

– Что это у тебя? – спросил он.

– А это кольцо, которое мне твоя дочка вплела, когда я её от тролля спас, – ответил Аскеладд. Тут все и разъяснилось.

Как ни плакал, ни молил о пощаде Хитрый Лис, пришёл час расплаты, бросили его в змеиную яму, и змеи тут же набросились на него и разорвали на куски.

Потом, расправившись с троллем, все пили, ели и плясали на свадьбе Аскеладда, ведь наконец-то он добился, чего хотел. Он получил в жены младшую принцессу и полкоролевства впридачу.

Вот спущу я эту сказку
К тебе с горки на салазках.
Ты её лучше расскажешь, споёшь,
Все приключения вместе сплетёшь,
А уж коль не сможешь – на себя пеняй,
И меня уже ни в чем не упрекай.

Мумле Гусиное яйцо

Однажды пятеро женщин жали в поле рожь, все они были бездетными, но каждая из них мечтала иметь ребёнка. Вдруг откуда ни возьмись, перед ними предстало лежащее на земле огромное яйцо величиной с человеческую голову.

– Я первая заметила его, – сказала одна из женщин.

– И я его сразу увидела, – воскликнула другая.

– Ну уж нет, я заберу яйцо, – сказала третья.

Вот так они и препирались из-за этого яйца, и дело чуть не дошло до настоящей потасовки.

Долго спорили они, пока, в конце концов, не решили, что яйцо у них будет одно на всех, они будут по очереди высиживать его как гусыни, пока не вылупится птенец.

Ну так вот, каждая из женщин высиживала яйцо в течение восьми дней, при этом в поле не работала, а другие усердствовали и за себя и за неё. Одна из них принялась язвить по этому поводу:

– Расти, расти, копи силы, чтобы запищать, как только вылупишься, но сдаётся мне, вылупится здесь не гусёнок, а ребёнок. Я как будто слышу, как он уже лепечет: «Селёдочки и молочка и каши». Ладно, ладно, потерпи ещё деньков восемь, тогда мы все с радостью накормим тебя до отвала.

И вот, наконец, на девятый день последняя из наседок услышала громкий крик:

– Селёдочки и молочка, каши и кашицы.

Назвали они своего младенца Мумле Гусиное яйцо.

Хоть был младенец неказист, настоящий уродец, приняли его женщины с любовью, да быстро их радость прошла, потому, что он без устали пожирал всю еду, которую они ему давали. Сготовят они бывало огромную кастрюлю каши-размазни или котёл рассыпчатой каши, которой хватило бы и на шестерых, так нет же, он всё один враз слопает. И так он им надоел, стали они думать, как от него избавиться.

– Я ни разу не наедалась досыта, с тех пор как оборотень вылупился из яйца, – сказала одна. Когда Мумле Гусиное яйцо услышал, что другие женщины согласились с ней, то объявил всем во всеуслышание, что раз он им не нужен, то и они ему не нужны, и пошёл прочь из их усадьбы.

Долго ли, коротко ли шёл он, наконец увидел среди усеянных камнями полей крестьянские постройки. Постучал он в ворота и спросил, не нужен ли здесь работник. Работник и впрямь был нужен, и старик крестьянин приказал Мумле убрать все камни с поля. Недолго думая, Мумле Гусиное яйцо повинытаскивал все камни из земли и сложил их к себе в карман. Проворно покончив с этим, он спросил, есть ли ещё какая работа.

– Я же приказал тебе очистить поле от камней, – сказал хозяин. – Как же ты мог окончить работу, когда ты ещё и не начинал.

Тогда начал Мумле Гусиное яйцо все камни из кармана выбрасывать да в одну кучу складывать. Тут уж хозяин увидел, что тот и впрямь закончил работу, и понял, что с таким силачом следует быть повежливей.

– Ты можешь пойти в дом и поесть, – сказал старик.

Мумле только этого и ждал. Он тут же проглотил всё, что было приготовлено для всех домочадцев и слуг, но и этого ему показалось мало.

– Да, работник этот парень что надо, но и едок тоже, брюхо-то у него, что бездонная бочка, – подумал крестьянин и вслух сказал: «Такой работник сожрёт всех нас, со всеми потрохами, опомниться не успеешь».

Больше работы для Мумле не нашлось. Ничего другого не оставалось, как отправиться в королевскую усадьбу. И вот Мумле Гусиное яйцо пришёл к королю и тут же получил работу. Ясное дело, что в королевской усадьбе было полно и еды, и работы. Мумле был одновременно назначен и посыльным, и помощником к девушкам-служанкам, он должен был помогать им: носить воду и дрова, а также выполнять прочую мелкую работу.

Он спросил, с чего ему начать. Ему сказали наколоть дров. Мумле Гусиное яйцо так горячо взялся за дело, колоть-рубить, что только щепки вокруг летели. Не успели они оглянуться, как он уже и толстые бревна перепилил, и чурбаков заготовил, и поленьев нарубил, а, покончив со всем этим, спросил, что делать дальше.

– Дрова коли, – сказали ему.

– Да вроде и колоть-то нечего – возразил Мумле Гусиное яйцо.

– Да не может такого быть, – сказал управляющий и заглянул в сарай. – Нет, и впрямь всю работу выполнил Мумле Гусиное яйцо, и чурбаков и длинных поленьев заготовил.

«Ну, это уж чересчур», – подумал он и распорядился, чтобы Мумле не давали никакой еды, пока он не нарубит в лесу ровно столько деревьев, сколько у него ушло на все эти чурбаки и дрова.

Пошёл тогда Мумле Гусиное яйцо в кузню и попросил кузнеца выковать ему железный топор весом в пятнадцать вогов¹. А потом отправился в лес, да как начал орудовать им направо и налево, уложив множество строевых елей и корабельных сосен, не разбирая королевское ли это владение или соседское. Ни верхушек, ни веток он не обрубал, а потому деревья лежали как ветром поваленные. Потом сложил, нагрузил он деревья в огромный воз и впряг в него всех лошадей, какие только нашли в округе, но воз был такой тяжёлый, что лошади никак не могли сдвинуться с места, тогда он впрягся сам в оглобли и потащил воз.

Подъезжая к королевскому дому, Мумле заметил, что король уже поджидал его, стоя на крытой галерее вместе с управляющим,

¹ Вог – старинная мера веса, один вог приблизительно 18 кг. (Прим. пер.).

и готов накинуться на него с бранью, ведь управляющий уже успел побывать в лесу и увидеть, что Мумле там натворил. Когда король воочию увидел Мумле, привезшего в усадьбу половину изведённого им леса, то он одновременно пришёл в ярость и испугался. Он понял, что раз парень такой силач, то уж придётся его остерегаться.

– На работу ты здоров, – сказал король. – Ну, а как насчёт еды, тоже, небось, не промах. Сейчас-то, поди, проголодался.

Мумле с охотой поведал, что для хорошей каши надо двенадцать бочек муки, да и то может оказаться мало.

Но такую кашу, ясное дело, скоро не сварить, а пока суть да дело, повезёт он дрова на кухню. Навалил он их целую гору на сани, да опять попал впросак: едва не застрял в дверях, сруб дома весь как зашатается, чуть не развалился весь королевский дом. Когда еда была, наконец, готова, его попросили скликать народ к обеду. И тут Мумле так закричал, что эхо прокатилось по всем горам и холмам. Стал народ собираться, но некоторые не так проворно, как ему хотелось, с теми он повздорил, да и прибил до смерти целую дюжину.

– Он убил дюжину, – сказал король, – ест он за несколько дюжин, а за сколько дюжин он работает?

– Я работаю за дюжину дюжин, – отвечал Мумле.

После обеда ему предстояло отправиться в ригу¹, чтобы заняться обмолотом; для начала выдрал он потолочную балку, да так, что крыша чуть не обвалилась, тогда вырвал с корнем строевую ель, обломал с неё ветви и вставил её вместо балки, а сам пошёл молотить. Всё у него оказалось в одной куче: и рожь, и сено, и солома. Вышло всё по-дурному, поднялось такое облако пыли, которое заволокло всё королевство.

Не успел он закончить дело с обмолотом, как на страну напали враги, и началась война. И посему повелел король Мумле Гусиному яйцу собрать людей и отправиться навстречу неприятелю. Втайне король надеялся, что тот погибнет. Мумле же заявил, что ни к чему людей зря переводить и что он один пойдёт воевать.

– Ну что ж, это к лучшему, – подумал король, – быстрее от него избавлюсь.

Воины Мумле были не нужны, а вот боевой молот он потребовал.

¹ Рига – сарай для молотбы. (Прим. пер.).

Кузнецу было приказано выковать молот весом в пять вогов.

– Таким молотком только орехи колоть, – сказал Мумле Гусиное яйцо.

Выковал тогда кузнец молот в пятнадцать вогов. только сотня людей могла передвинуть его с места на место.

– Таким только гвозди в подметки забивать, – сказал Мумле.

Но более тяжёлый молот кузнец даже со всеми своими подмастерьями выковать не мог. Делать нечего, отправился Мумле сам в кузницу и выковал молот в пятнадцать корабельных фунтов¹. Таким молотом можно было сразу сотню врагов уложить. Вот этот молот был для Мумле в самый раз. Понадобилась ему и котомка для съестных припасов. Её сшили из шкур пятнадцати быков, набили едой, и зашагал Мумле по склону холма с сумкой за спиной и молотом на плече.

Когда он вышел на поле брани, враги прислали к нему гонца, чтобы спросить, готов ли он сражаться.

– Подождите, пока я поем, – сказал Мумле, попятился слегка назад и уселся на землю рядом со своей огромной котомкой.

Но враги и не подумали дожидаться, пока он перекусит, и открыли стрельбу, так что на него обрушился настоящий град пуль.

– На эти волчьи ягоды я плевать хотел, – сказал Мумле Гусиное яйцо и ещё пуще принялся уплетать; ни свинец, ни железо не задевали, а в его котомку попал целый ворох пуль.

Тогда враги принялись палить из пушек и бросать бомбы.

– А, все это мне нипочем, – сказал он, но тут из-за одной бомбы он чуть было не поперхнулся.

– Тьфу, – он выплюнул бомбу обратно, вдруг какой-то металлический шар угодил прямо в его маслёнку, а другой – прямо-таки выбил у него кусок изо рта.

Тут уж Мумле рассердился не на шутку, закричал, неужто они и впрямь думают выбить у него пищу изо рта этими черничинами, выпущенными из каких-то тарахтелок. И он так ударил оземь своим молотом, что рокот прошёл по горам и холмам, а всех врагов приподняло кверху, как какую-то мякину в риге. На том война и кончилась.

Когда Мумле Гусиное яйцо вернулся с войны и спросил, какую ещё работу он должен сделать, то короля едва кондрашка не

¹ Корабельный фунт – старинная мера веса, употребляемая в Германии и скандинавских странах, один фунт – 148–185 кг (в 1875 году был определён в 159,4 кг). (Прим. пер.).

хватила, ведь он-то надеялся наконец-то избавиться от Мумле Гусиного яйца. Оставалось самое последнее средство – послать его к чёрту.

– Отправляйся-ка ты к Старому Эрику¹ и взыщи с него оброк за землю, – приказал король.

Ну что ж, делать нечего, зашагал Мумле прочь из королевской усадьбы, котомка за спиной, молот на боку. Долго ли, коротко ли, но пришёл он к дому Старого Эрика, а оказалось, что того и след простыл. Дома была только его мамаша. Она сказала, что и слухом не слыхала ни о каком оброке, и чтоб Мумле приходил в другой раз.

– Ладно, ладно, приду завтра, – сказал он, хотя у него этого и в мыслях не было, оброк-то он хотел получить немедленно, уж лучше он подождёт Старого Эрика. Но стоило ему только спустить с плеч котомку да подкрепиться, терпение его иссякло, стал он снова требовать у старухи деньги.

– Ни за что, – сказала старуха, – и решение мое непоколебимо, как та старая сосна, что растёт у ворот, ведущих в ад.

А сосна была такая мощная да толстая, что едва ли пятнадцать человек могли бы её охватить. Но Мумле Гусиное яйцо забрался на её макушку, покрутил-повертел её, да и вырвал из земли как ивовый пруттик, а потом спросил старуху, готова ли она теперь отдать ему деньги. Ну что ж, теперь уже ей ничего другого не оставалось, как собрать и принести целую гору скиллингов, которые Мумле ссыпал в свою котомку и отправился в обратный путь с земельным оброком от чёрта. А тут вдруг и Эрик возвратился домой.

Узнав, что Мумле только что скрылся из его дома с котомкой, полной денег, он, прежде всего, дал взбучку своей мамаше, а потом бросился вдогонку за Мумле. И ему почти удалось с ходу настичь его. Ведь он-то бежал налегке, можно сказать почти летел как на крыльях, а Мумле Гусиное яйцо так и тянула к земле тяжёлая котомка с деньгами. Но, видя, как Старый Эрик преследует его по пятам, припустился Мумле бежать ещё быстрее, держа наготове свой молот, чтобы защититься в нужный момент. Так они и бежали, Мумле из всех сил вцепился в рукоятку молота, а Старый Эрик всё пытался его схватить. Наконец, перед ними раскинулась глубокая горная долина. Тут Мумле начал прыгать с одной горной вер-

¹ Старый Эрик – обычное имя черта, изредка – тролля. (Прим. пер.).

шины на другую, Старый Эрик не отставал, едва на пятки Мумле не наступал, в конце концов, он налетел на молот и скатился кубарем в долину. А пока падал, сломал ногу, да так и остался лежать там внизу.

– Вот получите оброк за землю, – сказал Мумле Гусиное яйцо, подойдя к королевскому дому, и поставил котомку с далерами на крыльцо с таким грохотом, что оно пошатнулось.

Король поблагодарил, расхвалил Мумле до небес и предложил хорошую жизнь в королевской усадьбе и жалованье, если ему это по нраву, но Мумле только работу подавай.

– Что ещё сделать надо? – спросил он у короля.

Задумался король, а потом велел Мумле такую службу сослужить: отправиться к горному троллю, что жил в замке у моря, куда дороги не было, да забрать у него меч, который тот похитил ещё у деда короля. Ещё никто не отваживался туда ходить.

Делать нечего, загрузил Мумле в свою котомку целые горы еды, снова отправился в путь. Долго ли, коротко ли он шёл через горы и леса, поросшие вереском плоскогорья, пока не подошёл к огромной горе, где должен был жить тролль, похитивший меч у деда короля.

Но тролля нигде поблизости не было, да и вход в гору был закрыт.

А тут как раз случилось так, что в горах неподалеку работали каменоломы, прокладывая путь к одной горной усадьбе. Он решил им помочь, и такого товарища по работе у них ещё никогда не было. Как начал он ломать да крушить гору, горная порода затрещала, образуя разломы, а камни громоздились один на другой, образуя пещеры. Задумал Мумле чуток передохнуть да перекусить, залез в свою котомку с провиантом, глядит, а еды-то и нет, всё съедено, кто-то украл да, видно, и съел.

– Да уж, я и сам подкрепиться не промах, но тот, кто здесь побывал, и меня заткнет за пояс, ведь даже ни обглоданной косточки не оставил.

Так прошёл первый день, но и на второй не лучше было. А вот уж на третий день Мумле, когда опять потрудился на славу, ворочая тяжёлые камни, решил передохнуть, взял котомку с остатками еды, положил её на видное место, а сам улёгся неподалеку и притворился спящим.

Вдруг откуда ни возьмись, выходит из горы тролль о семи головах и с громким чавканьем начинает поглощать его еду.

– А вот и ещё для меня снесь приготовлена, эх угощусь я на славу.

– Ну, уж это мы ещё поглядим! – как вскочит Мумле, да как ударит тролля своим молотом, так что все его головы покатались в разные стороны.

Теперь Мумле смог войти в гору тролля и увидел коня, который там стоял и ел раскалённые угли, хотя прямо рядом с ним была мера овса.

– Почему же ты не ешь овёс? – спросил Мумле Гусиное яйцо.

– Да потому что я никак не могу повернуть голову, – отвечал конь.

– Давай я помогу тебе, – предложил Мумле.

– Ты лучше совсем отверни мне голову, – попросил конь.

Так Мумле и сделал, конь тут же обернулся красивым парнем, который поведал Мумле, как он стал пленником горы, а тролль обратил его в коня. Он-то и помог Мумле меч отыскать. Этот меч запрятал тролль в самую глубину перины на той постели, где его мамаша-троллиха спала беспробудным сном, только храп раздавался.

В обратный путь Мумле вместе с этим парнем отправились морем. Да только успел отплыть их корабль, как старуха-троллиха бросилась вслед за ними и принялась пить воду в морском проливе. Пролив обмелел, однако всю воду она выпить не сумела – лопнула. Сойдя на берег, Мумле дал знать королю, что тот может забрать свой меч. Король выслал четвёрку лошадей, но они не смогли сдвинуть меч с места, тогда прислал король восьмёрку лошадей, но опять меч не сдвинулся с места, прислал ещё двенадцать лошадей, но, как лежал тот меч, так и остался лежать на месте. Ну, а Мумле легко поднял его, да и понёс в королевскую усадьбу.

Король не поверил своим глазам, когда снова увидел Мумле, но встретил его приветливо и посулил ему и золото, и леса зелёные. Но Мумле просил только работы. Что тут поделаешь. Повелел король ему отправиться в замок тролля, из которого ещё никто живым не возвращался, да к тому же построить мост через пролив, чтоб людям было легко перебираться с одного берега на другой. И если Мумле и с этим справится, тогда уж король по-настоящему наградит его и даже отдаст свою дочь в жёны.

– Ну что же, я не прочь, – согласился Мумле.

И вправду, из замка этого страшного тролля ещё никто не возвращался живым. Вся дорога к нему была усеяна разрубленными на мельчайшие кусочки телами. Это были тела смельчаков, которые пытались приблизиться к замку.

Вот туда-то и отправился наш герой, захватив с собой котомку со съестными припасами, да кривой и косо́й сосновый чурбак, плотницкий топор, клин, несколько толстенных поленьев. А ещё взял он с собой мальчишку из королевских слуг.

Когда подошёл Мумле к проливу, на другой стороне которого стоял замок тролля, то увидел, что в пролив впадает очень бурная река, прямо как настоящий водопад, к тому же по ней идёт лёд. Но и это Мумле Гусиному яйцу оказалось нипочем, он уверенно ступал ногами по дну и благополучно добрался до другого берега.

Отогревшись и насытившись, он задремал, но ненадолго. Вскоре до него донёсся страшный шум и грохот, замок тролля вздрогнул, весь пошатнулся, и казалось, вот-вот рассыпется на куски. Ворота на огромном склоне горы поднялись наверх и исчезли внутри скалы, а перед Мумле разверзлась зияющая пропасть от самых стропил до порога.

– Вот тебе заморить червячка, – крикнул Мумле и швырнул туда мальчишку на побегушках, который был при нём.

– А ну-ка выходи, кто ты там есть... Сдаётся мне, что это старый знакомый.

Так оно и было, показался Старый Эрик. Стали они с Мумле играть в карты. Уж больно охота было Старому Эрику отыграть часть оброка, который Мумле Гусиное яйцо угрозой выманил у его матери. Но сколько бы они ни играли, каков бы ни был расклад, выигрывал всё время Мумле, потому что ухитрялся метить козырные карты. Таким образом, Старый Эрик проиграл ему всё свое состояние и был вынужден отдать Мумле всё серебро и золото, которое было у него в замке.

Играли они, играли и вдруг почувствовали, как стало холодать, да так, что карты примерзли одна к другой.

– Пожалуй, надо дров нарубить да огонь развести, – сказал Мумле Гусиное яйцо. – Взял он свой плотницкий топор да и всадил его в сосновый чурбак, а потом ещё вбил в него клин, но колода никак не поддавалась, никак не раскалывалась надвое.

– Говорят, в тебе силы много, – сказал он Старому Эрику. – А ну-ка, поплюй на ладони, да вцепись когтями в колоду, да и покажи, на что ты способен.

Эрик всё так и сделал, засунул оба кулака в щель и попытался изо всех сил раздвинуть, а Мумле Гусиное яйцо выбил клин, да ещё и поддал Эрику топором по спине. Тоненьким нежным голоском молил Старый Эрик отпустить его, но Мумле его и слышать не хотел. Тогда он обещал, что уж больше никогда, никогда не вернётся на землю и никому не доставит неприятностей, а, кроме того, ещё и построит мост через пролив, чтобы людям было удобно переправляться с берега на берег в любое время года, да построит как можно скорее, сразу же, как только сойдёт лёд.

– Что-то уж очень много всего я наобещал, – сказал Эрик. Но другого выхода у него не было, коли он хотел остаться живым и невредимым. Единственное, что удалось ему выторговать в свою пользу, так это душу первого, кто пройдет по мосту, – это будет, с позволения сказать, платой за переправу.

– Ну что ж, так тому и быть, – сказал Мумле. Он освободил Эрика, и тот отправился восвояси. А Мумле Гусиное яйцо улёгся на кровать тролля да и проспал до следующего дня.

А на следующий день туда пришёл король, уж больно хотелось ему поглядеть, просто ли тролль зарубил Мумле или вдобавок искромсал его на мелкие кусочки. Но вместо этого он увидел Мумле, мирно храпящего на кровати, и, чтоб подойти поближе, королю пришлось пробраться между грудями сокровищ и мешками денег.

– Господи, спаси и помилуй меня и мою дочь, – воскликнул король, увидев, что Мумле цел и невредим. Да, Мумле здорово расправился с троллем, тут ничего не скажешь, но пока мост не готов, говорить о свадьбе не приходится.

Через день мост через пролив был готов, на нём стоял Старый Эрик и поджидал свою жертву, так сказать, плату за переправу.

Мумле стал уговаривать короля пройти с ним по мосту, чтобы испробовать его, но у того не было на это ни малейшего желания. Тогда Мумле уселся верхом на лошадь, а перед собой на седло посадил здоровенную бабу-скотницу, на вид она была, что та соновая колода, из которой Эрик руку не мог вытащить. И поскакал он с ней с грохотом по новому мосту.

– Ну, а где же причитающаяся мне плата за переправу. Где обещанная мне душа? – вопил Старый Эрик.

– Душа внутри этой самой колоды, коли хочешь заполучить её, так поплюй на ладони, да и извлеки её наружу, – посоветовал Мумле Гусиное яйцо.

– Ну уж нет, спасибо, коли она сама не идёт ко мне навстречу, так уж и я её брать не буду, – ответил Эрик и полетел прочь к своей старухе-мамаше, и с тех пор никто его видом не видывал и слухом не слыхивал.

А Мумле прямехонько направился в королевскую усадьбу, чтобы получить то, что ему причиталось. Король пытался отвертеться от обещанного, тогда Мумле велел самому королю позаботиться о котомке с едой и теперь-то уже он, Мумле, отблагодарит короля по заслугам. Когда сумка с провизией для короля была готова, то вывел он его на двор перед домом и дал ему такого пинка, что тот так и взлетел на воздух. Котомку с провизией Мумле бросил ему вслед, чтобы тот совсем с голоду не помер, а так как король на землю не спустился, то, стало быть, начал он парить между небом и землей, да так и летает по сей день.

Невеста-Коряга

Жил-был вдовец, и было у него двое детей, сынок и дочка. Оба такие добрые да хорошие и сердечно привязанные друг к другу.

Но прошло время, и отец женился вновь, а в жены взял вдову, у которой была дочка от первого брака, уродливая и безобразная, как, впрочем, и её мамаша. Стоило новой жене появиться, как сыну и дочке вдовца не стало места в родном доме, и тогда брат решил, что лучше всего уйти и начать самому добывать хлеб насущный. Шёл он, шёл, добрался до королевской усадьбы, здесь дали ему работу конюха, и таким прилежным да расторопным работником он оказался, так он холил и лелеял лошадей, что стали они упитанные да гладкие, шерсть на них прямо лоснилась.

А вот жизнь его сестрёнки в родном доме с каждым днём становилась всё тяжелей. Мачеха и сводная сестрица никак не оставляли её в покое, все косились на неё да бранились. Она делала самую тяжёлую работу, а в награду получала только брань да скудную еду.

И вот однажды послали её на ручей за водой. Стала она воду зачерпывать, а из воды вдруг возьми да появиись огромная страшная

голова.

– Помой меня! – приказала голова.

– Ну что ж, хорошо, – сказала девушка и принялась тереть и споласкивать это страшилище. Уж вы поверьте, особой радости от этого ей не было.

Едва успела она помыть лицо страшилища, над поверхностью показалась другая голова, ещё более безобразная, чем предыдущая.

– А ну-ка, причеши меня, – приказала голова.

– Ну что же, с радостью, – сказала девушка и начала приводить в порядок свалявшиеся лохмы на голове у чудовища.

Едва успела она закончить эту работу, как над поверхностью воды появилась третья голова, ещё страшней и безобразней, чем две предыдущие.

– Поцелуй меня! – сказала голова.

– Хорошо, я тебя поцелую, – сказала падчерица и поцеловала отвратительную морду, и это было самое неприятное, что ей приходилось испытать в своей жизни.

Тут головы начали разговаривать между собой, решая, как же им отблагодарить ту, что была так добра к ним.

– Пусть станет она самой прекрасной девушкой на свете, белокожей и светлицей, как ясный день, – сказала первая голова.

– Пусть, как только примется расчёсывать свои прекрасные волосы, прямо из густой копны начнут падать золотые монеты, – произнесла вторая голова.

– И каждое сказанное ею слово тоже превратится в золотые монеты, – добавила третья.

Вернулась падчерица с ручья, светлая и прекрасная, как ясный день. Мачеха и её дочка прямо позеленели от злобы, а когда она стала говорить, и из её рта посыпались золотые монеты, вообще чуть не лопнули от зависти. Мачеха выгнала падчерицу в свинарник, пусть-де сидит там со своим богатством, а к ним в горницу не смеет и показываться.

Вскоре мачеха послала к ручью свою родную дочку. Стоило ей со своими ведрами подойти к берегу, как высунулась из ручья первая голова.

– Помой меня! – попросила голова.

– Чёрт тебя помоеет, – отвечала Мачихина дочка.

Тут и вторая голова появилась над водной гладью.

– Причеши меня, – приказала голова.

– Чёрт тебя причешет, – отвечала дочка.

Вторая голова исчезла в воде, а над поверхностью появилась третья голова.

– Поцелуй меня, – попросила третья.

– Чёрт поцелует твою гнусную рожу, – отвечала девушка.

Поговорили головы между собой о том, как наказать такую злобную строптивую девушку и порешили, что нос у неё станет в пять аршин, подбородок будет выдаваться на три аршина, на голове у неё вырастет кривая сучковатая сосёнка, похожая на корягу, а как только она заговорит, изо рта будет сыпаться зола. Подошла она к дому с ведрами и кричит матери:

– Дверь открой!

– Ты что, сама не можешь, дочка? – спрашивает мать.

– Нос мешает, – отвечает дочка.

Вышла мать ей навстречу, да и увидела, что стало с дочкой, как ни рыдала, сколько ни плакала-причитала, что бы она ни делала, нос и подбородок у дочки меньше не становились. Она оставалась уродиной.

А пасынок тем временем продолжал службу в королевской усадьбе, но про свою сестру не забывал. У него был её портрет, и каждое утро и каждый вечер вставал он перед ним на колени и молил Всевышнего о благополучии для сестры, так он сильно был к ней привязан. И вот прознали в усадьбе о том, что молодой конюх каждое утро, и каждый вечер на коленях молится перед безбожной картинкой. Придворные доложили королю и стали уговаривать его пойти и заглянуть в комнату парня через замочную скважину, чтобы убедиться в этом. Поначалу король не хотел верить, но мало-помалу слугам удалось уговорить его, и вот, на цыпочках, отправился он к двери комнаты парня. И вправду всё так: стоит парень на коленях, сложив руки на груди, а на стене перед ним какая-то картинка.

– Отвори! – приказал король.

Но парень не слышал его.

Король крикнул громче, но парень молился так истово, что и на этот раз ничего не услышал.

– Немедленно отвори! – изо всей мочи закричал король. – Тебе приказывает сам король!

На этот раз парень услышал, бросился к двери, но второпях забыл убрать со стены портрет сестры. Когда король, наконец, во-

шёл в комнату, то замер на месте как зачарованный: столь прекрасной была та, чье изображение он увидел на портрете.

– Я даже и не думал, что такие красавицы бывают на белом свете! – воскликнул король.

Но брат сказал, что он нарисовал сестру именно такой, какова она есть на самом деле, не лучше и не хуже.

– Ну что ж, коли она и впрямь так хороша, – сказал король, – я хочу, чтобы она стала моей королевой, – и приказал парню немедленно отправляться за ней да нигде не задерживаться на обратном пути. Парень побежал, не мешкая ни секунды, и тут же пустился в путь-дорогу.

Приехал он домой за сестрой, стали они собираться к королю, а мачеха со своей дочкой тоже увязались. Падчерица взяла с собой ларец с золотыми украшениями, матушкино наследство, да собачку по кличке Верный, ту, что жила у них ещё при покойной матушке. Ну вот, отправились они в путь, а часть дороги шла по морю, брат сидел в ладье на корме на веслах, а мачеха и обе девушки сидели на носу.

Долго ли, коротко ли они плыли, наконец, вдали показался берег.

– Вижу серый песчаный берег, скоро мы к нему пристанем! – воскликнул брат и показал рукой вперёд.

– Что это там братец говорит? – спросила падчерица.

– Да он говорит, чтобы ты выбросила в море свой ларец, – объяснила мачеха.

– Ну, раз братец приказывает, так я и сделаю, – проговорила девушка и бросила ларец в море.

Плывут они дальше, все ближе к берегу, вытянул брат руку вперёд и показывает:

– Вон уже виден королевский замок, где нас ждут.

– Что это мой братец говорит?

– Он говорит, чтобы ты выбросила свою собаку в море, – отвечала мачеха.

Заплакала-запричитала девушка, ведь она так была привязана к своей собачке, но что делать, бросила и её за борт.

– Раз уж брат мой велит, послушаюсь я его, но только богу известно, как тяжело мне расставаться с тобой, милый мой пёсик, – причитала девушка.

– Вот видишь, сам король спешит к тебе навстречу, – воскликнул брат, указывая на берег.

– Что это мой братец говорит? – снова спросила сестра.

– Он говорит, чтобы теперь ты сама бросилась в море, – отвечала мачеха.

Заплакала, запричитала девушка, но раз брат ей велит, значит, должна она и на это решиться, и выбросилась в море.

Вот высадились они втроём с мачехой и сводной сестрой на берег, и перед королем предстала безобразная невеста с пятиаршинным носом, трёхаршинным подбородком и скрюченной сосёнкой, похожей на корягу, на голове. Король поначалу даже испугался. Но к свадьбе всё было уже готово: и пиво, и стряпня, и гости уже сидели и ждали невесту, так что какой бы она ни оказалась, король должен взять её в жены. Но, ясное дело, король был вне себя от ярости. Никто не мог осудить его за то, что он приказал бросить парня в змеиную яму, раз он привёз ему такую невесту.

Но вот в первый же четверг, поздно ночью, явилась на королевскую кухню прекрасная девушка и попросила спавшую там повариху одолжить ей свой гребень, та одолжила, девушка принялась расчёсывать свои волосы, и после каждого взмаха её руки на пол падали золотые монеты. С ней пришла и собачка, и девушка сказала ей:

– А ну-ка, Верный, иди на улицу и покарауль, когда придёт рассвет.

Так трижды отсылала она собачонку, а на третий раз собачка прибежала с лаем, – уже светало. Тут гостья ушла, а перед уходом произнесла:

– Тьфу! Невесту-раскоряку,

Ждут объятья короля,

А я – на дне в песке и в иле,

И брошен к змеям братец милый.

Я приду сюда ещё дважды, а уж потом больше никогда, – промолвила прекрасная дева на прощание.

Утром повариха рассказала обо всём увиденном и услышанном, и король сказал, что в следующий четверг поздно вечером он сам останется на кухне, чтобы убедиться, так ли всё это. И вот, когда наступили сумерки, король пришёл на кухню. Но как он ни старался не заснуть, как ни тёр глаза, ничего не помогло: он погрузился в крепкий сон. А дело-то в том, что его невеста-коряга при-

нялась напевать такую мелодию, что глаз у короля стали смыкаться сами собой, так что когда явилась прекрасная дева, он крепко спал и даже храпел. Так же, как и в первую ночь, попросила дева гребень поварихи и принялась расчёсывать волосы, и с каждым движением руки на пол сыпались золотые монеты. Посылала она собачку три раза посмотреть, не рассветает ли, а при первых лучах солнца девушка удалилась. Перед уходом произнесла, как и в прошлый раз:

Тьфу! Невесту, что с корягой

Ждут объятья короля,

А я – на дне в песке и в иле,

И брошен к змеям братец милый.

– Я приду ещё раз, а больше уж никогда, – добавила она.

На третью ночь с четверга на пятницу решил король снова бдеть. На этот раз пришёл он не один, а взял с собой придворных, которые должны были трясти и дёргать его, как только он начнёт клевать носом, а двум другим приказал глаз не спускать с невесты-коряги. И всё же, когда дело пошло к ночи, принялась она напевать и выводить такую мелодию, что веки у короля сомкнулись сами собой, а голова наклонилась набок.

Тут и появилась прекрасная дева, она принялась расчёсывать свои волосы, посыпались на пол золотые монеты, и собачку отсылала она три раза посмотреть, скоро ли рассвет; когда собачка своим лаем возвестила наступление утра, произнесла дева:

Тьфу! Невесту, что с корягой

Ждут объятья короля.

А я – на дне, в песке и в иле,

И отдан змеям братец милый.

– Теперь я уже больше никогда не приду, – сказала дева и хотела было уйти, но те двое, что неотлучно находились возле короля, схватили его за руки, вставили в руку нож, он бросился к деве, поранил ей мизинец, и оттуда вытекла капелька крови.

Наконец-то, настоящая невеста была спасена, а тут и король пробудился. Девушка рассказала о том, как всё произошло, как коварно обманули её мачеха со сводной сестрой. Её брата тут же освободили из змеиной ямы, и оказалось, что змеи не причинили ему ни малейшего вреда. А вместо него в змеиную яму бросили мачеху с её безобразной дочкой. Невозможно описать радость короля, когда вместо невесты-раскоряки, с корягой на голове, он получил в

жены девушку, прекрасную, как ясный день. Когда король с будущей королевой ехали в церковь, то в карете с ними была и собачка Верный. Тут-то и сыграли настоящую свадьбу, и такой был пир на весь мир, что о нём по соседним королевствам молва прошла. Тут и сказке конец, дальше уж всё без меня было.

Арам Оганян

СКАЗОЧНИК САРОЯН

Уильям Стоунхилл Сароян, четвёртый ребёнок Арменака и Тагуи Сароянов из Битлиса (Западная Армения) появился на свет 31 августа 1908 года во Фресно, штат Калифорния. Здесь после долгих странствий нашли пристанище тысячи армян, переселившихся из Западной Армении, спасаясь от геноцида в Османской империи.

Новую поросль детей, родившихся в Америке, дома воспитывали на национальном фольклоре. И, хотя новая культура и школа формировали у этих детей иной менталитет, родной язык, Армянская церковь и семья не могли не повлиять на молодых американцев армянского происхождения.

Сароян не стал исключением. Он вырос на сказках и притчах, рассказанных бабушкой Люси и дядей Арамом. Он перерабатывает эти сюжеты и посвящает книгу «Притчи Сарояновы» дяде – Араму Сарояну. Некоторые притчи начинаются со слов: «Мой дядя Арам, чтобы привести наглядный пример чего-либо...» Отношения между дядей и племянником были натянутыми. Дядя считал его никчемным лодырем и бездельником. Не случайно нрав Медведя в Притче IV сравнивается «с буйным темпераментом моего дяди».

Другие притчи начинаются так: «Когда бабушка Люси хочет наглядно показать, что...» Сароян посвятил ей множество своих произведений, и в одном из них («Ноне», 1933) подробно описано, как бабушка рассказывала сказки собственного сочинения:

«Она никогда не ходила в школу и не умела читать на родном языке, но знала бесчисленное множество народных сказок, которые исполняла с поэтической безупречностью, не искажая ни единого слова, сколько раз бы её ни просили повторить... Она слышала эти сказки от своих бабушек и тетюшек, но не те, что она рассказывала нам, ибо в последние она вкладывала свой характер, свою философию и фразы, которые могла придумать она одна. Она была в своём роде артисткой. Истории были с моралью. Они учили молодёжь смелости, благородству, че-

стности и трудолюбию, бережливости, бодрости ума, но самое главное – скепсису. Ведь мир кишмя кишит злыднями, которые спят и видят, как бы отобрать у невинных людей честь, душевное спокойствие и деньги. Не годится слишком верить в человека; гораздо предпочтительнее верить в Бога».

Спустя много лет, в 1975 году, в своём интервью с Сарояном тему устного народного творчества затрагивал Гарик Басмаджян:

Г. Б.: «...Когда вы говорите об аллегориях, сразу уносишься в далёкое прошлое, в Малую Азию, в изустные традиции Армении и армянский фольклор. Такое впечатление, будто вы не пишете, а рассказываете свои истории, подобно известным армянским сказителям».

У. С.: «Да, но сначала эти мои истории кто-то рассказал мне. Как только я (в восьмилетнем возрасте) вернулся из детского дома, то услышал их от бабушек по отцовской и материнской линии, от дяди моей матери, Карапета Сарояна, и прочей родни преклонного возраста».

Фольклор крепил узы родства армян Диаспоры со «старой родиной», хотя многие из них, как Сароян, родились в Новом Свете. Истоки Сарояна находились в Битлисе (Багеш) в Западной Армении. И туда он стремился попасть многие годы. Он посвящал стихи озеру Ван – «озеро и символ нашего горя» и реке Евфрат. Там находилась древняя колыбель армянского народа – Ванское царство, возвышались Сасунские горы, где обитали эксцентричные, чудаковатые, непредсказуемые персонажи героического эпоса армянского народа «Давид Сасунский», которые были сродни представителям рода Сароянов и самому Сарояну, прозванного в семье «чокнутым Вилли» (“*Tsoor Willie*”).

Здесь героический эпос «Давид Сасунский» – отголосок освободительной борьбы с арабскими завоевателями – переплетался с трагической реальностью конца XIX – начала XX веков – гибелью сасунских смельчаков и всего Сасунского мира. Здесь предки Сарояна жили, впитывая сказки, фольклор и житейскую мудрость, которые они передавали из поколения в поколение, а потом с одного континента на другой – для молодой поросли американцев армянского происхождения, оторванных от своего языка и культуры.

Став писателем, Сароян проявил профессиональный интерес к фольклору и просил друзей присылать ему армянские сказки и басни. В его произведениях присутствуют и библейские мотивы. Например, повествование о Давиде и Голиафе преобразовалось в рассказ «Кулачный бой за честь Армении». Евангельский сюжет переплелся с реальностью в рассказе «Тайная вечеря». В рассказе «Шестьсот шестьдесят шесть» цитируется «Апокалипсис». В «Заговоре» в шуточной форме показано, что бывает, когда роешь другому яму. В «Бане» кот заговорил словами Экклезиаста; а в «Скитальце» автор вступает с Экклезиастом в ирониче-

скую полемику. И наконец, заголовок – «Притчи Сарояновы» перекликается с другими притчами – Соломоновыми.

«Притчи Сарояновы» (*Saroyan's Fables*) изданы в 1941 году отдельной книгой тиражом 1000 экземпляров, каждый из которых был пронумерован и подписан автором. Книга состоит из 27 притч, 7 из которых были напечатаны в 1939 году в сборнике «Мир – это прекрасно» (*Peace, It's Wonderful*) под заголовком «Назидательные истории старой родины» (“Little Moral Tales from the Old Country”).

Некоторые из притч универсальны – мы сразу узнаём вершки и корешки (Притча XII), известные по русским сказкам, или шкуру неубитого медведя из пословицы (Притча III). Некоторые притчи коротки, как и полагается сжато повествованию с моралью в несколько строк. А Притча IX пространно иллюстрирует поговорку «истина в вине» (“in vino veritas”), как и другие притчи, принадлежащие скорее жанру назидательной новеллы или короткого рассказа, например, Притча XIX. Последняя выделяется на общем фоне тем, что является, во-первых, по сути, молитвой, а, как уже говорилось, это один из любимых жанров Сарояна, и, во-вторых, монологом, почти потоком сознания, что имеет мало общего с притчей.

Мораль Притчи VI подозрительно напоминает сентенцию Старухи Шапокляк о тщетности добрых деяний, и на ту же мысль наводит Притча VII. А Притча XXIII приходит к доказательству того же от обратного:

«Священник обернулся к человеку, который вонзил ему в спину нож, внимательно всмотрелся в его лицо и, умирая, сказал:

– За что ты убиваешь меня? Ведь я не сделал тебе ничего хорошего».

Сароян вносит в повествование отсебятину вроде «одиннадцати тысяч, одиннадцати сотен и одиннадцати фунтов мелких опилок» в Притче I. В Притче XXI о «человеке, который временами терял рассудок, зато неизменно оставался демократом» (курсив мой – А. О.) Сароян создаёт комический эффект, используя не совместимое с сюжетом повествования современное понятие.

Сароян ценил авторов, работавших с мифологическим и фольклорным материалом. В 1939 году в Ирландии он познакомился с ирландским писателем Флэнном О’Брайеном (1911–1966), который написал роман «At Swim-Two-Birds» (1939), круто замешанный на ирландской мифологии и чертовщине. И, наверное, неслучайно именно Сарояну поручили написать предисловие к одному из изданий «Сказок тысячи и одной ночи».

Притчи

III. О том, как медведь пожалел глупого охотника, который продал медвежью шкуру, не успев убить медведя

А ещё, чтобы высмеять скудоумие тех, чьи амбиции и мечтания опережают ход событий, мой дядя рассказывает, о том, как жили-были два араба, один рассудительный, другой безрассудный, и отправились они как-то в горы поохотиться на медведей.

– Я уже продал шкуру своего медведя, – похвастался глупый охотник. – А ты?

– Нет, – ответил проницательный охотник. – Я подумаю об этом, когда убью медведя. Откуда у тебя такая уверенность?

– Ну, – сказал тот, – просто я искусный стрелок, знаток медвежьих повадок и к тому же предприимчивый делец.

Они поднялись высоко в горы, и там их пути разошлись. Из-за огромного валуна возник громадный медведь. Легкомысленный охотник выронил ружьё, бросился наземь и притворился мёртвым. Медведь приблизился к нему, обнюхал и помочился ему на лицо, а затем неспешно удалился. Когда медведь был уже далеко, незадачливый араб встал и утер лицо. Тут подоспел к нему другой араб и спросил:

– Что сказал тебе медведь?

Неразумный охотник, который теперь немного образумился, ответил:

– Медведь сказал: “В следующий раз сперва сдери с меня шкуру, а потом продавай”.

VI. О том, как в меру сердобольный муж чуть не лишился жены и осла, и, скорее всего, в самом деле лишился бы, если бы не милосердие Бога, действовавшего в обличье безымянного судьи, да вселится его мудрость в ныне живущих, дабы спасти и защищать всех несчастных с благими намерениями

Некий муж и жена ехали в Битлис на осле по горной дороге, как вдруг перед ними возник бредущий на ощупь слепой.

Муж сказал жене:

– Бог дал тебе два глаза, слезай, иди пешком, уступи слепому своё место. Жена возразила:

– Слепые коварны, давай лучше проедем мимо.

Но муж пожалел слепого и пожелал посадить его на осла:

– Смотри, как у него изранены ноги, слезай, жена, пусть он сядет.

И вот жена слезла с осла, а слепой сел рядом с её мужем. Жена шла пешком, а мужчины ехали верхом на осле, пока они не прибыли, наконец, в Битлис.

Муж сказал слепому:

– Это Битлис; здесь мы расстанемся с тобой, слезай.

– Что значит слезай? – сказал слепой. – Только потому, что вы провели моего осла через горы, вы хотите украсть мою скотину?

Жена, почуяв неладное, простонала:

– О, мой неразумный муж! – сказала она.

– Будь так добр, слезай, – повторил муж. – Я пожалел тебя и привёз верхом на осле в город, а теперь иди своей дорогой.

Тут слепой завопил. Собралась толпа, и слепой обратился к народу. Муж увидел, что люди скорее склонны сочувствовать слепому, чем ему, и сказал жене:

– Ты оказалась права, я допустил промах. Давай оставим ему осла и уйдём.

– Да, – сказала жена, – уйдём.

Слепой подал ему вслед голос:

– Сначала ты хотел похитить моего осла, а теперь вот хочешь увести мою жену, а моя жена, увидев здорового мужчину, не хочет больше жить со слепым.

Жена заскрежетала зубами. Муж лишился дара речи. Толпа опять поверила слепому. Он же слепой. Они пожалели его, потому что он незрячий. Жена зарыдала. Муж отказывался уходить без жены. Они отправились в суд, и там слепой объяснил, что он и его жена ехали на осле в Битлис, и вдруг осёл заупрямился и не захотел идти дальше. Появился мужчина и заставил осла идти, и прибыл с ними в город, где сперва попытался увести осла, а потом и его жену. Затем с горечью в голосе муж рассказал всю правду, проклиная себя за добросердечие. Потом и жена рассказала все, как было. Судья понял, что один из троих, но неизвестно кто, лжет, а посему он повелел:

– Пусть каждого из них поместят в отдельную комнату и следят, а утром доложат мне об увиденном. Так с ними и поступили.

Когда слепой решил, что остался один, то заулыбался. Потом зевнул, потянулся и начал плясать. Он сказал себе:

– Я получил осла, вот бы ещё заполучить жену, тогда мне сам чёрт не брат.

А муж непрерывно ругал себя за своё дурацкое упрямство, с которым он порывался помочь слепому.

Жена плакала. Наутро обо всём донесли судье. Он заключил слепого в тюрьму. А муж и жена отправились на своём осле восвояси.

VII. Что бывает, когда пытаешься кое-кому угодить

В одной семье жил слепой, которому домочадцы отдавали всё самое лучшее: еду, одежду, постель, одеяла и так далее, но тот, тая обиду, все равно жаловался денно и нощно на плохое обращение. Все пили воду, а слепой – молоко, все обходились одной пиалой риса, а слепому давали три, все съедали полковриги хлеба, а слепой получал целых три, но всё равно был недоволен. Во гневе и отчаянии они зарезали барашка, зажарили, положили на блюдо и поставили перед слепым. Тот обнюхал угощение и принялся ощупывать, чтобы определить его величину, потом принялся было за еду, но прежде чем проглотить первый кусочек, заявил:

– Если уж мне досталось так много, сколько же вы взяли себе?!

IX. О злключениях Наивного Мужа, который горел лишь одним желанием – отведать гуся, однако был лишён этого удовольствия своей Неверной Женой и её Высокомерным, но не исключено, что симпатичным, Любовником

В одно прекрасное утро приносит наивный муж гуся и говорит своей жене:

– Зажарь мне эту птицу. Я отужинаю ею сегодня вечером, как приду домой.

Жена ощипала гуся, выпотрошила и зажарила. Днём к ней наведался любовник. Перед уходом он поинтересовался, что бы ему захватить с собой из съестного для дружков, заглянул в духовку и увидел там жареного гуся.

– Это для мужа, – сказала жена.

– Хочу гуся, – потребовал любовник. – Не отдашь, считай, я тебя разлюбил. – И унёс гуся. Вечером муж уселся за стол и сказал:

– Подавай гуся.

– Какого ещё гуся? – спросила жена.

– Того самого, что я принёс тебе сегодня утром, – ответил муж, – неси его.

– Ты это серьезно? – сказала жена. – Не давал ты мне никакого гуся. Тебе, наверное, во сне приснилось.

– Давай сюда гуся, тебе говорят! – гаркнул муж.

Жена заголосила, причитая:

– О, мой бедный муж! Совсем спятил! Грезит наяву!

Сбежались соседи и поверили жене, так что мужу пришлось помалкивать, и он остался ни с чем, если не считать хлеб-сыр да воду. На следующее утро муж принёс жене нового гуся и говорит:

– Это гусь?

– Ну, гусь, – отвечает жена.

– Я не грежу?

– Нет.

– Это – гусиная голова?

– Да.

– А это – крылья?

– Крылья.

– Это – перья?

– Да.

– Вот и прекрасно, – сказал муж, – зажарь-ка мне этого гуся к сегодняшнему вечеру на ужин.

Только Жена приготовила гуся, как заявляется любовник.

– По запаху чую, сегодня опять гусь, – говорит он.

– Я не могу тебе его отдать, – сказала жена. – Вчера вечером муж закатил мне жуткую сцену, и ещё одну сегодня утром в придачу. Я люблю тебя, но гуся не отдам.

– Или ты меня любишь, или – нет, – сказал любовник. – Или гусь мой, или – нет.

И унёс гуся.

– Подавай гуся, – велел муж.

– Мой бедный муж совсем рехнулся! – завопила жена. – Гусь, гусь, гусь! Всё подавай ему какого-то гуся! Какой ещё гусь! Ах, мой бедный-несчастный муж!

Сбежались соседи и снова поверили жене. Муж остался голодным. На следующее утро он купил в городе ещё одного гуся. Нанял высоченного человека, чтобы тот нёс гуся над головой на подносе. Нанял оркестр из шести музыкантов, которые окружали носильщика, и прошествовал с ними по всему городу до своего дома, взывая к соседям. Пока он шёл, за ним вытянулась целая процессия. Он обернулся к людям и сказал:

– Магометане, соседи и весь мир! Небеса, рыба в море, воины и все, все, все, смотрите – гусь!

И с этими словами он снял птицу с подноса.

– Гусь! – возопил он.

И передал птицу жене.

– А теперь зажарь эту несчастную тварь, – сказал он, – и вечером, как приду, я её съем.

Жена гуся выпотрошила и приготовила жаркое. Опять заявляется любовник. Последовала полная нежностей сцена: всхлипы, лобзания, возня, борьба, опять всхлипы и опять лобзания. И вот любовник уходит с гусем под мышкой. В городе муж встречает своего друга и говорит:

– Приходи ко мне сегодня вечером, жена приготовила гуся, возьмём пару бутылок ракии и весело проведём время.

Заходят они домой и муж спрашивает:

– Зажарила гуся?

– Да, – отвечает жена. – он в духовке.

– Добро, – говорит муж. – Не такая уж ты плохая жена на самом деле. Сначала мы немного выпьем, дружище, а потом возьмёмся за гуся. Они выпили не то четыре, не то пять рюмок, и муж говорит:

– Ну что ж, подавай гуся.

А жена отвечает:

– В доме нет хлеба, сходил бы ты к своему двоюродному брату за хлебом, а то что за гусь без хлеба.

– Хорошо, – говорит муж.

И вышел из дому. Тут жена говорит другу своего мужа:

– Мой муж сумасшедший. Никакого гуся и в помине нет. Он заманил тебя сюда, чтобы зарезать большущим кухонным ножом и вот этой вилкой. Уносил бы ты лучше отсюда ноги.

И тот ушёл. Вернулся муж и спросил, куда подевались его друг с гусем.

– Твой «друг» сбежал и прихватил с собой гуся, – сказала жена.

– Хорош друг, нечего сказать! А я-то корпела над ним целый день, чтобы приготовить достойный ужин!

Муж схватил со стола кухонный нож с вилкой и вылетел на улицу. Вдалеке ещё виднелся улепетывающий друг. И муж закричал: Ну, хотя бы ножку, дружок, я большего не прошу!

– О, Боже! – пробормотал тот. – Да он и впрямь спятил.

И припустился бежать ещё быстрее. Муж вскоре совсем выдохся и усталый приплёлся домой к своей жене. И опять поужинал одним хлебом с сыром. После этой скромной трапезы он снова принялся за ракию. И чем больше он пил, тем больше ему открывалась истина, как это и бывает в таких случаях. Когда он был уже совсем

пьян, ему стало ведомо всё обо всём. Он поднялся и без лишнего шума поколотил жену.

– Если твоему любовнику обязательно надо каждый день обжираться гусем, так бы и сказала, – посоветовал он. – Завтра я принесу двух гусей. Я ведь тоже, в конце концов, могу проголодаться.

ХII. О том, как не очень обременённый образованием юный уроженец Битлиса трижды одурачил дьявола

Дьявол прослышал, будто уроженцы Битлиса самые сообразительные люди на земле, и решил туда отправиться и посмотреть, сможет ли он их обвести вокруг пальца. По пути в город он почувствовал страшную усталость и обрадовался, когда его нагнал молодой человек, шагавший бодрой и задорной походкой.

– Друг мой, – дьявол, – куда путь держишь?

– Я иду в Битлис, – ответил юноша.

– И я иду в Битлис, – сказал дьявол. – Давай остаток пути пройдем вместе.

– С удовольствием, – сказал юноша.

– А далеко ли ещё идти? – спросил дьявол.

– Десять миль, – ответил молодой человек.

– А давно ли ты в пути? – спросил дьявол.

– Ночь и два дня, – сказал молодой человек.

Дьявол был в пути всего часть дня и то уже лишился сил. Ему показалось странным, что юноша так резв после столь долгого пути. На самом-то деле молодой человек находился в пути всего два часа.

– Ты в первый раз идёшь в Битлис? – поинтересовался дьявол.

– В первый раз я попал в Битлис, когда там родился, – сказал юноша.

– Понятно, – сказал про себя дьявол, – он один из этих самых сообразительных. Вот я его и одурачу.

– Раз уж мы оба идём в одно и то же место, давай договоримся, чтобы сильно себя не утомлять. Мы оба проделали долгий путь. Ты понесёшь меня на закорках, пока я переведу дух и отдохну. Потом я слезу и понесу тебя, пока ты отдышишься.

– Хорошо, – сказал уроженец Битлиса. – Как нам сделать, чтобы всё было по справедливости и ни один из нас не остался в накладе?

– Нет ничего проще, – заверил его дьявол. – Сидящий на спине будет сидеть на ней столько, пока не допёт до конца песню.

– Справедливо, – сказал юноша. – Хочешь поехать первым?

– Благодарю, – сказал дьявол, взобрался на спину молодому человеку и запел песню “Утренний Свет”, в которой тридцать восемь стихов по числу букв в армянском алфавите. Если её исполнять, не торопясь, как пел дьявол, песня продлится полчаса или около того. Дьявол хорошо отдохнул и, вполне довольный сделкой, слез со спины битлисца, а битлисец оседлал дьявола и запел.

Он затянул армянскую церковную песню, которая может тянуться столько, сколько пожелает исполнитель – даи ни, наи ни, наи ни, дон ни, нон ни, но. И так до сколько угодно, хоть до бесконечности.

– Что это за песня у тебя такая? – спрашивает дьявол.

– Простая песня простого народа, – ответил юный битлисец.

– Сколько же в ней куплетов? – спросил дьявол.

– Миллион с хвостиком, – говорит молодой человек.

– Но ведь есть же у неё начало и конец, – недоумевает дьявол.

– Такое же начало и конец, как у вселенной или у Всемогущего Господа, – говорит юноша и распевает себе дальше: даи ни, наи ни, наи ни, дон ни, нон ни, но. Дьявол пронёс на спине молодого человека через горы до самого Битлиса. Он понял, что опозорился и решил одурачить того, кто одурачил его.

– Дружище, – спросил он, – каким ремеслом ты занимаешься?

– Возделываю землю, – сказал он.

– Так будем партнерами! – предложил дьявол.

– По рукам, – говорит юноша.

Они посадили целое поле лука, и пришло время собирать урожай.

– Что ты выбираешь, – спросил дьявол, – вершки или корешки?

– Мне подойдет либо одно, либо другое, – сказал битлисец.

– Нет уж, – выбери что-нибудь одно, – возразил дьявол.

– Ладно, – возьму вершки, – сказал юноша.

Один раз дьявол уже был одурачен, и не собирался оказаться в дураках дважды.

– Если хочешь, я возьму вершки, а ты – корешки, – сказал он.

Дьявол срезал вершки и попытался продать. Битлисец выкопал отличный лук и весь продал.

Дьявол второй раз попал впросак. Вот уже дважды его обвели вокруг пальца, и теперь он вдвойне жаждал одурачить этого юнца.

– Давай снова будем партнерами, – предложил он.

– Хорошо, – сказал юноша.

– Что посеем на этот раз? – поинтересовался дьявол.

– Как насчёт пшеницы?

Так и порешили.

В день жатвы дьявол сказал:

– Что на этот раз, вершки или корешки?

– Ну, я и на этот раз возьму корешки, – сказал молодой битлисец.

– Нет уж, – возразил дьявол, – на этот раз ты возмёшь вершки, а уж мне позволь оставить себе корешки.

И опять дьявол был посрамлён. Вечером он потихоньку убрался из Битлиса и ни разу с тех пор не возвращался, разве что инкогнито – ради того, чтобы доставить себе удовольствие и повосхищаться местными жителями.

XIX. Долгая доверительная молитва, возносимая Богу каждый вечер по средам пожилым верующим армянином из Фресно, в Первой пресвитерианской церкви лет двадцать назад, или о том, как стало пусто без него на свете

В Калифорнии лет двадцать назад, каждый вечер по средам в Армянскую пресвитерианскую церковь приходил один пожилой прихожанин и молился, а все остальные внимательно к нему прислушивались. Старик молился громко и чеканно, и в голосе его звучала твёрдая, почти неколебимая вера в собственную близость к Богу. Создавалось впечатление, будто он приходится Богу сердечным другом, или, скажем, племянником. Это было так красиво, и как жаль, что этого старика уже нет в живых и больше никто, даже проповедники, не молятся так, как он.

– Господи, – говорил он, вставая с места, – ну вот я снова пришёл в эту церквушку поведать тебе всё, как есть, не вдаваясь в подробности. Со здоровьем у меня всё в порядке, благодаря Тебе. Не жалуюсь. По дороге в церковь мне в голову пришла одна мысль. Я проходил по Санта-Клара авеню, мимо лавки Момбре, где всё что можно и нельзя, засижено мухами. Так вот, не находишь ли ты, Господи, что он, человек, проживший двадцать два года в просвещённой стране, мог бы удосужиться купить мухобойку и взяться как следует за этих мух? Я подумал про себя: «Отец наш Небесный, да неужели все-все на свете, люди и скоты, созданы тобою? Даже мухи!» Если это так, а мы в этом уверены, то не кажется ли тебе, что даже самый трепетный христианин не должен заходить слишком далеко в своих рассуждениях о том, как вести себя, чтобы выглядеть достойно в глазах твоих? Он мог бы, к примеру, перебить всех этих мух и никто бы не стал

особенно возражать. Это стоило бы ему небольших усилий, зато всякий смог бы войти в его лавку и купить сахару на десять центов, без боязни подвергнуться нападению тучи мух. Все мы, Господи, пропащие невежественные души, не будь твоей мудрости, мы перемерли бы все к утру, и всё же – не кажется ли тебе, Господи, что цены на изюм, однако, чересчур занижены? Я вовсе не хочу сказать, что все фермеры непременно должны разбогатеть. Я только не перестаю спрашивать себя: неужели они не могут зарабатывать своим тяжким трудом столько, чтобы прокормиться, чтобы хватало на обувь для ребятшек, на щепотку табаку и прочие надобности? Ведь они трудятся в поте лица своего изо дня в день, месяц за месяцем. О, Господь Всемогуший, я знаю, на всё воля твоя. Об этом я как раз говорил своему другу Горготяну сегодня днём. Он неверующий, как тебе известно, но у него доброе сердце. Он любит музыку и щедро делится своим табаком. Его сыновья каждый месяц высылают ему денег, так что табак у него водится. А вот у меня, Господи, табак иногда кончается. Он всегда рад позвать меня в гости на полудюжину сигарет и несколько чашек кофе, после чего мы гадаем на кофейной гуще. Вот только он неверующий и уже лет пятнадцать, как не ходит в церковь, ни в пресвитерианскую, ни в какую другую. Я рассказывал ему сегодня, Господи, что на всё воля твоя, а он мне в ответ такое сказал, что я даже не знаю, стоит ли говорить тебе. Хотя, впрочем, ты и без этого, конечно, знаешь. Он сказал: «Вот и отлично, Мано, раз на всё божья воля, помолись, пусть он пошлёт нам с тобой полфунта измирского табаку. Как раз хватит на неделю». Конечно же, Отец наш Небесный, он хороший человек. Иначе я был бы оскорблён до глубины души. Едва ли во всей армянской общине найдётся человек порядочней, чем он, но всё же, как я уже говорил, Господи, он неверующий. Есть и другие, конечно, и ты, несомненно, знаешь их всех по именам, но вряд ли они сравнятся с ним в честности. Впрочем, не за тем я пришёл, чтобы рассказывать про Горготяна. Ему, как и мне, за семьдесят. Лет через двадцать-тридцать его не станет. А вот что будет с детьми, которые подрастают у нас на глазах? Не находишь ли ты, Господи, что их родителям следовало бы больше заботиться о них? Летом, конечно, все заняты упаковкой фруктов, но даже при этом, не кажется ли тебе, что матерям следовало бы уделять детям хотя бы по полчаса каждый вечер, чтобы учить их армянскому. Многие не могут ответить даже на простой вопрос, разве что по-английски, которого я не понимаю. И ещё, эта война в Европе, Господи, не считаешь ли Ты, что пора уже с

ней кончать? Ты не находишь, что и так уже погибло много безвинных молодых людей?

Тема войны занимает у старика ещё минут сорок или час, и всё в той же доверительной манере. Эти самозабвенные моления не доставляли особого удовольствия приходскому священнику и однажды он сказал старику:

– Молиться, конечно, хорошо. Но, может, это делать в более сжатом виде?

– Это как? – искренне не понял старик.

– Н-ну, – сказал священник, – скажем, когда вы доходите до таких крупных событий, как война, то не обязательно останавливаться на ней так подробно. Не пытайтесь решать все мировые проблемы в каждой молитве.

– Нет, – возразил старик, – это невозможно. Если вы настаиваете, чтобы я вовсе не молился, тогда я не буду. Но раз уж я молюсь, тогда вы должны позволить мне молиться так, как я считаю нужным. Молитва – это океан, который становится тем шире, чем дальше в него заплываешь.

Вот так этому замечательному пожилому христианину было позволено каждую среду отправляться в плавание по этому чудесному океану, пока, через пятнадцать лет, он не умер, и достиг, наконец, того берега, где, несомненно, его с нетерпением дожидался Господь, чтобы обстоятельно побеседовать с ним и обсудить всё по порядку.

XXI. Что сказал человек, который временами терял рассудок, зато неизменно оставался демократом молодому Царю, который иногда изнывал от скуки, но всегда был готов поучиться ещё чему-нибудь новому

Жил да был безумец, на которого иногда нисходило просветление. Однажды, пребывая именно в таком состоянии, он отправился в близлежащий город, где вскоре подружился с горожанами. Одним из друзей оказался Царь собственной персоной, но переодетый нищим, дабы не тяготиться своей славой самого значительного человека в государстве.

Таким вот нищим он приблизился к человеку, находившемуся порой не в своём уме, и взмолился:

– Пожалей меня! Прояви ко мне жалость!

Безумец ответил:

– Это невозможно, ибо ты её и так всю присвоил. Можно пожалеть только сильного, которому невдомёк, что он столь же слаб, как наислабейший.

– Если тебе ни капельки не жаль меня, так подай хотя бы денежку на пропитание, – сказал Царь.

Безумец извлёк из кармана своей куртки полковриги хлеба с сыром.

– Монета сделает тебя моим должником, – сказал он. – Задолженность унижительна. Будь моим гостем. Хоть здесь и нет стола, зато день погожий.

Он протянул Царю половину ковриги. Царь немного смутился, и, хотя ему обычно доводилось вкушать более изысканные яства, он попробовал хлеба с сыром в надежде, что и такая заурядная пища пойдёт ему впрок. Она оказалась весьма вкусной.

– Если я твой гость, – сказал Царь, – то ты должен разделить со мной трапезу.

И хотя, как ему казалось, никогда ещё еда не была ему желаннее этого ломтя хлеба с сыром, он разломил свою половину ковриги и протянул большой кусок безумцу; тот принял от него хлеб и сказал:

– Отныне ты не нищий.

– Почему? – спросил Царь.

– Потому, – ответил безумец, – что, по моему разумению, все живущие на свете составляют единое целое. Ты считаешься нищим, насколько мне известно. Я же говорю тебе: ты – царь.

Молодой Царь был польщён такими речами безумца, сбросил нищенское рубище и предстал перед ним в царском обличье.

– Ты и сам не ведаешь, насколько истинны твои слова, – сказал он. – Я действительно царь.

Безумец мельком взглянул на молодого человека, уже потеряв рассудок.

– Ты ошибаешься, – сказал он. – Ты нищий.

На Царя накатил такой прилив гнева и досады, что он на миг утратил дар речи и хотел было сурово покарать безумца, но потихоньку смысл сказанного стал доходить до него. Он снова облачился в лохмотья попрошайки и с удовольствием простого смертного принялся жевать хлеб с сыром.

– До чего хорош этот хлеб да сыр! – сказал он. – Я счастлив, что живу на свете, вдыхаю ароматы растений и утоляю жажду студёной водою. Этого мне вполне достаточно.

– Ты царь, – молвил безумец и зашагал по мостовой.

XXIII. Что сказал священник душегубу, преступившему общепринятые правила бесчеловечного поведения

Священник обернулся к человеку, который вонзил ему в спину нож, пристально всмотрелся в его лицо и, умирая, сказал:

– За что ты убиваешь меня? Ведь я не сделал тебе ничего хорошего.

БЕАТРИС ПИКОН-ВАЛЛЕН

Брюсов переулок, дом 12

(Из книги о жизни внучки Вс. Мейерхольда М. А. Валентей)

Перевод с французского Ольги Тиховской

Мария Алексеевна Валентей умерла 15 января 2003 года. Для всех российских и зарубежных исследователей творчества Всеволода Мейерхольда она была просто Машей. У внучки великого режиссёра были ясные голубые глаза, смотревшие на собеседника открыто и прямо. В тридцатые годы Маша часто бывала в доме и в театре (ГОСТИМ) одного из последних величайших режиссёров прошлого века.

Мать Маши, Татьяна Всеволодовна, была одной из трёх дочерей Мейерхольда и его первой жены Ольги Мунт. В 1939 году, когда арестовали её деда, Маше было четырнадцать лет. В 1942-ом, когда Маше исполнилось семнадцать, её мать, работавшая в подмосковном колхозе «Новая жизнь», была осуждена «за восхваление своего отца, врага народа» и отправлена в лагерь. Татьяну приговорили к восьми годам СИБЛАГа. Маша тоже поехала в Сибирь, к своему дяде, мужу Ирины Всеволодовны, родной сестры её матери. Дядя, Василий Меркурьев, был актёром Ленинградского театра имени А. С. Пушкина, в то время эвакуированного в Новосибирск. По просьбе Меркурьева одна знаменитая советская актриса посодействовала досрочному освобождению Татьяны Всеволодовны из лагеря. После выхода матери на свободу Маша начала обращаться в разные советские инстанции, чтобы узнать о судьбе своего деда.

В 1946 году Маше выслали первый официальный документ, сообщавший о смерти Мейерхольда. Но в нём, как и в последую-

щих трёх, полученных Машей, содержались ложные сведения. Мейерхольда арестовали в июне 1939 года и расстреляли 2 февраля 1940-го. Во время подготовки к реабилитации её деда Маша бесстрашно вышла на «поле боя»: она начала встречаться с известными людьми, которые могли бы написать заявления в поддержку реабилитации великого режиссёра. Эти письма нужно было приобщить к делу, которое вёл военный прокурор Борис Рязский. Маша навсегда запомнила рыдания и слова композитора Дмитрия Шостаковича, к которому она обратилась в числе первых. Шостакович не мог совладать с сильнейшими переживаниями и лишь на следующий день написал то письмо, за которым приходила Маша.

После официальной реабилитации Мейерхольда в 1955 году Маша продолжала, и зачастую одна, свою борьбу против тоталитарной власти. В этом было что-то от мира, созданного Кафкой, – Давид против Голиафа! С неиссякаемой энергией Маша боролась за политическую и художественную реабилитацию Мейерхольда, требовала, чтобы его восстановили в Коммунистической партии. Это заполняло всю её жизнь. Маша была убеждена в том, что Мейерхольд – гениальный художник, безвинно пострадавший от тоталитарного режима. Она смогла преодолеть все препятствия, чтобы получить доступ к ужасному следственному делу № 537 по обвинению Вс. Э. Мейерхольда. Это следственное дело, хранившееся в недрах архивов КГБ, было построено на материалах допросов великого режиссёра. Маша добилась разрешения сделать копии этих документов. Она сумела преодолеть многое и, наконец, добилась того, что постепенно, с 1991 по 1994 год, была возвращена московская квартира семьи Мейерхольдов в доме № 12 по Брюсову переулку. Маше удалось воссоединить разделённую на две части квартиру и превратить её в мемориальный музей, который официально открылся в сентябре 1997 года как филиал Государственного театрального музея имени Бахрушина. Комнаты были в ужасном состоянии, но Маша, не падая духом, засучила рукава и начала новую кампанию по сбору средств для восстановления квартиры. Она собирала мебель, искала и покупала вещи, похожие на те, которые были в квартире при жизни Мейерхольда. Сегодня в музей-квартире можно увидеть и подлинные экспонаты: фотографии, наброски, макеты, афиши, которые поступили из фондов Бахрушинского музея.

С 1991 года в гостях у Маши бывали многие, кто стремился

побольше узнать о Мейерхольде, – студенты, журналисты, актёры и режиссёры. В этом гостеприимном музее, хранившем память о страшной судьбе Мейерхольда, Машу навещали Питер Брук, Матиас Лангхофф, Эудженио Барба, Ариан Мнушкин со своей трупой и многие другие. Обычно Маша усаживала гостей за старым овальным столом в гостиной, и чаепитие становилось «рабочим пространством», где Маша продолжала размышлять, убеждать, доказывать. А справа от входной двери была маленькая комната, которую мне хотелось бы назвать кухней, хотя, конечно, это была не кухня. В этой комнатке Маша делилась новыми планами, говорила о будущих боях и рассказывала об успехах.

Маша проводила в музее вечера, посвящённые дню рождения и годовщине смерти Всеволода Эмильевича. Она организовывала и другие встречи, связанные с артистами, которые работали у Мейерхольда. А до этого она занималась организацией музея Мейерхольда в Пензе, родном городе режиссёра. У Маши хватало сил на всё...

В России она была учёным секретарём Комиссии по творческому наследию Вс. Э. Мейерхольда, созданной в 1956 году и занимавшейся изданием работ великого режиссёра. Ни одно начинание не обходилось без Маши, она успевала заниматься всем. Маша обладала двумя качествами, чрезвычайно редкими в наши дни (сегодня чаще встречается имитация и подделка, нежели их истинные проявления). Несгибаемая сила воли и высокое бесстрашие Маши выковывались в ходе всей её многотрудной жизни. (Но жизнь эта прошла не в одиночестве: Маша была чрезвычайно привязана к своему мужу).

В старом буфете, который стоял в кабинете и, без сомнения, принадлежал её деду, Маша собирала всё, что было опубликовано о Мейерхольде в разных странах мира. Маша всегда радовалась, когда получала новое подтверждение памяти и признания человека, творчество которого она помогла вернуть из небытия и спасти от гибели в водовороте террора, в пространстве бессилия и пассивности.

Маша приезжала во Францию, чтобы помочь на международном симпозиуме «Мейерхольд. Режиссура в перспективе века», который я организовала в Париже в ноябре 2000 года на базе Исследовательской лаборатории зрелищных искусств при Национальном центре научных исследований. На этот симпозиум собрались ис-

следователи и практики театра со всего мира, и каждый хотел поприветствовать Машу. Она всегда приезжала первой и перед началом заседаний с восхищением наблюдала, как постепенно заполнялся зал. Эта пожилая женщина семидесяти шести лет с любознательными глазами вечной девочки присутствовала на всех, без исключения, мероприятиях Недели Мейерхольда.

В том же великолепном старинном театре, на исторической сцене, где проходили мастер-классы, включённые в программу симпозиума, к Маше обратился с торжественной речью директор Государственной консерватории драматического искусства Марсель Бозоннэ. Это было публичное признание её подвижнического труда, благодаря которому был восстановлен путь к Мейерхольду, чьё искусство явилось решающим не только для XX столетия, но и для набирающего силу XXI века...

После таких поездок Маша возвращалась в Москву окрылённой и продолжала работу в музее-квартире: экскурсии, встречи, вечера, посвящённые Мастеру и его театру. Немало людей приезжало в Москву, чтобы познакомиться с Машей и посоветоваться с ней. И хотя она уже двигалась с трудом и ноги подводили её, именно Маша была двигателем и опорой для всех, кто стремился к тому, чтобы наследие трагически погибшего режиссёра заняло подобающее ему место в истории театра XX века.

За несколько часов до смерти Маша встала со словами: «Я должна идти в Музей». Без сомнения, она собиралась готовить вечер, посвящённый годовщине гибели Мейерхольда, 2 февраля 2003 года...

Машу похоронили на Ваганьковском кладбище. Светло и торжественно проводили её в последний путь многие люди театра. Все заботы о похоронах взял на себя Центр имени Всеволода Мейерхольда, создание которого она так горячо поддерживала. (В 2001 году, преодолев немало трудностей, Центр, наконец, въехал в новое здание).

Я не смогла сопровождать Машу в этой последней зимней поездке. Но прошло время, и я приехала с цветами на её могилу. Я увидела живописное православное кладбище, где могилы теснились друг к другу, создавая впечатление какой-то необычной и беспорядочной композиции. Был солнечный весенний день, и розы раскрылись в стеклянном кувшине, врытом в землю. Точно так же распускались когда-то цветы в руках Маши, когда она ставила по-

даренные ей букеты в вазу под портретом Мейерхольда в доме № 12 по Брюсову переулку.

Маши больше нет, и всем исследователям творчества Мейерхольда будет очень трудно двигаться вперёд уже без неё. Без её помощи и веры, без её несгибаемого мужества. Без её холодного и решительного негодования. Без её пристального взгляда, в котором, казалось, навсегда отразились последние слова великого мейерхольдовского актёра Эраста Гарина, который до самой смерти продолжал повторять: «Скажите, почему его убили?»

Маши больше нет, но её незримое, всепроникающее присутствие продолжает благословлять нас. Несгибаемая и неподкупная, Маша всё ещё с нами. Кажется, что она внимательно вглядывается в нас и поддерживает всех, кому выпало счастье пройти рядом с ней часть пути по этой трудной дороге – дороге театра, справедливости и человечности.

А ещё Маша была для меня последней представительницей того поколения русских женщин, чьё мужество и чья культура стали «моими университетами». Воспоминания о Маше я хочу соединить с памятью об этих женщинах. Одна из них – Ангелина Фальк, жена художника Роберта Фалька, сохранившая у себя большинство картин мужа. И в то время, когда музеи убирали работы Фалька в глубины своих запасников, Ангелина Фальк показывала его картины всем желающим.

Была среди этих женщин и Александра Грановская, актриса, которая осталась в Москве после эмиграции режиссёра Грановского и еврейского театра. Она-то и рассказала мне историю этого Театра.

Я никогда не забываю о талантливом театроведе Татьяне Бачелис. Она первая, задолго до своих коллег-мужчин, имела мужество заинтересоваться судьбой и творчеством Мейерхольда...

Мне так не хватает этих женщин... Мне недостаёт Маши, моей Маши, которая решила использовать деньги, высланные Театром дю Солей в помощь музею, для покупки вещей, принадлежавших Зинаиде Райх, второй жене Мейерхольда. Маша вернула эти вещи в домашнее пространство, откуда, в трагическое для семьи время, их исторгла жестокая судьба. В этом поступке Маши – символический ответ любви Мейерхольда к жене, которую он сделал великой актрисой. Так, сквозь пространство и время, Маша будто протянула букет цветов в подарок женщине тридцатых годов, звер-

ски убитой после ареста гениального режиссёра.

...И вновь, уже не в первый раз, Маше удалось найти единственный и необычайно точный жест.

/Внучка Мейерхольда. Книга о жизни Марии Алексеевны Валентей. Центр им. Вс. Мейерхольда; гос. Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина; Музей-квартира Вс. Мейерхольда. М., 2009/.

ОВАНЕС ТУМАНЯН

Умник и дурак

Перевод с армянского Гаянэ Ахвердян

Было два брата – один умник, другой дурень.

Умник-брат всё норовил дурака к делу приладить, чем его и донимал. Уж так он его измаял, что дурак, вконец отчаявшись, однажды заявил:

– Всё, брат, больше я с тобой жить не хочу, ухожу, только долю мою отдай, буду сам себе хозяин.

– Ладно, – умник в ответ, – своди-ка ты сегодня скотину на водопой, а я покормлю её; как с водопоя пригонишь, гляди – кто в хлев войдёт – мне, кто снаружи останется – тот тебе и достанется.

Дело-то происходило зимой. Дурак возьми и согласись. Гонит он животину на водопой, пригоняет обратно. День стоит зимний, морозный, замерзающий скот, чуть до ворот хлева добрёл, так валом в него повалил. У ворот лишь один хворый шелудивый бычок стоит да бок себе о бревна чешет. Он-то дураку и достался. Вяжет ему дурень веревку на шею, ведет бычка своего продавать.

– Ну, бычок, трогайся, ну! – гонит-подгоняет.

Вот они бредут мимо древней развалюхи, и дурень голос подаёт

– Ну, бычок, идём, эй!

Из развалин эхом отдается:

– Эй!

Стал дурак столбом.

– Это ты меня зовёшь, да?

Из развалин отзывается:

– Да...

- Бычка хочешь?
- Хочешь...
- Сколько монет у тебя есть?
- Десть...
- Сейчас отдашь или нет?
- Нет...
- Ну тогда я завтра приду, смотри, раздобудь!
- Будь!..
- Согласен.

Дурак, счёл бычка проданным, привязал к воротам у развалюхи, домой шагает, посвистывает. Встаёт он на другой день спозаранку, идёт выручать свою денежку. А за ночь волки, откуда ни возьмись, бычка сожрали.

- Приходит он и видит – повсюду одни косточки рассеяны.
- Что, – спрашивает, – зарезал его и съел?
- Съел...
- Тучен был, аль нет?
- Нет...

Дурак при мысли, что не видать ему выручки – не хотят, мол, платить, испугался.

- Не моя забота, – говорит он, – получили – так отдавайте чистым золотом десять монет!
- Нет!

Слышит такое дурак, да как замахнется дорожной палкой, да как хватит в сердцах куда попало по ветхой стене. Раз огрел, другой – из стены камень за камнем выпадает!

А когда-то давным-давно здесь был клад замурован. Только стали камни валиться – глянь! – Им вслед россыпь золотых монет высыпалась перед ним на землю.

– То-то же! Только куда мне столько! Ты мне десять должен – десять и отдавай, остальное все твоё, на что мне так много? Поднимает он свой золотой, домой приходит.

- Что, продал своего бычка? – спрашивает брат-умник, а сам посмеивается.
- Продал!
- Да кому же?
- Развалюхе.
- И заплатили?

– А как же! Сперва решили не отдавать, да я как треснул палкой разок-другой – враз раскошелились, высыпали всё, что у них было! Ну, я и взял свои десять, а чужого мне не надо – всю грудку золота оставил там на земле лежать.

Говорит он, а сам достаёт золотой и брату показывает.

– Да где же всё это?! – загорелись глаза у брата-умника.

– Э, нет! Не скажу – у тебя глаза завидующие, руки загребущие, ещё всё взвалишь на мою же спину, треснет.

Клянётся умный, что всё сам на себе потащит, ты, мол, только место мне покажи!

– Дай-ка, – говорит дураку – тот, что у тебя в руке. И место мне покажи, где всё остальное, вижу я, что ты голым-раздетым ходишь, я тебе новое платье куплю.

Как только дурень услышал про новую одежду – отдаёт брату то, что в руке у него было, ведёт его и показывает место, где лежит остальное золото. Умник золото подбирает, всё в дом приносит; разбогател он, да только брату нового платья не покупает.

Говорит ему дурак, требует, да видит, что ничего не выходит, идёт он к судье жаловаться.

– Господин судья! – говорит он. – Был у меня бычок, я повел его продавать, и продал развалюхе...

– Хватит, хватит, – обрывает его судья, – откуда этот дурак взялся? Как это так – развалюхе бычка продал? – смеется над ним, гонит его прочь.

Дурак идёт жаловаться другим, а те ещё пуще хохочут, над ним смеются.

И сказывают, по сей день ходит бедный дурак в лохмотьях, всем жалуется, кого не встретит, но никто не верит ему, все хохочут над ним, и брат его, умник, смеётся вместе со всеми.



Мусорина Юлия

С 2005 года Юлия Мусорина – член молодежной секции Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России. Окончила Забайкальский государственный педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. Имеет два диплома с отличием о высшем педагогическом образовании – учителя начальных классов и английского языка. Работает учителем английского языка ГУ «Забайкальская краевая гимназия-интернат». Юлия Мусорина – учитель высшей категории, поэт-переводчик, лауреат поэтических конкурсов, неоднократный участник и победитель региональных конкурсов молодых поэтов-переводчиков за лучшие поэтические переводы с английского языка. Публикуется в научно-художественном журнале «Переводчик».

Томас Гуд (1799 – 1845)

Руг

В колосьях пшеницы она утопала,
И утро золотое её обнимало.
И словно избранница солнца влюбленного,
Пылающим светом его зацелована.

Осенний румянец горит на щеках,
Как в зёрнах коричневых выросший мак,
Как пятнышко красное в жёлтых просторах,
Манит восхитительным, огненным взором.

Волос её угольно-чёрный атлас
Спадает вокруг удивительных глаз.
И длинных ресниц кружевная вуаль
Слегка прикрывает блестящую даль.

От шляпы широких, тенистых полей
На лбу её волосы стали темней.

Она среди снопов одиноко стояла
И к Богу с хвалой нежным взглядом взывала.

Я знаю, что здесь не при чём небеса,
Ты рядом со мною всегда быть должна.
Колосья оставь и ко мне приходи,
Мой хлеб и очаг ты со мной раздели.

Уолтер Севедж Лендор (1775 – 1864)

Я верил тебе

Я искренне верил игривым устам,
Улыбке обманной и сладким речам.
В ином бы надежда сгорела дотла,
Но слабая вера во мне всё жила.
Последним желаньем утешиться дай,
Обманывать снова меня продолжай!

Вилбур Д. Несбит (1871 – 1927)

Читая книгу,
Друга ты найдёшь.
Богатство, золото,
Достаток обретёшь.

Владелец ты
Именья дорогого,
Как только книгу
Открываешь снова.

Кто чтением
Всецело поглощён,
Тот властью
Королевской наделён.

А королевство
Там ты обретаешь,
Где есть камин,
Где книгу ты читаешь.

Джозеф Кэмпбелл (1879 – 1944)

Как в храме тусклый
Мерцает свет,
Так красота лица
На склоне лет.

Как солнца лик
Холодною зимой,
Так женщина,
Узнавшая покой.

Ее душа не мечется
От бремени забот.
Разрушенная мельница
Стоит средь тихих вод.

Эмили Дикинсон (1830 – 1886)

Сердце, мы его забудем.
На исходе дня.
Ты тепла его не помни.
Я – его огня.

Коль сумеешь, дай мне знать.
Все мечтанья – прочь.
А помедлишь, не смогу я
Чувства превозмочь.



ЛУИС АЛЬБЕРТО УРРЕА (род. в 1955 г.)

Современный мексикано-американский писатель, поэт, критик, лауреат Всеамериканской книжной премии (роман «Ничей сын: заметки из американской жизни», 1998), финалист Пулитцеровской премии (роман «Дорога дьявола», 2005). В творчестве Л. А. Урреа отражаются проблемы пограничья и межкультурного взаимодействия сквозь призму философского осмысления места человека на границе культур, обращения к острым темам миграции, социального и культурного неравенства. Писательский талант автора к бытописанию, пейзажным зарисовкам, умение чётко и красочно изобразить окружающую действительность снискали ему широкую известность, искреннюю любовь и уважение, как со стороны американских читателей, так и коллег по цеху.

Первый свет (отрывок)

Перевод с английского Николая Сокольских

<...> Прошло уже два года с того момента, как я в последний раз вошёл к ним в дом. Как меня сначала поколотил, а потом обнимал мой дядя, а тётя, кузены и кузины, беспрестанно всматривались в мою улыбку. Как затем я увидел, что она смотрела на меня, выглядывая из дальней комнаты, а у меня дрожали колени, и сбивалось дыхание. Как она подошла, и с её губ слетела разящая стрела, попавшая мне в живот. Её глаза пожирали меня, и она прошептала мне на ухо: «Генри». Мы обняли друг друга, и мой пересохший рот едва был способен вымолвить: «Кристина». <...>

Всё забылось, когда к моим ногам медленно подкатила большая грохочущая машина. Кузены Панчито и Маркос глядели на меня во все глаза. Её с ними не было <...>.

МЫ ВОРВАЛИСЬ в тёмную ночь. Мотор ревел. Панчито хотел знать, что означает выражение «стеклянная башка». Маркос взглянул на меня, устало сидящего на пассажирском сиденье.

– Ты ужасно тихий сегодня, братец, – произнёс он с нескрывае-
ваемой издёвкой.

Все, что он говорил, звучало грязно.

– Я провёл в автобусе тридцать часов, – сказал я.

– Оно того стоило. Лучше, чем петлять вокруг да около.

– Подожди! Ты ещё увидишь наш театр! – закричал Панчито
с заднего сиденья.

– Кинотеатр, – пояснил Бык.

– Расширяешь свою империю? – спросил я его.

– Что-то вроде того, – пробубнил он. – Или мы не револю-
ционеры?

Немного погодя, я сказал: «Извини. Я устал».

Он глубоко вздохнул.

– Это единственный кинотеатр в радиусе ста километров.

– Как родные? – спросил я.

Он одобрительно покачал головой.

– Кристина?

– Сукин сын, – сказал Бык со знанием дела. – Прошло всего
двадцать две минуты.

Смутившись, я взглянул на часы.

– Она ведь мне двоюродная сестра, – несмело возразил я. –
Почему я не могу о ней ничего спросить?

– Вот именно, – сказал Бык. – Она твоя сестра.

Панчито поманил меня пальцем и радостно спросил: «В авто-
бусе были женщины?»

Бык оскалился – он не мог сдержаться.

Спасибо, Панчито, – подумал я про себя и сказал: «Да, ко-
нечно». <...>

ДОМ ГОРЕЛ ВСЕМИ ОГНЯМИ, а на улице гремел настоя-
щий гром. Гарсиа-Гарсиа, мой дядя, колотил меня по спине и тол-
кал в живот, приговаривая: «У нас столько тортильи для тебя Ген-
ри, столько тортильи!». Тётя называла меня ангелом. *Ну где же*
Кристина? «Какой же ты худой!». *Она может появиться в любую*
секунду. В любую секунду. Антонио, мой старший кузен, и его жена
Флора обняли меня. Панчито включил магнитофон, и несвязный
голос запел под аккордеон: «Он вернулся туда, где так давно не
был!» <...>

Я остался один. За последние два года все спальни были пе-
ренесены наверх, и у меня в распоряжении находился весь первый

этаж. Моя комната с уборной и душем располагалась в глубине дома, далеко от всех. Дворик, заросший виноградом. Старое банановое дерево. Паук величиной с обеденную тарелку забрался на стену, и казалось, внимательно смотрел мне в лицо.

Я погасил свет. Я видел её в темноте над кроватью. Рентгеновский луч любви. Комары курсировали вокруг, как маленькие реактивные самолеты. Удивительно смыслённый петух голосил на луну. Усталость, как поток тёплой воды, одолевала и усыпляла меня, унося с собой за горизонт. Внезапно дверь комнаты отворилась. Я подскочил, стараясь кого-либо разглядеть в темноте. Её бледная тень была еле различима.

Я чувствовал её запах. Из глаз хлынули слезы. Я не мог ничему сопротивляться, когда она была рядом со мной. И от этого не было защиты.

– Ты не спишь? – прошептала она.

– Я люблю тебя.

– О-о-о! Разговариваем во сне?

– Я слышу, как ты улыбаешься.

– Я плачу, Генри. Это ведь так глупо?

– Смешно, – сказал я, смахивая слёзы на простыню.

Так мы и застыли, смотря на слезинки, срывавшиеся с глаз. Мы рассмеялись. Подобно облаку в ночи, она подошла к моей кровати и встала рядом. Я протянул руку, чтобы коснуться её живота. Он был тёплый и нежный, спрятанный под шёлковым платьем. Я притянул её себе. Мы прижались друг к другу, что есть силы. Я хотел, чтобы наши тела переплелись.

– Ну что ты, папочка, – прошептала она, как будто нас только что застукали, – Это не то, что ты думаешь. Мы всего лишь боремся! Она смеялась, лежа у меня на плече.

– Да, дядя! Мы поспорили на пять песо. Следующим будет Маркос.

Как мы смеялись! Она вытащила из-под моей головы подушку, чтобы заткнуть себе рот, но в этот момент я ударился головой об стену, и мы рассмеялись ещё сильнее. Я был готов вцепиться зубами в матрац. Чувство опасности доставляло удовольствие.

– Если нас увидят вместе? – с трудом произнесла она.

– Нам крышка.

– Всё будет позади.

Я поднёс пальцы к её рту. Она сжала мою ладонь и поцело-

вала. Наши сердца пытались обогнать друг друга.

– Я должна идти, – сказала она и выскользнула из моих рук.

Остановившись у двери, она произнесла странную фразу, которая показалась мне нелепой в тот момент: «Обещай мне одну вещь, Генри. Поклянись».

– Все, что угодно, – сказал я.

– Не говори сразу. Осознай это.

– Я осознаю.

– Обещай, что бы не случилось с нами, ты никогда не станешь ненавидеть меня и никогда меня не бросишь и ..., – она вздохнула, – Не будешь таким, как все они.

Я, было, начал отвечать ей, но она сказала: «Тсс». Потом она ушла.

Всю ночь я грелся теплотой её запаха. <...>

<...> Я сел напротив места, где обычно сидела Кристина, и скинул кожаные сандалии. В семье не одобряли, когда по дому ходили без обуви. Босые ноги считались признаком бедности. Я наслаждался прохладным полом, пока мои ноги были спрятаны под столом. Я не видел, что она делала в кухне, но слышал музыкальный перезвон тарелок и кастрюль. Затем она вошла и поставила одну тарелку перед отцом, а вторую передо мной. Пара прекрасно зажаренных яиц, смотревших на меня в оба глаза, и тортилья.

– Спасибо, – сказал я.

Остальные не произнесли ни слова, пока она их обслуживала.

Когда она подошла к Панчито, он сгреб её в объятия и поцеловал. «Кто главная красавица Мексики? А-а-а? Ты, не так ли? Да, я думаю, что это именно ты». Она вырвалась от него и отошла в сторону. Все рассмеялись.

Маркос сказал: «Ты собираешься меня сегодня кормить?»

Она посмотрела на него, не со злостью, но с ужасным равнодушием. Абсолютно никаких чувств. «Как тебе приготовить яйца?», – спросила она, что на грубом испанском могло означать: «Может почесать твои яйца?» Бык захихикал, затем прикрыл рот ладонью и глубоко вздохнул три или четыре раза.

– Так же, как и всем остальным, – сказал он.

– Отлично» – сказала Кристина, склонившись над его ухом, – Иди и сделай сам.

Маркос таращил на неё глаза и не мог вымолвить ни слова от возмущения, когда она, наконец, села к своей уже холодной пище.

Панчито хрипел, пытаюсь выпить стакан молока через нос. Гарсиа шуршал утренней газетой – всеми её двумя страницами. Тётя посмотрела на неё, потом на меня. Лицо Кристины оставалось спокойным, но я видел, как она улыбается. Тётя сказала: «Успокойся, мой ангел, – похлопывая Быка по руке, – Я тебя покормлю». <...>

<...> Домой мы вернулись только к ланчу. На кухне хлопотала Кармела, кухарка. Кристина сидела, не смотря на меня, пока мы сражались пальцами ног, как страстные любовники. Младшие сестры следили за каждым нашим движением. Кармела подала лапшу с кусочками банана и мясной бульон, рис, обжаренный с томатами и луком, тонко нарезанную говядину, бобы, маринованные в пиве и Кока-Колу, а сама отправилась на кухню изгонять злых духов из свежее испечённых лепешек.

Тётушка шепнула мне: «Проверь все свои вещи и будь осторожен, когда она – она указала рукой на кухню – на дежурстве. Она воровка».

– Да неужели?

– Она ворует из комнат, прячет всё себе под юбку и уносит из дома. Ты же их знаешь.

– Кого?

– Их. Тёмных. Ну, хватит, Генри – не прикидывайся дураком. Индейцев, конечно.

Я поднял голову. Кармела стояла в дверях и слушала. Мне стало дурно от того, что я сидел с ними за одним столом, когда они откровенно оскорбляли её. Я взглянул на неё, пожал плечами и незаметно для всех покрутил пару раз пальцем у виска. Она улыбнулась. Затем посмотрела на тетюшку, сидевшую к ней спиной и вздохнула. Пожала плечами мне в ответ и принесла ещё лепешек <...>.

<...> Кристина медленно гладила меня по ноге. Я подобрался кончиками пальцев к её икрам, затем к коленям. Она слегка заерзала на стуле.

Гарсиа бросил газету на пол и сказал: «Время сиесты. Мать?» Он протянул руку тётушке, и они поднялись наверх, в свой гамак. Когда они дошли до верха, он обернулся и произнес: «Звонил Хулио».

Кристина побледнела.

Маркос улыбнулся.

– Кто? – спросил я.

Панчито выскочил из-за стола.

– Он придёт на открытие, – добавил Гарсиа.

– Кто такой Хулио?

– Я ушёл, – сказал Панчито. Кристина собрала тарелки и направилась на кухню. Я услышал, как хлопнула входная дверь и завелась машина.

– Хулио?

Бык подкурил сигарету.

– Эй, тормоз, – сказал он. – Кто такой Хулио? Он выпустил клуб дыма прямо в меня. «Хулио – это жених Кристины».

Он изобразил пальцами пистолет, рассмеялся своим непонятным смехом с утроенной силой и выстрелил.

ЖЕНИХ? ЖЕНИХ.

Я сделал круг по низкому молчаливому полу. Ну что же, пусть так. Она не принадлежала мне. Нет, принадлежала. Почему она ничего мне не сказала? Эй, хлыщ – расслабься. Всё будет хорошо. Никогда не будет хорошо.

Было слышно, как Гарсиа ворочался в гамаке. Тётушка храпела.

Хулио, да?

Я сидел на своей кровати, когда она вошла. Она держала в руках белый сверток. В глазах был страх.

– Ты понимаешь? – сказала она, – понимаешь?»

Я молчал.

Она села рядом. Я не двигался. Я не хотел к ней прикоснуться.

– Хулио. – сказала она. – У него есть машина, дом. Он учится в университете и хочет стать профессором.

– Я тоже, – заскулил я.

Она вцепилась руками в платье.

– Да, но Хулио мне не кузен.

Это было похоже на удар ногой.

– Он живёт в городе. Понимаешь?

– Сбеги, – сказал я.

– Да! – по щеке покатила слеза. – Отсюда!

– Тебе не нужен мужчина, чтобы убежать.

– Генри, пожалуйста. Это не Калифорния.

Я уставился на пол.

– Ты любишь его? – спросил я.

Она вздохнула.

Я схватил её за руку.

– К чёрту Хулио, – сказал я. – Будь со мной».

– Не будь дураком.

Она вырвала руку.

– Кристина...

– Нет, Генри, нет. Хватит. Пожалуйста.

– Твой почерк заставляет меня плакать. Мои руки пахнут тобой, и я не могу уснуть.

– Все не так просто, как ты думаешь.

– Но я люблю тебя!

Её глаза вспыхнули.

– Любишь! Ты меня любишь! И это делает тебя особенным?

А что со мной будет? – она стукнула ногой по кровати. – Генри? Что будет со мной? Она посмотрела мне в глаза, вперёд, назад, в один глаз, в другой. «Я очень люблю тебя».

Дом отбивал такт, как старые забытые часы <...>.

<...> Мы поехали домой. Я был чернее тучи. Он (Панчито – прим.) остановился. Откинулся на спинку сиденья. «Позволь, я расскажу тебе одну историю», – сказал он. – Отец когда-то давно решил дать всем детям образование, так? Все мы – Антонио, Бык, я, Кристи – ходили в школу. Потом, один за другим, парни уехали учиться в университет. Всё это время отец обещал, что и до неё очередь дойдёт. Она хотела стать врачом. Она видела, как её друзья взрослеют и тупеют. Девочки начали выходить замуж. И тогда отец посчитал неразумным тратить деньги, на то, чтобы отправлять девушек в колледж. Понимаешь? Она была на грани срыва. Весь мир, казалось, открыт для неё. Она даже никогда не уезжала отсюда. Она готовилась присоединиться к нам в городе..., а ей сказали – нет». Он покачал головой. «Отец сказал ей смириться с этим – ведь как только она закончит университет, так сразу же выйдет замуж и родит детей. Зачем учиться? Он считал, что это лишь сделает её несчастной. Мать и Отец объяснили, что так будет лучше для неё. Они сказали, что это только из любви к ней» <...>.

<...> МЫ ВОШЛИ в тёмный кинозал. Свежести в этой темноте не чувствовалось. Два вентилятора безуспешно разгоняли жару. Гарсиа держал речь: «Господа журналисты, мы специально установили металлические сиденья (кузен Антонио был единственным журналистом в городе и публиковал ежедневную двухстраничную газетку), чтобы некоторые невоспитанные элементы наше-

го добропорядочного города, будучи в состоянии сильного эмоционального возбуждения, могли лишь погнуть, но не сломать их. Что же касается зрителей постарше, то для них предусмотрены деревянные сиденья, точно такие, как на бейсбольном стадионе Масатлана». Он величаво взмахнул рукой и произнес: «Обратите внимание на современную систему кондиционирования воздуха». Сказав эти слова, Гарсиа указал на два вентилятора, а затем на рельефную жестяную крышу. Между крышей и верхней частью стен располагались треугольные отверстия, сквозь которые циркулировал воздух, летучие мыши и птицы.

После того, как мои глаза освоились во мраке, я увидел ещё летучих мышей, свисавших со стен, как тёмные фрукты. Похоже, летучим тварям нравилось кино. Они то и дело гадили на сидевших внизу зрителей. Я оторвал взгляд от мышиноного лежбища и посмотрел на заднюю стену. Там, в дальнем ряду, сидели они: Кристина и Хулио. Они склонились друг к другу и увлечённо о чём-то разговаривали. Она размахивала руками. Он неодобрительно крутил головой. Она схватилась за голову. Он встал. Он был высоким, грубым, с сонными глазами. Выглядел похотливо. Он посмотрел на меня, кивнул и что-то сказал ей. Она уставилась на меня. Он схватил её за руку и потащил за собой в мою сторону.

– Генри, – сказал он густым, напрягавшим грудь голосом, – мой новый брат. Он обнял меня, похлопал по спине. От него исходил какой-то кисло-сладкий запах. Он повернулся к Панчито, сказав: «И ты тоже, каброн». Все зашумели. Она стояла и наблюдала за ним, а я сходил с ума от её глаз.

– Я думал, ты его не любишь, – сказал я.

– Ну, он мне *нравится*, – ответила она.

– Господи, Всемогущий, – заверещал Гарсиа, – я забыл плёнки дома!

Суэта. Хулио схватил мою руку. Сам обнял Кристину. Она ухватилась за Панчито. «Я за рулём», – выстрелил Хулио. Гарсиа задыхался от случившегося несчастья. Мы вышли на улицу, и я был готов провалиться в ад.

Панчо и я сели сзади. Она устроилась на пассажирском сиденье рядом с Хулио. Хулио подвесил сигарету на своей тяжёлой губе. «Вот это семья!», – воскликнул он, и мы сорвались с места с пронзительным визгом.

Все смеялись над его идиотскими шутками. И он тоже – он

знал, что его шутки тупые. Панчито посмотрел на меня, как будто говоря: «Вот видишь! Он не так уж и плох». Машину немного занесло. Хулио обернулся, похлопал меня по колену, продолжая рулить левой рукой. В этот момент мы наскочили на бордюр. Колпак отвалился от колеса и остался лежать на дороге. Хулио закричал: «Ты классный парень, Генри». Панчито добавил: «Он настоящий пёс, без сомненья». Я убеждал себя в том, что Хулио действительно не был таким уж плохим, когда Кристина сказала: «Следи за дорогой».

– Что? – сказал он.

– Не стоит ехать так быстро. Ты становишься неуправляемым.

Он вдавил педаль тормоза в пол, схватил её и силой прижал к передней панели. Она ударилась головой о ветровое стекло и сползла со своего сиденья.

– Держи себя в руках, – сказал он.

Она вернулась на свое место.

– Не хрен мне указывать, что делать и как вести машину. Ты меня поняла?

Она кивнула.

– Ты. Меня. Поняла?

– Да, – она улыбнулась ему, – любимый.

Панчито взял меня за руку и покачал головой. Меня трясло от злости.

– Иди домой, – сказал он.

– Хорошо, – ответила она.

Она вышла и захлопнула дверь. Я видел, как она уходила. Ни разу не обернулась.

– Женщины, как собаки, – сказал Хулио, – необходимо только стукнуть их два или три раза. Он рассмеялся. Надавил на газ. «Я ведь прав, парни? Прав?» <...>

<...> – Генри, ты помнишь свою клятву?

Я пытался собраться с мыслями.

– Да, конечно.

– Никогда не проклинать меня.

– Да.

– Никогда не покидать меня.

– Да!

Все вокруг успокоилось. Её нервозность вызывала во мне зуд.

– Я не хочу выходить за него замуж.

– Тогда не делай этого, – закричал я радостно. – Будь со мной! Не об этом ли я думал совсем недавно в публичном доме? *Пора повзростеть.*

– Я не могу, – еле слышно сказала она.

– Милая, кого это волнует? Кому дело, что мы брат с сестрой? В Калифорнии об этом даже никто знать не будет.

– Генри, выслушай меня, пожалуйста. Я не могу.

– Я люблю тебя, – сказал я.

Она скрестила руки на животе, наклонилась вперёд и сказала: «Я беременна».

– Что-о?, – рассмеялся я.

– Я беременна от Хулио, и ребёнок скоро родится <...>.

<...> Мне стало трудно дышать.

– Нет.

Я представил, как он копался в ней.

– Пожалуйста, поговори со мной.

– Уходи.

– Ты единственный, кто знает обо мне всё.

– Убирайся отсюда.

– Разве ты не видишь? – умоляла она, – неважно, что...что у меня было с ним, – рыдала она. – Мое сердце всегда останется с тобой.

– Твоё сердце.

– Я знаю, где ты был сегодня вечером, – сказала она. – Я знаю, что ты делал. *Это не имеет никакого значения.* Ничто не может повлиять на наши чувства.

Она приблизилась ко мне. Положила руку мне на лицо. Открыла рот, вздохнула. Я чувствовал, она собиралась сказать что-то ещё, что-то худшее.

– Я сегодня видел только одну проститутку, – прошептал я.

Она почернела. Замолчала. Посмотрела поверх моего плеча на стену. Затем поднялась.

Моя рука онемела, когда я потянулся к ней, едва коснувшись её пальцами.

– Я не это имел в виду.

– Спокойной ночи, – сказала она.

Звук её шагов тихо раздавался в темноте её дома. Я услышал, как она поднялась наверх и осторожно произнесла: «Папа, про-

снись. Папа! Мне надо поговорить с тобой».

– Нет, – сказал я и выбежал из комнаты, спотыкаясь на лестнице.

Раздался рев Гарсиа: «Ты *что?*» Страшная хлёткая пощечина обрушилась на неё в тот момент, когда я бежал наверх. Она безвольно отступила к стене. Собралась с силами, улыбнулась нам и ушла к себе, замкнув комнату на ключ.

Гарсиа стоял в грязных кальсонах, тяжело дышал. Лицо его было бледным. Труссы грустно свисали на побеждённых бедрах. Тётушка причитала у себя в комнате. Комната Кристины оставалась тёмной и молчаливой. Я спустился вниз <...>.

<...> КОГДА Я ПРОСНУЛСЯ, небо было хмурым. На краю кровати сидел Панчито. «Ну и ночка», – сказал он. Я улыбнулся, но губы были разбиты. Я поморщился.

– Отец назначил на сегодня свадьбу. Об этом сообщат в газете. Он наклонился ко мне. Имеются возражения?

– Нет.

– А ты хорошо выглядишь, – отметил он.

– Не смей меня. У меня всё болит.

– Поехали, Генри, – сказал он.

– В смысле?

– Уедем отсюда.

– Уедем?

Он показал ключи от машины.

– Я имею в виду *уедем*.

– Украдем машину?

Он кивнул.

– Прочь?

– Я не могу здесь больше оставаться, – сказал он. Все это меня достало.

– Ты шутишь.

– Ты хочешь остаться и посмотреть, как она выйдет за него замуж?

Он был прав.

– Но мы не можем просто взять и украсть машину, – сопротивлялся я.

– Пре-пре, – ответил он.

Он помог мне добраться до душа. Когда полилась вода, он сказал: «Я велел девочкам собрать наши вещи. Все ещё спят после

вчерашнего потрясения. Они не проснутся ещё несколько часов».

Выходя из душа, я спросил: «Она простит меня?»

Он пожал плечами.

– Любовь прощает. Простишь ли ты себя?

Я хотел спеть ей что-нибудь на прощание, дотронуться до её желанного тела, почитать ей стихи. Я хотел стать поэтом и писать ей сонеты.

– Я несчастен, – сказал Панчо.

– Я тоже.

– Мне жаль.

– И мне.

Я натянул брюки. Рубашка, подаренная Кристиной, лежала на кровати. Я набросил её на свои ноющие от боли ребра. Глубоко вдохнул её запах. Зелёная ящерица хотела сказать мне что-то и прошипела в углу три раза. Панчито вздохнул.

– Я уезжаю, – сказал я.

– Да. Я тоже.

Мы загрузили вещи в машину. Колонки всё также были привязаны к крыше автомобиля. Это будет незабываемым зрелищем, когда мы ворвемся в мёртвые пески на севере, и наши колонки разнесут мощный звук на всю округу. На улице стоял сумрак жемчужного цвета, было прохладно. Ветер, идущий с реки, наполнял воздух арбузным ароматом, а где-то вдалеке пересмешник бранился на солнце. Панчито вошёл в дом, а я сел в машину и провёл рукой по рубашке. В кармане было спрятано её письмо.

Генри,

Я бы хотела всю свою жизнь ощущать вкус твоих губ на своих губах. Я бы хотела всю свою жизнь засыпать и просыпаться рядом с тобой. Я бы хотела, чтобы ты увёз меня подальше от людей, которые довольствуются слишком малым.

Ты бы хотел, чтобы я уехала с тобой?

Спасибо, что приехал. Я не могу выйти за тебя замуж. О, Генри. Я буду рыдать у алтаря в день свадьбы, но не от счастья. И не просто от воспоминаний. Я буду оплакивать нашу любовь, потому что мы проведём остаток жизни вдали друг от друга. Ты подарил мне стихи.

Я уже скучаю по тебе. Прощай.

К.

Тогда я ещё не знал, что больше никогда её не увижу. Всё, что я знал, так это то, что небо сверкало красным на востоке. Панчито прыгнул в машину, вставил ключи в замок зажигания, похлопал меня по колену и сказал: «Я уеду с тобой, но я не стану спать с тобой». Заголосили петухи. На земле лежали опавшие листья, а финиковые пальмы раскачивались на ветру. Мы тронулись с места. Я обернулся, смотря на дверь. Он сказал: «Давай сделаем это, как полагается». Включил магнитола и прибавил громкость до упора. Битлз. «Back in the USSR».

Рев двигателя и голос Пола. Мы набирали скорость и разгоняли собак.

И вдруг мне показалось, что я увидел её, в белом платье, как раз за секунду до того, как мы свернули за холм и поехали по направлению к шоссе. Она, казалось, стояла в дверях и была готова побежать за нами вслед. Но мы были уже далеко и уносились по дороге вдоль кладбища, вдоль моря на север навстречу первым проблескам зари.

(Luis Alberto Urrea *Six Kinds of Sky* – a collection of short fiction. Cinco Puntos Press, 2002).



Ашот Сагратян

О переводе и толковании пословиц и поговорок

Если принять за основу понятие: клетка живого слова множит себя делением смысла, становится ясным и весь спектр тем, поднимаемых на любой конференции по проблемам художественного перевода. Допуская остроту дебатов, полагаю, что по совокупности поднятых тем проявится она, скорее всего, при обсуждении аспектов, имеющих взаимопроникающий характер, поскольку каждые четверть века литературный язык претерпевает известные изменения: выходят из обращения одни слова и понятийные ряды, на смену им приходят другие, порождённые новыми временами и нравами, материализованными как минимум в двух генерациях, кои и являются потребителями современного языка.

Во все времена жанровые особенности подвигают переводчика работать внутри заданной формы, соблюдая тональность и ритмографию. К примеру, псалмы, как накопители духовной энергии, выстраивают свою интонационную структуру, спираль развития темы. Сплетаюсь и спрягаясь, они создают единый свод песнопений, этакую азбуку сопричастности Троице... Особенно ярко выражено это в «шараканах», духовных песнопениях армян, принявших христианство в 301 году новой эры. Всем известное устойчивое словосочетание – «цавыт танем», в быту переводимое как «возьму твою боль», при глубоком прочтении его означает нечто иное: святитель армян Григорий, из язычников, уверовав в учение Христа, сострадав Ему и разделяя с ним боль, выдохнул, пав на колени перед Распятым: «приму муки Твоя!». В этом, по моему глубокому убеждению, одна из тайн в подходах к переводу текстов евангельского содержания. То же с актом бурного выражения восторга по случаю удачи у ближнего, поздравлением типа «ачкыт луйс». Дословно переводят его как «глазам твоим свет!». Однако, вписывается оно лишь в рамки оборота «да будет свет очам твоим!» или «да преисполнятся глаза твои радости!» Здесь то ли радость – синоним света, то ли свет – синоним радости.

В этой связи о переводном тексте можно говорить как о художественном объекте, где можно наблюдать *истечение времени*.

Теперь о переводе пословиц и поговорок.

Ворочаясь в недрах армянской речи, обнаружил я, что в ряде случаев исконный смысл многих пословиц и поговорок следует искать в понятийных пластах традиций и обычаев. Так, если в русском языке бытует «сытый голодного не разумеет», то в перефразировке с армянского та же поучительная мысль звучит несколько иначе – «сытый голодному мелко крошит». Налицо элемент бытового садизма. А разбирая, скажем, выражение – «яйцо укравший милым чадом, проснётся завтра конокрадом», мы подтягиваем его до уровня восприятия русских пословиц и поговорок, конструируя смысловой перевод по образу и подобию построения оных в русском языке. Порочная практика *подзамены* национального своеобразия устойчивым *элементом похожести* приводит к тому, что совершенно чёткий образ – «змеей напуганный, шарахнется верёвки» превращается в нечто схожее – «обжегшись на молоке, дуют на воду». Теряет в глазах иноязычного читателя национальная литература, равно как не обогащается орнаментальным мышлением, к примеру, литература русская. Данный подход даёт ответ и на вопрос о соотносённости объёмов переводного текста с оригиналом, выявляя аспекты интерпретации, исключая необходимость в подробных комментариях и намекая на соотношение синонимических рядов, поскольку сокращения семантического толка имеют место уже в самом процессе осмысления образа, в момент проникновения в его суть.

Что до узнаваемости авторского стиля, то его нам в полной мере демонстрирует пунктуация, «морзянка» которой выдаёт синтаксические запасы прочности эрудиции автора во всём многообразии ассоциаций по интонированию текста.

Но вернёмся к обозначенной теме.

По В. Далю, «пословица – краткое изречение, поучение более в виде притчи, иносказанья или в виде житейского приговора. Пословица есть соль языка, народной речи, не сочиняется, а рождается сама в виде житейского приговора. Это ходячий ум народа; она переходит в поговорку или простой оборот речи и сама о себе говорит: Пословица не даром молвится. Пословица не на ветер молвится. На пословицу, что на дурака, и суда нет. Пословицы не обойти, не объехать. Добрая пословица не в бровь, а в глаз. От пословицы не уйдёшь. Хороша пословица в лад да в масть. Пословица плодуща и живуща. Пословицами на базаре не торгуют. Не всякое слово пословица».

Что до поговорки, то «она есть слух, молва. Складная, короткая речь, ходячая в народе, но не составляющая полной пословицы. Услов-

ный оборот речи. Слово или речение, которое приговаривают кстати и некстати».

В 1960 году в Ереване Институт литературы им. М. Абегяна АН Армянской ССР издал фундаментальный труд А. Т. Ганалаяна «Армянские пословицы» в 400 страниц с комментариями, вобравший в себя как варианты их по областям исторической Армении собранные, так и различия, в зависимости от характера и обычаев, укоренившихся в различных говорах. Не имея возможности представить весь спектр этого жанра народного творчества, мы остановились на примерах, так или иначе дающих представление о многообразии прочтений и толкований. Цель разысканий А. Т. Ганалаяна – дать собирательный образ народа, типа его мышления в створе картин социального неравенства, так или иначе влиявших на психический склад ума нации.

Многогранный подход к исследованию пластов народной жизни подвёл к мысли, что пословицы и поговорки моего народа в переводе на русский должны быть облечены в хрестоматийные формы, уже устоявшихся в русском фольклоре. Посему трактовки и толкования мои сродни характеру обработки народных сказок, выполненных в разные эпохи подлинными мастерами слова.

Подстрочник

Перевод

Чем тяжелее у осла ноша, тем он идёт быстрее.

Чем тяжелей поклажа у осла, тем шибче он шагает до села.

Самый хороший гость тот, кто вовремя уходит.

Хорош тот гость, кто в горле не кость.

Право есть, а закона нет.

При праве беззаконие царит.

Один умирает от обжорства, другой – от работы.

Кто от обжорства тихо мрёт, кого работы губит гнёт.

Откуда зиме знать, что у бедняка дров нет.

Откуда ведать вьюге, что нету дров в лачуге.

Бедняка многие учат уморазуму, а хлеба никто не подаст.

К бедам бедных люди глухи: не подаст никто краюхи.

Лучше умереть, чем нищенствовать.

Чем всю жизнь побираться, лучше с жизнью расстаться.

Бедняка бедняк поймёт

Бедняка поймёт не всяк, разве

что другой бедняк.

Кто ест хлеб бедняка, тот не насытится.

Не отъешь бока на хлебе бедняка.

Бедняк нуждается в хлебе, а богатый – во всём.

О хлебе насущном печётся бедняк, богатому всё достаётся и так.

Хлеб голодному – что пирог.

Кто вконец изголодался, хлеб тому пирогом показался.

Один день на чужбине равен одному году.

День на чужбине – что год: душу дерёт.

Дочку богатого в жёны взять трудно, а содержать – легко.

Дочери нищего мигом добьёшься, да содержать надорвёшься.

Сытый старается голодному мельче крошить.

Кто отъел себе бока, не утешит бедняка.

Лучше не иметь денег, чем не иметь души.

Лучше жить на гроши, чем прожить без души.

У кого деньги есть, у того ума нет, у кого ум есть – денег нет.

Кто при деньгах, тому б занять ума, кто при уме – тому б деньжонок тьма.

Хочешь иметь деньги, дырявого кошелька не держи.

Права пословица – в дырявом кошельке деньга не водится.

Осла, купленного по цене огурцов, найдёшь когда-нибудь утонувшим.

Осла, что куплен был за грош, в канаве где-нибудь найдёшь.

У говорящего правду должна быть лошадь наготове и одна нога в стремях.

Кто волен правду говорить во времени, тому одной ногою быти в стремях.

У лжеца дом сгорел – никто не поверил.

Что дом сгорел у лжеца, не поверил никто до конца.

Тот, кто посмел украсть яйцо, украдёт и коня.

Кто яйцо украсть сумел, увести и лошадь смел.

Мастер художественного слова Сурен Кочарян говорил мне, что ещё в 1939 году для своей концертной программы извлёк он из сжатого нравоучения «Тот, кто посмел украсть яйцо, украдёт и коня» – кто яйцо украл вчера, лошадь стырит со двора – в рифмованную по звукописи строку – дзу **гохацохы дзи эл кыгохана** – новесную притчу:

«Жили-были в небольшом селенье мать и сын.

Мальш подрастал.

Как-то раз принёс он матери яйцо.

– Где взял?

– Из-под соседской курицы.

– Молодец, – сказала мать, и приласкала сыночка.

Прошло немного времени и любимец матери принёс в дом курицу.

– Где взял?

– Она гуляла одна, вот я и прихватил...

– Да ты у меня совсем большой! – одобрила мать поступок сына.

Загордился подросток и вскоре притащил в дом ягнёнка.

– Если так пойдёт, вскоре мы из нищеты вылезем!

Окрылённый материнской похвалой, привёл в другой раз овцу...

Потом сын пропал.

Слух прошёл по селу, что на краже коня парень попался в дальнем селе.

А там вешать собрались вора.

– Есть у тебя последнее желание?

– Есть, – сказал сын той женщины, – позовите сюда мою мать, – хочу поцеловать её перед смертью.

Послали за матерью вора. Припал сын к губам матери и откусил ей язык...»

Таков опыт великого чтеца-декламатора Сурена Кочаряна по выявлению пространственности образа, развивающегося во времени.

Пока правда приспееет, ложь *Пока правда проснётся, ложью*
весь свет проглотит. *свет захлебнётся.*

Говорит такую чушь, что да- *От чепухи, что он несёт, осёл и*
же осёл в стойле орёт. *тот в хлеву ревёт.*

Пока родники не иссякнут, цену воде не узнают.	<i>Цена на воду не взлетит, пока родник её струит.</i>
Вода дорогу сама найдёт.	<i>Вода порыщет-порыщет, дорогу себе отыщет.</i>
Град бьёт и по полю правед- ника, и по полю грешника.	<i>И поле грешника, и праведника поле у града в воле.</i>
Волк меняет шерсть, но не характер.	<i>Волк хоть и линяет, да нрава не меняет.</i>
Ум не в возрасте, а в голове.	<i>Не в возрасте ум, а в наличии дум.</i>
Лучше быть слепым на глаза, чем умом.	<i>Лучше быть незрячим, чем ниче- го не значить.</i>
На верёвке глупца в яму не спускайся.	<i>У глупца на поводу будешь на свою беду.</i>
Ум даётся природой, его не купить.	<i>Не старайся, толтосум: от природы в людях ум.</i>
Поручи дураку дело, так он тебе больше дел нагородит.	<i>Приставил к делу дурака – раз- гребай за ним века...</i>
Без глупца умному не про- жить.	<i>Умный правит в веках только при дураках.</i>
Есть люди, у которых и у родника воды не выпросишь.	<i>У иных, наверняка, не выпро- сишь и воды у родника.</i>
Потерял мельницу – ищет жернова.	<i>Утратив мельницу, скулит по жерновам.</i>
Умный зайца и телегой пой- мает.	<i>Зайца умный, сколь тот ни бе- гай, отловит и телегой.</i>
Ловкий вор и хозяина дома в воровстве уличит.	<i>Смекалистый вор даже хозяина дома уличит в краже.</i>
Не всякий, кто ходит в чёр- ном – священник.	<i>Не всяк, кто в чёрное одет, служения дал Господу обет.</i>
Разоряет всё лиса, а кивают все на волка.	<i>Лиса разоряет хозяйства без меры, да только в разбойниках</i>

значится серый.

Кому приводилось побираться, тот знает, как горчит жизнь. *Кто на чёрствой вырос корке, знает жизни привкус горький.*

Злые языки острее кинжала. *Злого слова жало пострашней кинжала.*

Сладкий язык и змею из норы выманит. *Льстивой речи елей выманит из нор и змей.*

Истоки афоризмов, как и крылатость слов и выражений искать, прежде всего, следует в недрах народных пословиц и поговорок. А для лучшего запоминания, они народом ещё и рифмуются. Так, семантический перевод игры слов *Ес – «ага», ду – «ага» агу агун ов ага?! таков:*

Я себе хозяин-барин, ты – себе хозяин-барин, кто тогда муки намелет да засыплет в наши лари?!

И подобных оборотов, а нередко и изворотов речи, берущих начало в корневой основе пословиц и поговорок, немало. Так, в роковые тридцатые, в пору повальных арестов и расстрелов, по Еревану ходила зловещая поговорка:

(Гнаци ЧеКа – эка-эка, чэка-чэка)

В дословном переводе звучит это так:

((Я) пошёл в ЧК, приду – приду, а не приду – так не приду.

А понимать следует, видимо, как:

Он в ЧК ведёт, мой след: либо буду, либо нет.

В этом буду кроется смысл двоякий: вернусь и... буду ли жив?!.

Не я первым взялся за доходчивый и достойный во всех отношениях перевод пословиц и поговорок армянского народа на русский. В 60-х годах прошлого века сотрудник издательства «Восточная литература» Г. О. Карапетян составил и оставил нам свой – ознакомительный – вариант их подачи. Отдавая должное энтузиазму предшественника своего, искренне сожалею, что ему не хватило жизни – подобраться к составляющим образности в одном из занимательнейших жанров в нашем фольклоре.

Значимость проблемы передачи национального своеобразия осознал я, ещё учась в Литинституте. Отдав искусству, осязаемому пульсом, более полувека, заниматься художественным переводом пословиц и поговорок, как гимнастикой для пытливого ума, полагаю делом перспективным. Опираясь на позитивный опыт предшественников, мы лишь множим возможности лучшего узнавания друг друга.

На подступах к Шекспиру...
(Из книги «Введение в опыт перевода»¹)

<...> Отдавая себе отчёт в том, что переводить Шекспира – все равно, что стоять «у бездны на краю», осознаём в полной мере, что относится это не только к трагедиям, но и к сонетам. 66-ой сонет та же трагедия, но в 14 строках. Принцип этого сонета – нагнетание признаков, при которых человеку лучше умереть, чем жить. Концовка – вспышка, оправдание жизни во имя Друга.

Нередко перевод этого сонета (а их много, и, надеюсь, будет больше) напоминает стенание по мысли. Иных заносит за пределы перевода в иное качество. Жанр (а мы позволим эта именовать жанром) «В духе 66-го сонета», «Подражание Шекспиру», «На полях Шекспира» (здесь и полях душевных ристалищ, битв и сражений) – выводит непосредственно на мысль, что в переводе имеют место Драма и Трагедия Преодоления! Драма – в личном плане, Трагедия – в общественном сознании. Здесь Преодоление рассматривается как жанр психической энергии. Сопряжение – с бегом времени, ходом истории, развитием событий... Предосудительная правда. Безоправдательная ложь. Впечатление такое, что Вечный Дух, витая, сам себя сотворял в любом облике и обличье.

Было «Моление о чаше» и у нас. И нас не обошло стороной желание причаститься к силе, которую даёт сам факт осязания значимости 66-го... Начав работать над ним в 1957-ом, приводим версию «прочтения» 66 сонета Уильяма Шекспира в 1992 году.

Сонет 66

Избыто всё ... Мне видится конец
Того, что – суть понятия невинность,
Где подлой безнаказанности чинность –
Достоинства поруганный венец.

Всё зрит душа – и девичий позор,
И мир глумлений безо всякой меры.
Познавший, как смешны порой химеры,
Вкус горькой боли впитывает взор.

¹ А. Сагратян. Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом. Школа переводчика. М.: Грааль, 2001, СС. 76–77.

Как странно знать: бессилье силу жрёт,
Ничтожество опять балами правит,
Немотой изумлений скован рот
И вдохновенья всплеск боится яви.

Увечен мир... Пульс задохнуться вправо...
Мы втянуты в земной круговорот.

По причине субъективной настроенности природы переводчику следует выбирать произведения, гармонизирующие с его духом. Главное – соблюсти благородную простоту и несравненное изящество авторского слога. С языка сердца на язык сердца переводится качество крови той красоты, которую углядит переводчик в творении, именуемом подлинник. Лишь совместив верность подлиннику со свободой поэтического воссоздания, возможно подойти к переводу, который известен профессионалам как образец работы «стих-в-стих». Из русских поэтов едва ли не одному А. И. Полежаеву удалось достичь в переводах с французского совершенства: равносильную технику и одинаковую с подлинником мощь выражения. Констатировал божий дар Полежаева переводить стихами даже строгий критик Белинский. С Полежаевым в русскую словесность вошёл Виктор Гюго (*Les Orientales*). Порою Пушкину и Лермонтову такое не удавалось...<...>.

Цыпилма Дылыкова

«Осень» Пушкина – на латыни...

Андрей Куряшкин, автор поэтического перевода отрывков из стихотворения А. С. Пушкина «Осень», не только с интересом самостоятельно изучает латинский язык, но и занимается переводом поэтов-классиков (А. Пушкин, Ю. Лермонтов, А. Блок и др.)¹ на латынь.

Известное произведение Пушкина «Осень» написано в 1833 году. Осень – его любимое время года, поэтому поэт описывал «унылую пору, очей очарованье» с необычайной убедительностью и эмоциональностью. Андрею Куряшкину предстояло не только передать главную мысль и настроение оригинала, но и, самое главное, сохранить неповторимый колорит в описании осенней природы. Переводчику, на наш взгляд, удалось достаточно точно отобразить при переводе незабываемые

¹ С другими переводами А. Куряшкина можно ознакомиться на странице “Linguaeterna” (<http://linguaeterna.com>bibl/lentus-trans-ru.php>).

мые впечатления поэта, его чувства: «прощальная краса (*adeuns ornatus*), природы увяданье (*naturae languor*), редкий солнца луч (*sol rarius*)».

Стоит обратить внимание и на своеобразную рифмовку «Осени», сохранённую переводчиком. Рассмотрим более подробно известную строфу стихотворения:

VII.

Унылая пора! Очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса?
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,
В их сенях ветра шум и свежее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

O maestum tempus, venustatem oculorum!
Iucundus mihi tuus adeuns ornatus.
Naturae delector magnifico languore.
Amoenus lucus auratus purpuratus.
In ramis stridula flatura flat frigore,
In caelo fluit fumus nubibus undatus,
Sol rarius, priores iam gelationes,
Remota etiam hieme minationes.

Подстрочный перевод

О, унылое время, привлекательность очей!
Приятна мне твоя уходящая краса.
Природы восхищаюсь роскошным увяданьем.
Прелестный лес в золотом и пурпурном одеянии.
На ветвях шумящее дуновение (ветра) веет свежестью,
На небе клубится пар туманом встревоженный,
Свет солнца реже, первые уже морозы,
Отдалённые также зимы угрозы.

Так, 1-ая, 3-я и 5-я строчки строфы оригинала рифмуются между собой («очарованье», «увяданье», «дыханье»); вторая – с 4-ой и 6-ой («краса», «леса», «небеса»); последние две – друг с другом («морозы», «угрозы»). Такая последовательность проведена через всё произведе-

ние. Стихотворение Пушкина представлено отдельными строфами, по восемь стихов в каждой. Переводчику удалось сохранить эту удивительную особенность рифмовки оригинала: 1-ая, 3-я, 5-я строчки – «*oculorum*», «*languore*», «*frigore*»; 4-я, 6-я – «*ornatus*», «*purpuratus*», «*undatus*»; 7-я и 8-я – «*gelationes*», «*minationes*», что в целом придаёт переводу цельный и законченный характер.

Очевидно, что переводчик также не забывает и про элемент персонализации в четвёртой строчке оригинала: «В багрец и в золото одетые леса» – «*Amoenus lucus auratus purpuratus*» (Прелестный лес в золотом и пурпурном одеянии).

Представляется, что определённую сложность при переводе могло вызвать в пятой строчке сочетание «в их сенях». Устаревшему слову «сень» в значении «то, что покрывает, укрывает кого-что-н.» не представляется возможным найти точный синоним в латыни. Тем не менее, переводчику удалось подобрать слово «*ramus*» («ветвь, ветка, сук; дерево или куст; листва») в какой-то степени выражающее образность и ёмкость данной строчки оригинала, а также способствующее сохранению приёма аллитерации для описания шума ветра: «В их сенях ветра шум и свежее дыханье» (*In ramis stridula flatura flat frigore*).

Жаль, что переводчик не счёл необходимым интерпретировать XII строфу оригинала:

Плывет. Куда ж нам плыть?

Стихотворение заканчивается вопросом, передающим размышления поэта над окружающей его действительностью, что придаёт произведению философский смысл: «Громада двинулась и рассекает волны (*Et moles movitur, infindit undas proga*)... Плывёт. Куда ж нам плыть?..»

Создание поэтического текста, соответствующего оригиналу по смыслу, форме и своим художественным свойствам, в котором используются все элементы, характерные для стихотворного произведения, включая рифму, требует мастерства и определённой смелости переводчика. В связи с этим попытка А. Куряшкина вместить в стихотворную форму латинского языка исходный смысл, идею замечательного шедевра русской классики, представляется интересной, вполне удавшейся и заслуживающей внимания.

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ



Мы продолжаем публикацию статей из книг «Провинциальная археология»¹ д-ра исторических наук, проф. ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского Михаила Васильевича Константинова и «Строкой и памятью отмечено...»² забайкальского исследователя, «народного академика» Виктора Федоровича Балабанова в переводе на английский и немецкий языки.

Михаил Константинов

Находки на Аргуни
(из книги «Провинциальная археология»)

Перевод на английский Ольги Ушниковой

Discoveries on the Argun

On our way the driver was looking at me suspiciously. His uneasiness was understandable. The boarder was close by, just a stone's throw away, and a stranger had asked him for a lift to the place where there was no living soul around...

I got out of the car when sandy blown-out ditches came in sight hoping to find there some antiquities. The place – a break up leading to the Argun – was suitable for this, and the ditches allowed examining the top soil layer without any excavations. However, there was nothing in the first ditch. The same picture was in the second, in the third, in the fifth ones. I was thinking about coming back to Kailastuy when I found some bones jumbled with the semi-decayed wood pieces in one of the ditches. Everything resembled a human interment disturbed by someone. When did it date back? Contemplating that I came across a clay vessel protruding from under the sand. Only its bottom part had preserved. This vessel was followed by another one. It easily fitted in the palm, reminding of a vase. As well as the first vessel it was hand made. And though there was still some doubt as to the age of the discoveries, somewhere deep in my soul I felt that the answer was near. And so it proved. Next to the vessels I found the

¹ М. В. Константинов. Провинциальная археология. Чита, 2008. – 296 с.

² В. Ф. Балабанов. Строкой и памятью отмечено... Чита, 2007. – 316 с.

remains of another burial. There were bones, a vessel, bits fragments and some melted off iron pieces there. Only then it dawned upon me that the first interment I had seen was obviously ancient. It was not difficult to verify that. Just one step further and it seemed as if the sun had become brighter and the steppe had turned wider and freer. The last doubts disappeared: in front of me, at the place, where there should have been a somewhere vanished scull of the buried, there was a pike – the most demonstrative evidence, a real antiquity “passport”. I knelt and started to clear the sand away. Two more pikes fell into my hands at once: an iron and a bone ones. A small bead flashed in the sand. Then there appeared a fairly melted iron overlay from the quiver. The finds were topped up with a buckle, stirrups, bits, and a bone button. The departed was paid last tribute to with some mutton pieces; there was a black vessel at his headboard. Away from the burial there was a fine metallic cup, allowing a glimpse of the silver through the green of the oxide. It all was once kept inside the rectangular case-coffin, placed parallel to the Argun. Taking out the bones – archeologists take them along with other things – I pulled out from under the sand large well preserved bits of silk cloth. They were greenish with an intricate variegated pattern. It was easy to guess that these bits were the remains of a magnificent robe. But who was its owner? A noble warrior, a noion, or perhaps a chief of the guards, protecting the Shaft Genghis Khan. The only thing clear was that I saw the remains of an ancient Mongol, one of those who shouldered the supremacy of cruel and powerful Genghis Khan and his direct descendants.

...I was coming back with the same driver. I showed him the pikes, pots and other finds, told about the Mongolian palaces of the long ago and craft centers in Priargunie, and he admitted in confidence that he had been thinking of reporting about a stranger to the frontier post. We parted friends.

This time there were three of us: I and two students-historians – Slava Misharin and Nadya Subbotina. On the way to the ditches we managed to pick up several pebbles and slivers that meant there was a Stone Age settlement somewhere near. But we didn't linger on there. The very ditches where the day before I had been lucky to discover one more burial were waiting for us. And yesterday's impressions were to be confirmed...

Our knives carefully touched the sand. Grain after grain, not to remove or damage anything. The bones were damp and very fragile. Even the birch bark lying under the scull had better preserved. It served as a pillow. Two rosettes which might have been suspended from the headwear

were found. There was an earring next to the scull reminding of a tiny saxophone in its shape. “Now! If only to find ...” Slava didn’t have time to finish. A large bronze object appeared from under the sand. Well, a mirror! It was not the one customary to us; it was a bronze disc ten centimeters in diameter. The mirror surface had oxidized and you couldn’t see yourself there. But when polished it reflected the image fairly well. The underside was adorned with a bas-relief depicting a rural life sketch: some sheep grazing on the meadow and three people in typically Mongolian long robes nearby. One of them was most probably a shepherd; a woman was recognizable in another figurine. She seemed to be holding something in her hands. Maybe it was some food for the man. The third man completed this composition. He was standing near a long-eared animal – a donkey was easily discernible. Above that peaceful idyllic picture there was a tree of life, a blossoming apple tree branch. For noble Mongolian beauties such a mirror was a first-necessity item.

There we also found a comb, which was lying under the mirror. The comb was wooden, of an original semicircular shape. And there was one more object under it. It was iron, greatly damaged. We had been examining it for a long time. And finally we identified it as ... scissors.

This burial gladdened our hearts with one more find – between the bones of the right hand and a plank sarcophagus wall there stood a small greenish cup. As well as the mirror it was covered with the silk cloth. The cup resembled much the one lying near the warrior interment. That all suggested some sort of connection between the two burials, the latter undoubtedly belonging to a woman.

...At night in the little house where our student team lived it was joyful and noisy. All the finds were displayed on the table. There the students scrutinized them carefully, cleaned them off the soil, stuck the pieces together, wiped them. The guys who had been at the excavation site were explaining and showing the finds; the freshmen, having just entered the university, were puzzled at the antiquity and elegance of the objects, took good note of the happening and asked our seasoned innumerable questions. And there could be no doubt that many of them became the captives of the science engaged in studying the depths of unrecorded time and jokingly called “the history spade”.

And what about those two vessels standing separately, one of which reminded of a vase? The burial where they were found (it went deep down the ditch wall and we didn’t notice it at first) differed from the rest. As if wishing to underline its independence, it wasn’t located parallel to the riv-

er as the neighboring Mongolian ones, but at an angle of about 90° to it, with the headboard northward. The sarcophagus, a stranger's final abode, was different as well: a hollowed out of the tree block served as the coffin. All that seemed to indicate that before us there was a representative of some community differing from the Mongolian of the XII-XIV centuries. But which one? The fragments of the two iron knives and a gilded glass bead, retrieved from the block, did not answer that question. But then the vessels were very similar to the ones found in the so called burkhotuiskiy barrows.

There is such a hollow on the Onon – Burkhotuy. There in 1950 an academician A. P. Okladnikov happened to discover the burials, which did not differ in the least from the Mongolian and Turkic on the outside. They were small, two-three meters in diameter, built out of rocks tumuli. But the stock of these tumuli was very peculiar. Among the pikes the bone ones prevailed, and the iron pikes were found rarely; that metal seemed to have been uncustomary yet. There were some vessels familiar to us there. Okladnikov dated back these burials to the II – III centuries AD and ascribed them to the Mongols' immediate ancestors.

In the history of the burkhotuitsy there is still much to be learned. And one of the summands of the unknown is their settling territories. At first marked only on the Onon, they were later allocated on the Shilka and the Ingoda. And now the burkhotuitsy appear to be found on the Argun.

The plane had already taken off, houses and streets of the settlement flashed under its wing, the patches of the fields and tillage were floating by below. The Shaft Genghis Khan came in sight. With its festive bright green color it stood out against the background of the pallid autumn steppe. Actually it was not the color of the shaft proper, but the ditch along it. With time it had been choked up, the soil there had become thicker than around, and the grass had grown brighter and denser. However it was all known before. We were interested in something else. There had to be ancient settlements along the shaft. And we saw them – two at once. From the air they seemed to be located near each other. A clear cut rectangular shape, reinforced around by two ramparts – everything was as in the archeological aerial surveys manuals. That sent a pang to my heart. I was longing to get down, to those still unknown ancient settlements. I wanted once again to get up to my neck in antiquity. But the plane was inexorably flying ahead, retaining the hope of coming back to the Argun at a later date. See you soon, the Argun!

Виктор Балабанов

Гантимур
(из книги «Строкой и памятью отмечено...»)

Перевод на английский Елены Букиной

Gantimur

The ruling prince of the local Tungus tribe wandered along the Nercha, Shilka and Uzulga rivers in the 17th–18th centuries.

Russians met him and his tribesmen in the middle of the 17th century. The tribe numbered 300 people and was one of the largest native families at that time.

When in 1653 a Russian squad led by Maxim Stepanov Urazov arrived at the Nercha and built a small fort near its estuary Prince Gantimur paid them the first tribute of valuable sables.

It was the time when the first dispute between them came about. Urazov made the Prince an offer to become an *amanat* (a hostage who could ensure allegiance of the tribe to the conqueror) but the Prince flatly refused the offer. A military unit commander Peter Beketov who arrived on the Nercha in 1654 to build Bolshoi Ostrog (Big Fort) made efforts, too, to persuade Gantimur to accept the proposal but they came to nothing as well.

Persistent demands to become an *amanat* took the opposite effect: Gantimur abandoned his camp and led his tribe to another river.

Later, Prince Gantimur's military tribesmen managed to force away the Russians from the Nercha without taking up open struggle with them. They trampled and burnt their harvest of ripe wheat so that Beketov and his people had to leave the Nercha, drift down the Shilka and the Amur to join Onufri Stepanov's squad.

Since that time up to the year of 1667, the Russians had not heard anything about Gantimur.

It is known that while Gantimur wandered about the territory the Chinese emperor Khan-Si made an attempt to bring him into bondage. But the Prince who valued liberty most did not yield to the pressure and retreated to the native lands around the Nercha River. There, eventually, he swore his allegiance to Russia. Gantimur also summoned his relation Bokoi, a tribe patriarch, and the latter pledged his allegiance to Russia as well.

Ever since, whenever the Russians made contacts with the Chinese, the controversy about Gantimur came to light. The Chinese emperor demanded that Gantimur be placed under his rule. In answer to this demands the Russian envoy in China N. G. Spafari (1675–1678) argued: “The following protest lodged I to this claim: the code of rights of any people on the face of the earth has it that the man and his kin who happen to be born on the land which is the dominion of a certain ruler must be the subject to this ruler, him and his tribe as well. Gantimur and his forefathers came into the world on the Nercha River thence to this land and its ruler belong ...”

Gantimur himself used to say that he would take his own life rather than give himself to Kansu (the name used by Russians to refer to Khan-Si).

N. G. Spafari gave characteristic to Gantimur, the only one ever known. “This very Gantimur is the best of Your Grand Highness’ subject Tunguses, a great man of courage, a giant by the look of him who has nine wives and his children number more than thirty. They are well-armed all but his daughters and his troops count more than three hundred people, all in military outfit and with spears. He dwells on the borderline in the Nerchinsk fort”.

The Nerchinsk *voivode*¹ received the tsar decree which ran that Gantimur should be escorted to Moscow.

In 1683, Ignati Milovanov, a boyar’s son, set about the task of conducting aging Peter Gantimur and his son Pavel to the capital so as to introduce them to the tsar but the Tungus prince did not bear the long way and died on the way there. The tsar was gracious to Pavel who had been safely accompanied to Moscow. Called Pavel Gantimurov since that time he and his son Chukulai (Vasili) were bestowed the titles of Russian princes. They were allotted the lands along the Shilka, the Ingoda and its tributary the Urulga. At the estuary of the latter the camping ground of the Prince was laid down.

When the Nerchinsk treaty – the first treaty with China – was being negotiated in 1689 the Chinese stirred up the dispute about Gantimur again demanding that he be given into the hands of the Chinese emperor Khan-Si. To ensure safety of the Gantimurs family the Russians proposed that he should go back to his farther lands. The theory that Gantimur’s troops fought around Nerchinsk at that time is nothing else than a fancy tale. In “Stateiny List of F. A. Golovin’s Embassy” it is stated clearly enough that Gantimur and his tribe resided on his farthest camping-ground situated to the north of Nerchinsk.

¹ Slavic term meaning ‘garrison commander’

Researches have to gather information about Gantimur's family literally bit by bit. To my knowledge, a complete and comprehensive essay about him is non-existent. Isolated facts of his biography are scattered over the reports of the Nerchinsk voivodes that date back to the 17th century and were published in "Historic Acts" and "Addendum to Historic Acts".

The details of Gantimur's family tree can be traced in the registry of the Nerchinsk voivodes, which remains deposited in the State Archive of the Chita Region. There they are sitting intact waiting for their future researchers.

**Иргень – место святое издревле
Тайны святого озера**

Перевод на английский Татьяны Сухановой

**Lake Irgen Has Long Been a Sacred Place
Secrets of the Sacred Lake**

Lake Irgen is the only place in Transbaikalia which has long been known as a holy place for the people of Transbaikal region, thus it has been a pilgrimage shrine from times immemorial. From the second half of the 17th century rumors about the holy lake have been travelling fast both within Transbaikal region and well beyond it.

In their brochures "In Memory of Irgen" and "Irgen is a Holy Place", archimandrites Pavel and Yefrem tell the story of Irgen, as well as popular legends which have been cherished by the local families year in year out. Archimandrite Yefrem specifies that "only those data and stories were subject for publication which had been submitted by the local old residents whose religious and moral standing had never been questioned. Historical considerations were also reckoned with".

It is doubtful if the Irgen Ostrog has ever been a reality. And though Lake Irgen was not mentioned as a holy place within the church boundaries from the year of 1653 through 1726, legends have it a lot of palmers from both nearby and quite remote places found their way to the lake never making distinction between either religious beliefs or nationalities. There public prayers and icon-bearing processions towards the waters of the lake were held. "Not only Orthodox Christians were walking there, but also old-believers, Buddhists-lamaists and shamans were not uncommon on the pathways leading to Lake Irgen. Especially crowded the place looked after the Week of All Saints and on the Ninth Friday", recalls Archi-

mandrite Yefrem.

During public prayers and other church services one could observe quite an unusual sight: an Orthodox believer from Siberia saying his prayers and crossing himself next to an old-believer “vigorously making the sign of the cross with two fingers”, and a Buddhist counting his beads while whispering “om-mani-padmehum”, and a shamanist “reverently taking his palm-to-palm hands to his forehead”.

Amazing totality of worship and ancience of tradition makes one wonder at the reason of the reverence. Why did Lake Irgen draw religious people like a magnet? What was this “holy” place famous for?

Evidently, local legends kept up stories about unusual phenomena and miraculous signs that had taken place in the immediate vicinity of the lake. There in the 50s of the 17th century voivode Afanasiy Pashkov tortured to death Orthodox warriors Simeon, Kiprian, Iosif and Vassily with their druzhina (comrades-in-arms of the medieval Russian princes). Their burial place is said to be somewhere close to the lake. A miracle-working icon named after a revered great woman martyr Paraskeva Pyatnitsa has always been held sacred there. Lake Irgen is famed as holy land aspersed with blood and sufferings of Orthodox martyrs who suffered for their faith and piety and also as a place shrouded by the great woman martyr Paraskeva Pyatnitsa and hallowed by some special signs of God’s divine grace. There were no more places of the kind in Transbaikalia.

In 1861 the first Orthodox antipagan ecclesiastical mission, also known as Daurskaya mission, was established, it was located in Posolsky monastery near Lake Baikal. One of its goals was to spread Christian religion among yasachnye people (people of Siberia and the Far East who were made to pay a tax – yasak - in the form of natural products). To christen the indigenous people of Transbaikalia Bishop Veniamin, Head of Transbaikalian Ecclesiastical mission of the time, established the first ten missionary stations during the period from 1862 till 1868. Irgensky Stan (Station), founded in 1866, was one of them. Before that time, in the first half of the 17th century, there used to be “a monastery residence” or “Monastery” there which part of Uspensky Monastery near Nerchinsk. I. G. Gmelin, a researcher of that time, stayed there for a while.

In the early 17th century the Holy Synod forbade religious pilgrimage to Lake Irgen, but the prohibition was of no avail. According to Archimandrite Yefrem “a great number of people used come to Irgen either on foot or by horses.”

Irgensky Stan was made up of a small church and a house for a missionary and a psalmist. There was also a dilapidated wooden chapel to

mark the burial place of the warriors Simeon, Kiprian, Iosif and Vassily. Hiermonach Gerasim, later promoted to Hegumen, did a lot to transform a common wooden house into a chapel. According to Archimandrite Yefrem: “The house was moved by the villagers of Shaksha located near Lake Shaksha to the shore of Lake Irgen, for this they had to cover 17 versts (old Russian measure of distance equal to 1.6 km). Legend has it that Metropolitan Arseny lived in this house during the reign of Empress Anna Ioannovna (17th century) and Biron’s time. He had been exiled and then was sent back after his case had been reconsidered. His burial place was in a town cemetery in Verchneudinsk”. Thus the house was not chosen randomly and then moved to Lake Irgen thanks to the believers’ efforts. It was done because a high-ranking churchman had lived there sending his prayers to God.

For a long time the chapel towered above the grave of the tortured warriors and in 1862 it was converted into a church. In written documents it is referred to as ‘the old church’. But in 1877 on the day of the Annunciation of the Blessed Virgin the church was burned down while the revered remains of the warriors were not touched by the fire. A new small church was then built to replace the one that had been destroyed by fire in honor of the saints whose names happened to bear the warriors Simeon, Kiprian and Iosif. The warriors might be not only Christians but old-believers too. It can somehow account for the fact that both Orthodox believers and old-believers worshipped these shrines.

Later by June 12, 1881 “a big wooden church with a stone foundation had been built in the name of The Holy Sign and other saints” which was often referred to as the cathedral.

Что же значит слово «Чита»?

Перевод на немецкий Ирины Бобровой

Was bedeutet das Wort „Tschita“?

Viele, hoffe ich, möchten auf diese Frage eine konkrete Antwort hören. Aber, wie sich herausstellt, können wir mit voller Glaubwürdigkeit nur sagen, warum unser Gebietszentrum so heißt. Es wird so bezeichnet, weil es am Ufer des Flusses Tschita liegt, den man oft sogar in den offiziellen Dokumenten Tschitinka nennt.

Aber was bedeutet das Wort „Tschita“ selbst, was ist sein Sinn? Und gerade er bleibt rätselhaft. Viele interessierte die Deutungsfrage dieses

Wortes. Aber je mehr Menschen versuchen, das zu machen, desto mehr verschiedene Deutungen erscheinen.

Im vorigen Jahrhundert erklärte der Gebietsforscher M. A. Sensinow den Ursprung dieses Wortes von der orotschonsker Bezeichnung der Birkenborke oder vom, aus der Birkenrinde gemachten Teppich. 1958 äußerte G. T. Wassilewitsch und später auch W.G. Izgatschow den Gedanken, dass der Name vom ewenkijsker Wort „tschata“ oder „tschatala“ stammte, was „Ton“ heißt. Aber mit diesem Wort nennen Ewenken Uferschlamm, Steinkohle und glühende Kohlen. Im Jahre 1962 schrieb N.G. Kirjuchin darüber, dass die Bezeichnung von einem ewenkischen Namen stammte und dabei erwähnte er Tschita, der an den Ufern des Flusses Tschita als Nomade umherzog .

1966 äußerte der Autor W.A. Nikonow in seinem „Kleinen Ortsnamenwörterbuch“ eine Vermutung, dass der Name aber vielleicht von dem niwchsker „tsch`ity“ – „Brunnen“ abstammen könnte?

Aber alle diese Meinungen haben eine Reihe von Nachteilen (ausführlicher darüber: Sammelband „Probleme der Gebietskunde“, Herausgabe 3. Tschita, 1968), der wichtigste darunter ist der, dass diese Meinungen auf Vermutungen basieren und sich nicht durch konkrete historische Tatsachen begründen lassen.

Und die Tatsachen – die manchmal als Beweis angeblich angeführt werden, halten keiner Kritik stand.

In Zusammenhang mit der Mitteilung des sowjetischen Archeologen L.R. Kylassow darüber, dass „Transbaikalien an den Flüssen Selenga, Tschikoi und anderen bis an den Fluss Onon“ die altertümliche Heimat von Uiguren ist, erscheint auch die Meinung vom Autor dieser Zeilen. Ujgurisches „tschyt“ heißt „Behausung“, „befestigte Siedlung“. In der Tuvinsker Autonomen Republik findet man – z.B. die Ruinen der uigurischen Befestigungen mit den Namen „Tschaata“.

In den Ortsnamen (der Toponomastik) der Urbewohner der Region gab es eine Besonderheit. In erster Linie wurde der eine oder der andere Name – einem Berg oder einer Gruppe von naheliegenden Bergen (aber nicht einer Gebirgskette) gegeben. Den Flüssen, die diesen Bergen entspringen, wurde gewöhnlich der gleiche Name gegeben, den der Berg oder die Gruppe von Bergen trug. Und nur in den Fällen, als der Name eine spätere Abänderung erfuhr, konnte man diese Besonderheit nicht beobachten. Hier lässt sich folgende Regel formulieren: der Mensch gibt einen Namen dem Berg; vom Berg übergeht er zum Fluss, und wenn man dazu auch eine russische toponomastische Besonderheit hinzufügt, könnte man sagen: vom Fluss übergeht der Name zur Siedlung.

Und jetzt sehen Sie auf die Übersichtskarte des Oberlaufs des Flusses Tschita sehen. Der Fluss entspringt dem Berg, der im Ausläufer der Gebirgskette Jablonowyj liegt. Das Jablonowyj Gebirge ist hier die Wasserscheide der Ingoda und des Witims. Auf diesem Berg oder auf der Gruppe von naheliegenden Bergen (d.h. das Gebirge, dem der Fluss entspringt), aber von der nordwestlichen Seite, liegt eine der Quellen des Flusses Jumurtschen (der rechte Nebenfluss des Witims). Diese Quelle nennt man Tschitnak.

Das alles führt zum Gedanken, dass die Grundlage für den Namensursprung im Oberlauf des Flusses Tschita oder der Tschitnak zu suchen ist. Ob die Uiguren an dem Witim oder im Wasserbecken der Ingoda gewohnt haben? Auf diese Frage antworten örtliche Archäologen verneinend.

Wie Sie sehen, bleibt der Name unseres Gebietszentrums bis heute auch so rätselhaft, wie der Name unserer Hauptstadt – Moskau.

Путешествия через Читу

Перевод на немецкий Торстена Веллера

Reise durch Tschita

Im 18. Jahrhundert verschlug es nicht wenige ausländische und russische Forschungsreisende nach Transbaikalien. Alle kamen dabei durch den Tschitaer Ostrog, von wo sie weiter mit Flößen auf den Flüssen Ingoda und Schilka bis Charamangut (das heutige Darrasun), Nertschinsk, Sretensk und über die Mündung des Flusses Argun bis nach Nertschinskij Savod fuhren. Nach Beendigung ihrer Tour kamen sie erneut durch den Tschitaer Ostrog. Selbst der Schriftsteller Steven Defoe schickte seinen Helden Robinson Crusoe die Schilka und den Ingoda flussaufwärts bis zum Dorf Ploty [dt.: Flöße] (oder Плотбище [dt.: Flößerstelle]), wie Tschita ursprünglich genannt wurde.

Durch den Tschitaer Ostrog reisten damals berühmte Forschungsreisende wie Daniel Gottlieb Messerschmidt, Gerhard Friedrich Müller, Johann Georg Gmelin, Stephan Petrowitsch Krascheninnikow, Benedict Franz Johann von Herrmann (?), Peter Simon Pallas, Nikita Petrowitsch Sokolow, Johann Gottlieb Georgi, Eric Gustav Laxman und Eugène Louis Melchior Patrin. Jeder von ihnen verfasste eine Beschreibung oder Bemerkung über Tschita und seine Umgebung.

Messerschmidt, der nach einer Rundreise durch Transbaikalien dort erneut Station machte, wurde Zeuge des Erdbebens vom 25 Januar 1725. Zudem

schrieb der Wissenschaftler, dass die Länge des Ingoda nach damaliger Rechnung „6 Tagesreisen“ misst.

Im Jahre 1735 machte eine von Müller und Gmelin geleitete Forschungsexpedition in Tschita Station. Unter den Teilnehmern befanden sich die damaligen Studenten Krascheninnikow, A. Gorlanow, W. Tretjakow, I. Jachontow. Die Studenten reisten entlang verschiedener Routen und präsentierten Müller ihre Beobachtungen: Jachontow – „Reise von Selenginsk bis nach Nertschinsk“; Gorlanow – „Reise mit der Kutsche von Nertschinsk bis zur Tschitaer Siedlung“. Krascheninnikow beschrieb die Ingoda und die Ufersiedlungen unterhalb Tschitas. Über die Flussläufe nahe der Mündung schrieb er, dass sich dort acht Wohnhäuser nahe des Ostrogs und eine dem Erzengel Michael geweihte Kirche befunden hätten. Benedict Franz Johann von Hermann veröffentlichte nach seiner Reise durch Transbaikalien sein dreibändiges Werk „Traktat über die sibirischen Bergwerke und Fabriken“ (1797–1801). Die Landschaft Dauriens und seiner Berge – schrieb Hermann – erinnere ihn an einen Boden, auf dem man ein Fass Äpfel ausgeschüttet habe.

Im Jahr 1772 gelangten Pallas, Sokolow und Georgi nach Tschita. Der Moskauer Hauptstraße folgend, auf der sich zwischen Udinsk und Tschita mehr als 20 Siedlungen und Poststationen befanden, schrieb Pallas: „Ich setzte meine Reise bis Tschita fort, vorbei am großen See Kenon bis zum Dorf Zasopotschnij, das sich sechs Werst flussaufwärts von Tschita am Ingoda befindet, wo wir Rast machten, um uns für die Weiterfahrt Brot zu backen.“

Für Pallas und seine Gefährten wurde auf dem Fluss Tschita ein Floss gebaut, und „am 13. Mai wurden unsere Gespanne bei Zasopotschnij aufs Floß verfrachtet ... mit dem wir flussabwärts durch den Tschitaer Ostrog führen und in die Ingoda einmündeten.“ Auf der Ingoda reist er weiter bis Charamangut (Darrasun) und fährt von dort weiter bis zum Onon. Pallas war der Ansicht, dass der Name des Jablonowygebirges vom Jablena-Daban-Pass (begehrter Gebirgspass) und kritisierte die, welche meinten, der Name stamme von der Vielzahl Steinformationen, angeblich „Äpfel“ genannt, (russ. Jabloka) oder von wildwachsenden Apfelbäumen.

Auch der wenig bekannte Eugène Louis Melchior Patrin gelangte nach Tschita. Auf Pallas Empfehlung wurde er zum Mitglied der Expedition nach Kolymkien und Tschukotka ernannt. Aufgrund gesundheitlicher Beschwerden konnte er nicht an der gesamten Expedition teilnehmen und schaffte es 1785 nur bis Transbaikalien.

Nachdem er nach Frankreich zurückgekehrt war, veröffentlichte er auf Französisch einige Artikel über Daurien. Insbesondere war er einer der ersten, die über die Transbaikaler Lagerstätte wundersamer Steine berichtete, die sich als Halbedelsteine herausstellen sollten. 1795 schrieb er darüber seine „Oryktographie“, in der er einen wesentlichen Teil Daurien widmete. Er meinte, das unter der Bezeichnung Daurien bekannte Gebiet umfasse den Großteil der Region östlich des Baikals bis zum Pazifischen Ozean, das von Russland während des 17. Jahrhunderts annektiert wurde. Transbaikalien, also der Teil Dauriens, der sich vom Baikal bis zum Argun erstreckt, sei eine Landmasse, die durch uralte Gesteinsschichten verbunden werde. Später, in den Arbeiten Wladimir Afanassjewitsch Obrutschews, wurde es der „Urwirbel Asiens“ genannt. Allerdings umfasste es dann schon ein deutlicher kleineres Territorium als von Patrin beschrieben.

Patrin befuhr die Ingoda, die Schilka und den Argun. Nach Patrins Ansicht musste vor der Entstehung der Flussläufe dort ein bedeutendes Bassin existiert haben. Aus der Tatsache, dass je weiter flussabwärts, also je weiter nach Osten, man auf der Ingoda und der Schilka fuhr, desto größere Mengen an Flussschotter hatten sich angesammelt, zog er den Schluss, dass das Urbassin von Osten nach Westen strömte.

Im 17. Jahrhundert, besonders in der zweiten Hälfte, erschienen über Daurien viele Artikel auf französischer und deutscher Sprache, die so nicht oder nur teilweise ins Russische übersetzt wurden. Dazu gehört auch die Arbeit Eugène Louis Melchior Patrins.



**Посвящается
200-летию Отечественной войны 1812 года
185-летию с момента прибытия декабристов в Читинский острог**

«Мы были дети 1812 года. Принести в жертву всё, даже самую жизнь, ради любви к отечеству было сердечным побуждением. Наши чувства были чужды эгоизма». (М. И. Муравьев-Апостол, декабрист)

Людмила Эмирзиади

**Две ипостаси Сергея Волконского – героя
Отечественной войны 1812 года**

В 2012 году исполняется 200 лет со времён Отечественной войны 1812 года, принесшей славу русскому оружию и доказавшей миру непобедимость русского духа. Герои 1812 года навечно вписаны золотыми буквами в историю государства российского и составляют честь и славу, гордость и мужество русского народа.

Одним из таких героев является декабрист Сергей Григорьевич Волконский (1788–1865), отбывавший ссылку в Читинском остроге, единственный генерал действительной службы, принявший непосредственное участие в движении декабристов. С. Г. Волконский был аристократом, происходил из старинного рода Черниговских князей, принадлежал к древнему роду Рюриковичей, был в родстве со знатными фамилиями русских дворян и даже царей. Князь являлся масоном, членом нескольких масонских лож. Был богатым помещиком и землевладельцем: имел во владении более 20 тысяч крестьян, 10 тысяч десятин земли в Таврической губернии и хутор под Одессой.

С. Г. Волконский сделал блестящую военную карьеру. Он был записан в армию в 1796 году, когда ему едва минуло 8 лет, и его действительная военная карьера началась в 1805 году в возрасте 17 лет в чине поручика кавалергардского полка, а в 24 года за боевые заслуги он был удостоен звания генерал-майора. Блиста-

тельный офицер Сергей Волконский особо отличился во время войны против наполеоновской армии в 1806–1807 г.г., а также в турецкую кампанию 1810–1811 г.г., получив золотую шпагу за храбрость и став флигель-адъютантом царя Александра I. Затем участвовал в Отечественной войне 1812 года и заграничных походах 1813–1815 г.г. По окончании войн, в 1816 году, Сергей Волконский был назначен командиром бригады 2-й уланской дивизии. Перед 28-летним князем, генералом свиты Его Величества, открывались неограниченные возможности сделать головокружительную придворную, дипломатическую или военную карьеру.

Однако судьба приготовила ему крутой поворот, разделив его жизнь на «до» и «после». Судьбой ему было предначертано прожить как бы две жизни: жизнь прославленного генерала, героя наполеоновских войн, светского повесы и жизнь ссыльного каторжника, государственного преступника и изгоя. Блеск и нищета, высший свет и дно человеческого существования, княжеский дворец и подземный рудник, золотая шпага и мотыга в руках закованного в кандалы осуждённого революционера. Такой вот яркий контраст, две стороны одной жизни, две ипостаси: военная и гражданская, две полярно противоположные жизненные колеи.

Сознательная жизнь Сергея Волконского началась как военный подвиг, как героическая эпопея прославленного воина. Его портрет, исполненный с натуры в 1823 году художником Джорджем Доу, и сегодня занимает почётное место в Военной Галерее Зимнего Дворца государственного Эрмитажа. Ему довелось участвовать в 58 крупных сражениях (что, пожалуй, достойно современной книги рекордов Гиннеса), он награждён многими русскими и иностранными боевыми орденами. Не могу позволить себе не перечислить эти заслуженные боевые награды: Орден св. Анны 1-й и 2-й степени с алмазными знаками, орден св. Владимира 3-й и 4-й степени с бантом, орден св. Георгия 4-го класса; прусские награды: Pour le Merite и Красного орла 2-й степени, австрийский орден Леопольда, шведский Военный орден Меча, гессен-кассельский Военный орден Заслуг, золотой знак за Прейсиш-Эйлау, где был ранен; Золотая шпага с алмазами с надписью «За храбрость»; являлся владельцем наградного золотого оружия и двух медалей в память об Отечественной войне 1812 года.

Современники вспоминали, что, вернувшись с войны в столицу, Сергей Волконский не снимал в публичных местах плаща.

При этом он «скромно» говорил: «Солнце прячет в облака лучи свои». Грудь его буквально горела орденами. В своих знаменитых мемуарах, «Записках», Сергей Григорьевич вспоминает: «Приехав одним из первых, воротившихся из армии при блистательной карьере служебной, ибо из чина ротмистра гвардейского немного выше двух лет я был уже генералом с лентой и весь увешанный крестами, и могу без хвастовства сказать, что с явными заслугами, в высшем обществе я был принят радушно, скажу даже отлично». Петербургский высший свет восхищался им, родители гордились. Его отец, сам в прошлом прославленный генерал от кавалерии, вельможа и крупный чиновник, член Государственного совета, князь Григорий Семенович Волконский (1742–1824), уважительно называл его: «герой наш князь Сергей Григорьевич». Перед молодым генералом открывались блестящие карьерные возможности.

Не менее важным в сравнении с его военным подвигом, является его последующий гражданский подвиг, за который он, правда, не получил наград и званий, а напротив, был лишён заслуженно полученных в предыдущие годы. В 1819 г. С. Волконский вступил в заговор декабристов, с 1820 г. он являлся членом Союза Благоденствия, а с 1821 г. становится активным участником Южного общества, руководителем его Каменской управы. Тогда он открыл для себя, что существует «иная колея действий и убеждений», нежели та, по которой он до этого времени шёл, он считал, что «вступил на благородную стезю деятельности гражданской», – пишет Волконский в своих «Записках». «Я понял, что преданность отечеству должна меня вывести из душного и бесцветного быта ревнителя шагистики и угоднического царедворничества», «с этого времени началась для меня новая жизнь, я вступил в неё с гордым чувством убеждения и долга уже не верноподданного, а гражданина и с твёрдым намерением исполнить во что бы то ни стало мой долг исключительно по любви к отечеству», – читают потомки в его мемуарах.

По словам самого Сергея Григорьевича, своими вольнодумскими и либеральными мыслями он проникся во время заграничных походов, в Германии, а затем в конце 1814, начале 1815 г. в Париже и Лондоне. В кругу его общения оказались Мадам де Сталь¹, Бенжамен Констан², члены английской оппозиции. В по-

¹ Мадам де Сталь, Анна Луиза Жермена де Сталь (1766–1817) – французская писательница, предстательница французского романтизма 19 века. (Прим. пер.).

слевоенной Европе либеральные идеи были столь широко распространены, что мало кто из молодых русских офицеров не сочувствовал им.

Вместе с тем он укрепился в мысли, что «... к отечеству любовь не в одной военной славе, а должна бы иметь целью поставить Россию в гражданственности на уровень с Европою». Волконский был сторонником «Русской правды» П. И. Пестеля¹. Он «... согласился как на введение республиканского правления, так и на истребление всех особ императорской фамилии», но «... без увлечений, ввергнувших Францию в бездну безначалия» во времена Великой Французской буржуазной революции 1789 года. Очевидно, что именно по этой причине он отказывался от решительных действий по отношению к царствующей особе: не арестовал Александра I в 1823 г. во время смотра войск в Бобруйске и не поднял на восстание 14 декабря 1825 г. дивизию, которой командовал. На тот момент он был командиром 1-й бригады 19-й пехотной дивизии 2-й армии.

И, несмотря на то, что 14 декабря 1825 года С. Г. Волконский лично не был замечен ни на Сенатской площади, ни даже в Петербурге, царём Николаем I был подписан приказ об его аресте 25.12.1825 г. Волконский был арестован 05.01.1826 г., доставлен из Умани в Петербург 14.01.1826 г. В тот же день был допрошен Николаем I, и в ночь на 15-е января был заточён в Петропавловскую крепость Алексеевского рavelина. Комендант крепости генерал Сукин получил при этом собственноручную записку царя об условиях содержания арестованного: «Присылаемого кн. С. Волконского посадить или в Алексеевский рavelин, или где удобно, но так, чтобы о приводе его было неизвестно. С.-П. 14.1.1826 г.». В глазах императора Николая I князь Волконский заслужил репутацию «набитого дурака», «лжеца» и «подлеца».

² Констан де Ребек Бенжамен Анри (1767–1830) – французский писатель и публицист, представитель психологической исповедальной литературы во французском романтизме 19 века. (Прим. пер.).

¹ Пестель Павел Иванович (1793–1826) – полковник, командир Вятского пехотного полка. Воспитанник Пажеского корпуса. Участник Отечественной войны 1812 г., Бородинского сражения, где был ранен; заграничных походов 1813–1814 гг. награждён золотым оружием с надписью «За храбрость», а также орденами Владимира IV степени с бантом и Анны II класса, австрийским орденом Леопольда III степени, баденским Карла-Фридриха и прусским «За заслуги». Член «Союза спасения» и «Союза Благоденствия», член и директор Южного общества, автор «Русской правды». Идеальный вожь наиболее революционно настроенных декабристов. Отличался выдающимся умом, твёрдой волей, разносторонним образованием, прекрасными организаторскими способностями. Поставленный вне рядов, повешен 13/26 июля 1826 г. на кронверке Петропавловской крепости. (Прим. пер.).

С. Г. Волконского осудили по 1-му разряду, 10 июня 1826 года он был приговорён к «отсечению головы», но по Высочайшей конфирмации от 10 июля 1826 года смертный приговор был заменён на 20 лет каторжных работ и бессрочное поселение в Сибири. 22 августа 1826 года срок был сокращён до 15 лет, а в 1832 году – до 10 лет. По приговору суда князь был лишён чинов, орденов и дворянства. Ни мать осуждённого, дочь фельдмаршала князя Николая Васильевича Репнина, статс-дама, обергофмейстерина трёх императриц, кавалерственная дама ордена Святой Екатерины первой степени, княгиня Александра Николаевна Волконская (1756–1834), ни многочисленные влиятельные родственники ничего не смогли сделать для облегчения его участи. Практически до самого конца следствия они не знали, сохранит ли государь-император жизнь генералу-преступнику.

Безусловно, родные и близкие были потрясены жестоким приговором Сергею Волконскому. Однако все они исполнили Высочайшее повеление – и быстро утешились. Тем более, что по случаю коронации Николая I Александра Николаевна Волконская получила бриллиантовые знаки ордена Святой Екатерины. Получили награды и были обласканы царской милостью и её сыновья: князь Репнин¹ стал кавалером ордена Святого Александра Невского с алмазами, а находящийся в «бессрочном отпуске» Никита Волконский – кавалером ордена Святой Анны 1-й степени. В свете долго циркулировали слухи о том, что «княгиня Волконская... допустила хладнокровно отправить сына в каторжную работу и даже танцевала с самим государём на другой день после приговора». Впрочем, были и другие суждения: статс-дама «решилась не покидать своей должности при дворе, чтоб не раздражить императора, и надеялась, оставаясь при нём, улучшить удобную минуту, чтоб испросить прощения виновного».

Сам Сергей Григорьевич воспринял приговор спокойно. По словам его будущего товарища по сибирскому изгнанию А. Е. Розена², в момент совершения обряда гражданской казни

¹ Репнин-Волконский Николай Григорьевич (1778–1845) и Никита Григорьевич Волконский (1781–1841) – родные братья С. Г. Волконского.

² Розен Андрей Евгеньевич (1799–1884) – барон, поручик лейб-гвардии Финляндского полка. Участник восстания на Сенатской площади. Осуждён по V разряду. В тюрьмах Читы и Петровского Завода с 1827 по 1832 г. На поселении – в кургане с женой, которая делила с ним годы каторги, последовала за мужем в Сибирь и на Кавказ. С 1837 г. – рядовой Кавказского отдельного корпуса. В 1839 г. по болезни уволен в отставку. Жил под надзором полиции в Эстляндии близ Нарвы, затем у сына в Харьковской губернии, где и умер. Был мировым посредником. Автор «Записок».

князь Волконский был «особенно бодр и разговорчив». Видимо, бывший генерал тогда плохо себе представлял, что его ждёт. Через 10 дней после оглашения приговора он уже был отправлен к месту отбытия наказания. Полностью он осознал все произошедшее, только прибыв на каторгу: сначала в Николаевский солеваренный завод, а потом – в Благодатский рудник, входивший в состав Нерчинского горного завода.

Волконский был отправлен в Сибирь 23.07.1826 г. закованным в кандалы. Описание его внешних примет на момент отправки по этапу было следующим: «рост 2 аршина 8 1/4 вершков, лицом чист, глаза серые, лицо и нос продолговатые, волосы на голове и бровях тёмнорусые, на бороде светлые, имеет усы, корпусу среднего, на правой ноге в берце имеет рану от пули (битва при Прейсиш-Эйлау – Л. Э.), зубы носит накладные при одном натуральном переднем верхнем зубе».

Условия, в которых оказался Волконский на каторге, были на самом деле крайне тяжелыми. Для декабристов, бывших офицеров, в основном, молодых, здоровых мужчин, тяжелы были даже не сами работы в руднике. Просто условия жизни были унижительными, быт осуждённых был организован таким образом, чтобы полностью уничтожить их человеческое достоинство.

Каторжная жизнь сразу же подорвала здоровье и психику многих декабристов: у Волконского началась глубокая депрессия, сопровождавшаяся острыми нервными расстройствами. Бодрость и разговорчивость его быстро прошли, не возникало и желания выделиться из общей массы каторжников. «При производстве работ был послушен, характер показывает тихий, ничего противного не говорит, часто бывает задумчив и печален», – так характеризовало государственного преступника тюремное начальство.

В сибирский период жизни С. Г. Волконский известен, прежде всего, как «муж своей жены», княгини Марии Николаевны Волконской (урождённой Раевской), которая одной из первых последовала за ним в Сибирь, отказавшись от многих привилегий знатного происхождения и даже от собственного сына Николеньки. О трагической судьбе мальчика мы писали в статье: «Я не исчез в бездонной мгле...» в № 5 (2005 г.) журнала «Переводчик». Мария Волконская была дочерью героя Отечественной войны 1812 года

генерала от кавалерии, Николая Николаевича Раевского¹. Недаром Н. Н. Раевский, со всей суровостью человека военной дисциплины пытавшийся удержать дочь от поездки в Сибирь, сказал перед смертью, указывая на её портрет: «Это самая удивительная женщина, которую я знал». Удивительной женщиной считал её и А. С. Пушкин и воспел в прелестных стихах. (См. «Переводчик» № 7, 2007). Ею восхищался Н. А. Некрасов и посвятил этой русской женщине проникновенные поэтические строки. (См. «Переводчик» № 10, 2010).

Мария Николаевна Раевская стала женой Сергея Григорьевича Волконского в 19 лет, ему на тот момент было уже 36, он был почти вдвое старше её. До свадьбы она практически не знала будущего мужа и согласилась на брак только по настоянию отца. После свадьбы Волконские почти не жили вместе: дела службы и тайного общества заставляли князя надолго оставлять молодую жену.

В январе 1826 г., за 5 дней до ареста Волконского, Мария Николаевна родила сына Николая. Роды были трудными, и родные, опасаясь за её здоровье, долго скрывали от неё истинное положение дел с её мужем. Однако, узнав правду, Мария Волконская решила разделить с мужем каторгу и ссылку. И, несмотря на протесты отца и матери, в ноябре 1826 года она уже была в Благодатском руднике.

Когда она приехала, Сергею Григорьевичу стало немного лучше, но лишь на некоторое время. Вскоре после приезда Мария Волконская сообщала родным мужа, что он пребывает в нервном расстройстве и изрядно обессилен. Он постоянно сосредоточен в себе, проявляет полную покорность и чувство религиозного раскаяния. Декабрист С. Н. Чернов вспоминал в своё время: «...мучительные переживания несчастного Волконского приобретают религиозный оттенок. Он мог бы искать утешения в религии, в беседе со священником, в церковной службе. Но как раз здесь он ничего, по-видимому, не может получить». Должность тюремного священника в Благодатском руднике была, скорее всего, просто не предусмотрена.

¹ Раевский Николай Николаевич (1771–1829) – генерал от кавалерии, во время Отечественной войны 1812 года – командир 7 корпуса 2-й Западной армии. Дашковка – местечко, где 23.07.1812 г. корпусу Раевского пришлось сдерживать 10-часовой натиск одной из дивизий армии Наполеона. Батарея Раевского навсегда вошла в учебники по истории Отечественной войны 1812 г. (Прим. пер.).

В сентябре 1827 г. предстоял перевод ссыльных на новое место каторги, в Читинский острог, а болезнь Волконского к тому времени сильно обострилась, и на неё обратило внимание тюремное начальство. Он оказался «...более всех похudevшим и довольно слабым». В дорогу ему было позволено взять с собой спиртное, которое должно было заменить лекарство, поскольку по пути следования невозможно было рассчитывать хоть на какую-то медицинскую помощь.

29 сентября 1827 г. Волконский вместе со своими товарищами прибывает на новое место каторги – в Читинский острог. Тюремное начальство и режим содержания заключённых здесь были более гуманными: узники получили многие послабления и могли ежедневно встречаться с женами. Здоровье заключённого Волконского быстро восстановилось, а вместе с ним восстановились прежние привычки и черты характера, а также появились новые заботы и увлечения. Дело в том, что во дворе острога был небольшой огород, и Волконский впервые увлекся огородничеством. В некоторых письмах М. Н. Волконской, в частности, в одном из тех, что предлагаются Вашему вниманию в этом номере журнала, говорится об этом новом увлечении Сергея Григорьевича. Также из писем мы узнали о том, что родственники и знакомые из Петербурга и Москвы присылали посылки с семенами, которые воспринимались в этом далёком и заснеженном краю как величайшая драгоценность.

В Петровском Заводе, новой тюрьме, куда декабристов перевели из Читы в сентябре 1830 г., условия были ещё более благоприятными: преступников не заставляли ходить на работы, те из них, у кого были семьи, могли жить в остроге вместе с женами. У Волконских в Петровском заводе родилось двое детей – сын Михаил и дочь Елена. Жизнь наполнилась новым смыслом и приобрела более стабильный характер. Волконский по-прежнему занимался сельским хозяйством. Он охотно делился приобретёнными навыками с местными крестьянами. По Сибири стала распространяться слава о необыкновенных растениях, овощах и фруктах, которые он выращивал в своих парниках и огородах.

В 1834 г. умерла мать Волконского. После смерти в её бумагах нашли письмо с предсмертной просьбой к императору – простить сына. Последовал царский указ об освобождении Сергея

Григорьевича, и 2 года он жил в Петровском Заводе на положении ссыльнопоселенца.

В дальнейшем высочайшим указом от 02.08.1836 г. было разрешено перевести семью Волконских на поселение в село Урик Иркутской губернии, в 18 верстах от Иркутска, куда они прибыли 26.03.1837 года. Мария Николаевна добивается для себя и детей разрешения жить в Иркутске, чтобы иметь возможность обучать сына Михаила в Иркутской гимназии. В 1845 г. получает позволение жить в Иркутске и сам Волконский, однако этим правом он практически не пользуется. Он по-прежнему живет в Урике, усиленно занимается хлебопашеством и земледелием, лишь изредка навещая семью в Иркутске. После окончания каторжного срока он получил большой участок земли, и все силы отдал его обработке. С жаром принимается он за расчистку и обработку полученных 15 десятин целины. Труды его оказались совсем не напрасными. Урожайи были хорошими, и вскоре это позволило ему отказаться от материальной помощи родных. «Труд есть доброе дело,— отмечал Волконский в одном из писем,— в особенности, когда даёт способ обеспечить свой быт и способствует быть полезным и другим». Известно, что к концу своего пребывания в Сибири ссыльнопоселенец Сергей Волконский собственным трудом собрал приличное состояние, и снова сумел твёрдо встать на ноги и обеспечить независимое существование, а также самореализоваться. Однако это сильно изменило его личность. Сын иркутского купца Н. А. Белоголовый, знавший семью Волконских, будучи ребёнком, и написавший впоследствии труд под названием: «Из воспоминаний сибиряка о декабристах», пишет: *«Попав в Сибирь, он как-то резко порвал связь со своим блестящим и знатным прошедшим, преобразился в хлопотливого и практического хозяина и именно опростился, как это принято называть нынче. С товарищами своими он хотя и был дружен, но в их кругу бывал редко, а больше водил дружбу с крестьянами; летом пропадал целыми днями на работах в поле, а зимой его любимым времяпрепровождением в городе было посещение базара, где он встречал много приятелей среди подгородных крестьян и любил с ними потолковать по душам об их нуждах и ходе хозяйства».*

Отзывчивый и чуткий, С. Г. Волконский всегда находил время и средства помогать как товарищам по ссылке, так и местным жителям. Он организовал материальную поддержку неимущим то-

варищам и дружил с местными крестьянами, оказывая им медицинскую и иную помощь. По свидетельству его сына Михаила, он был «ближе к рабочему люду, это была, можно сказать, его слабость; он входил в подробности занятий крестьян, их хозяйства и даже семейной жизни; они обращались к нему за советом, за медицинскими пособиями, за содействием».

М. Н. Волконская же, напротив, *«была дама совсем светская, любила общество и развлечения и сумела сделать из своего дома главный центр иркутской общественной жизни»*. В окружавшем Волконскую светском обществе её муж очень быстро приобрел репутацию «чудака» и «оригинала»: *«Знавшие его горожане немало шокировались, когда, проходя в воскресенье от обедни по базару, видели, как князь, примостившись на облучке мужицкой телеги с наваленными хлебными мешками, ведёт живой разговор с обступившими его мужиками, завтракая тут же вместе с ними краюхой серой пшеничной булки»*. *«В салоне жены Волконский нередко появлялся запачканный дёгтем или с клочками сена на платье и в своей окладистой бороде, надушенной ароматами скотного двора или тому подобными несалонными запахами»*, *«вообще в обществе он представлял оригинальное явление, хотя был очень образован, говорил по-французски, как француз, сильно грассируя, был очень добр и с нами, детьми, всегда мил и ласков»*, — вспоминает Н. Е. Белоголовый.

Ещё в бытность жизни семьи Волконских в Урике, а затем в Иркутске заметно было, что отношения в семье Волконских становились всё хуже. Брак дал трещину, проявились и разница в возрасте, и разница характеров и взглядов на жизнь. Причин было достаточно много. Современники и историки едины в том, что, разделив изгнание мужа, Мария Волконская совершила «подвиг любви бескорыстной». Полностью отрешившись от светской жизни, бросив родителей и ребёнка, который умер через 2 года, разделив изгнание своего мужа, она выполнила свой долг самопожертвования, она видела в себе «божество, ангела-хранителя и утешителя» для своего мужа. И обрекла себя на жертву во имя мужа «как Христос для людей». Скорее всего, как считают исследователи, юная и пылкая М. Н. Волконская вряд ли имела хоть какое-то представление о том, куда она ехала, на что обрекала себя, что ждёт её в глухом сибирском краю.

Многие декабристы, например, Д. И. Завалишин и историки подтверждают невыгодные для Марии Николаевны слухи о её жизни в Сибири на поселении. Утверждают, что даже сын и дочь её не являются детьми Волконского. Мария Николаевна смотрела с некоторым пренебрежением на своего мужа, что, конечно сказывалось и на отношении к нему детей. Тем более, что образ жизни Сергея Волконского на поселении совершенно не соответствовал, как мы видим, образу жизни его жены.

В августе 1855 г., когда в Сибирь доходит известие о смерти Николая I, Мария Волконская тотчас уезжает из Иркутска. Уезжает, поскольку, видимо, совместное существование супругов становится просто невозможным. Через несколько дней после её отъезда новый император Александр II издал манифест, в котором объявил помилование оставшимся в живых декабристам. Амнистия, а вместе с ней разрешение вернуться на родину, пришла тогда, когда её уже и не ждали: через тридцать лет после воцарения Александра II. По желанию нового царя манифест вёз в Сибирь Михаил Волконский, сын декабриста, уже служивший чиновником в Сибири и оказавшийся в этот момент в Москве.

К тому времени в живых осталось мало декабристов. Сергей Григорьевич Волконский был из числа тех немногих, кто дожил до амнистии. По истечении тридцатилетнего срока ссылки Сергей Григорьевич оставался верен себе, своим идеям, приведшим его в рудники, а затем на поселение. «Мне... Сибирь не в тягость,— писал он в 1856 году,— знаю, за что я здесь, и совесть спокойна... Что я патриот, я доказал тем, что я в Сибири». В сентябре 1856 года, бросив землепашество, Сибирь покидает и Сергей Волконский. Ему было уже 68 лет, 30 из которых он провёл в изгнании. Марии Волконской исполнилось пятьдесят.

По амнистии Волконскому и его детям было возвращено дворянство и разрешено возвратиться в Европейскую часть России, детям дарован княжеский титул. Волконскому же было возвращено только дворянство, но не титул. Из наград по особой просьбе ему были возвращены лишь некоторые воинские награды: орден Георгия за Прейсиш-Эйлау и памятная медаль 1812 года, именно этими наградами он особенно дорожил.

Волконский выехал из Иркутска 23.09.1856 г. и вернулся в Центральную Россию. Местом жительства была определена деревня Зыково Московского уезда, но живёт он по преимуществу в Мо-

ске, у дочери, и всегда под надзором полиции. «Он возвратился из изгнания маститым старцем, умудрённым и примирённым, полным горячего, радостного сочувствия к реформам царствования Александра II, преимущественно к крестьянскому делу, полным незыблемой веры в Россию и любви к ней, и высокой внутренней простоты» (по словам И. Аксакова).

Он очень изменился внешне: *«Я нашёл его, хотя белым, как лунь, но бодрым, оживлённым и притом таким нарядным и франтоватым, каким я его никогда не видывал в Иркутске; его длинные серебристые волосы были тщательно причёсаны, его такая же серебристая борода подстрижена и заметно выхолена, и всё его лицо с тонкими чертами и изрезанное морщинами делали из него такого изящного, картинно красивого старика, что нельзя было пройти мимо него, не залюбовавшись этой библейской красотой... свою сельскохозяйственную страсть он как будто покинул в Сибири вместе со всей своей тамошней обстановкой ссыльнопоселенца»,* – пишет в своих, вышеупомянутых мемуарах Н. А. Белоголовый.

По возвращении из Сибири С. Г. Волконский начинает писать свои воспоминания, «Записки», которые он пишет до самого последнего дня, однако закончить не успевает, они обрываются на полуслове, на описании первого допроса. Эти «Записки» представляют собой первостепенный исторический документ, замечательный по своей историко-культурной ценности. Живые, но спокойно написанные картины войны и мира, житейские встречи, интересные, острые наблюдения над жизнью России и Европы начала XIX века, короткие, но содержательные рассуждения очень умного и образованного человека по разным предметам, человека много повидавшего, много испытавшего, но не сломленного – таково содержание «Записок». Они были изданы сыном автора, князем М. С. Волконским. Свою собственную жизнь каторжник и князь считал вполне состоявшейся и оценил так: «Избранный мною путь довел меня в Верховный уголовный суд, и в каторжную работу, и к ссылочной жизни тридцатилетней, но все это не изменило вновь принятых мною убеждений, и на совести моей не лежит никакого гнета упрёка».

Несколько раз с «высочайшего разрешения» Волконский выезжает для лечения за границу. После освобождения Сергей Григорьевич побывал в Лондоне, встречался с А. И. Герценом. «Ста-

рик, величавый старик, лет восьмидесяти, с длинной серебряной бородой и белыми волосами, падавшими до плеч, рассказывал мне о тех временах, о своих, о Пестеле, о казематах, о каторге, куда он пошёл молодым, блестящим и откуда только что воротился седой, старый, ещё более блестящий, но уже иным светом». Так писал о Волконском А. И. Герцен.

С. Г. Волконский внимательно следит за политическими новостями, особенный его интерес вызывает подготовка крестьянской реформы. Теперь все свои надежды в этом «святом деле» он возлагает на нового царя Александра II.

Со многими положениями крестьянской реформы Волконский не был согласен, в частности, его категорически не устраивало освобождение крестьян без земли. Однако сам факт отмены крепостного права в 1861 году он принял с восторгом и со слезами. До конца жизни Сергей Григорьевич сохранил свои демократические убеждения о необходимости гражданских свобод в России.

«Возвращение после амнистии в Россию, поездка и житье за границей, встречи с оставшимися в живых родными и с друзьями молодости и тот благоговейный почёт, с каким всюду его встречали за вынесенные испытания – все это его как-то преобразило и сделало и духовный закат этой тревожной жизни необыкновенно ясным и привлекательным», – по воспоминаниям Н. А. Белоголового.

В последние годы в отношениях между супругами появляется нечто новое – умиротворение, взаимная нежность и уважение. Сергей Волконский был принят и семьей Раевских. Время всё сгладило и примирило. Сергей Григорьевич даже частенько начинает выступать арбитром в семейных делах. Но здоровье Марии Николаевны было уже окончательно подорвано. Лето 1862 года вся семья провела в имении Н. А. Кочубея, зятя Волконских, Воронки, где Волконских навестил Поджио¹. «Бедная Марья Николаевна борется с изнуряющей её болезнью», – писал он. Она умерла 10 августа 1863 года. Сергей Григорьевич страдал от того, что последнее время не

¹ Поджио Александр Викторович (1798–1873) – отставной подполковник Днепровского пехотного полка. Член Южного общества. Один из ближайших сподвижников Пестеля. Осуждён по I разряду. В тюрьмах Читы и Петровского Завода с 1827 по 1839 гг. На поселении – в с. Усть-Куда, пригороде Иркутска, и Иркутске. После амнистии 1859 г. жил в Псковской губернии, затем в Подмосковье. В 1863 г. уехал за границу. В Женеве встречался с А. И. Герценом. В 1873 г. вернулся в Россию. Последние годы жизни провёл в имении дочери С. Г. Волконского Е. С. Кочубей-Рахманиновой в вонках Черниговской губернии, где и скончался. Автор «Мемуаров». (Прим. пер.).

мог ухаживать за нею и сопровождать на лечение за границу, куда её возили дочь и сын – сам был тяжело болен, и нуждался в присмотре. Слепший и седой Сергей Григорьевич Волконский надеялся всё же съездить повидаться с Марией Николаевной. Однако из-за его болезненного состояния было решено не сообщать ему об ухудшении её здоровья, и он не смог с ней проститься. Он долго сожалел об этом и упрекал детей за то, что они скрыли от него правду: «Сперва дали бы мне знать о безнадежности, я бы ещё до смерти её приехал; болезнь моя от пути не усилилась, а я был бы там, где по долгу сердца – было мое место».

А через два года 28 ноября 1865 года не стало и его. До последних дней жизни он, по словам его сына Михаила, сохранял «необыкновенную память, остроумную речь, горячее отношение к вопросам внутренней и внешней политики и участие во всём, близком ему». Герой войны и светский повеса, князь и каторжник, генерал и хлебопашец Сергей Волконский скончался в возрасте 77 лет в селе Воронки, Черниговской губернии (современная Украина). Его похоронили рядом с женою, положив в ноги её могилы, согласно завещанию Сергея Григорьевича. Таким образом, очевидно, он хотел подчеркнуть свою признательность женщине, которая когда-то возродила его к жизни в суровом каторжном краю и которая искренне считала, что, «тот, кто жертвует жизнью за свои убеждения, не может не заслуживать уважения соотечественников. Кто кладет голову свою на плаху за свои убеждения, тот истинно любит Отечество, хотя, может быть, и преждевременно затеял дело своё».

**Письма из тетради с Résumés М. Н. Волконской,
хранящейся в краевом краеведческом музее имени
А. К. Кузнецова г. Читы**

Cath[erine] Orloff

25 Fevrier 1832

№ 2

Votre dernière lettre, ma bonne Catherine, m'apprend la mort de mon oncle Alexandre, j'en ai éprouvé une peine réelle, et nous ne cesserons de vouer un souvenir de reconnaissance à sa mémoire. Serge ne sait assez reconnaître le témoignage constant de son amitié pour nous, et qui n'a cessé qu'à son dernier souffle. C'est bien dans notre po-

sition que l'on sait apprécier des procédés semblables. – Ma bonne amie, j'ai répondu à deux de vos lettres à la fois, celle de 12 et 15 Janvier, votre édifiante exactitude à m'écrire m'a pénétré de reconnaissance et de joie, je n'en reviens plus, j'en suis émerveillée. Serge remercie un million de fois Michel pour la belle collection de grains qu'il vient de recevoir: elle est des plus soignées et des plus complètes ici, on voit que la personne qui en a fait choix, a la grande connaissance de cette partie. Mon mari emploie toutes ses heures libres à préparer la terre à laquelle il veut confier ces merveilles, il la soigne de son mieux, la passe au tamis, en un mot _____pas fini

Катерине Орловой

25 февраля 1832

№ 2

Ваше последнее письмо, моя добрая Катерина, принесло мне известие о смерти моего дядюшки Александра, я испытала настоящую боль, и мы не перестаём посвящать благодарственные воспоминания в память о нём. Серж особенно благодарен за проявления дружеского расположения к нам, которое он проявлял до последнего вздоха. Именно в нашем положении мы умеем ценить подобные вещи. – Моя славная подруга, я одновременно ответила на два твоих письма, от 12 и 15 января; ваша поучительная аккуратность наполнила меня благодарностью и радостью, я больше не возвращаюсь к этому, я этим восхищена. Серж благодарит тысячу раз Мишеля за прекрасную коллекцию семян, которую он только что получил: она здесь наиболее полная и наиболее тщательно подобранная, видно, что человек, который подбирал её, имеет огромные знания в этой области. Мой муж использует всё свободное время для подготовки земли, которой он хочет доверить свои чудеса, он старательно возделывает её, пропускает её через решето, одним словом, -----(нет окончания).

Catherine Orloff

25 Juin 1832

№ 7

Ma bonne Catherine, j'ai reçu votre lettre du 27 Avril où vous me parlez de la naissance de mon fils; vous ignorez encore le nom que je lui ai donné. C'est celui de votre mari, ma bonne amie. Puisse-t-il lui ressembler sous tous les rapports, puisse-t-il être, ainsi comme l'est Michel, et le mériter à si juste titre sur tout. Je suis bien reconnaissante à

ma chère Lise Schachoff(skoy) pour l'empressement qu'elle a mis à vous instruire de mon Bonheur, car c'est un bien réel pour moi. Je lui écrirai dès aujourd'hui devant la remercier pour les tris bonnets qu'elle a envoyé à Мишинька, et sa bonne Mère l'image dont elle l'a béni. Ces objets ne sont pas venus en même temps que leurs lettres. Vous me demandez, ma bonne amie, ce qu'il me faut pour mon enfant. Tout ce que vous aviez préparé pour Sophie lui sert maintenant. En fait de linge il ne lui manque rien, rappelez-vous de ce que vous m'aviez expédié dans le temps. Je vous en remercie beaucoup.

Катерине Орловой

25 июня 1832

№ 7

Моя добрая Катерина, я получила ваше письмо от 27 апреля, где вы говорите о рождении моего сына: вам неизвестно ещё имя, которое я дала ему. Это то же самое имя, что и у вашего мужа, моя добрая подруга. Будет ли он на него походить во всех отношениях, сможет ли он быть таким же, как Мишель, и заслуживать его в полной мере. Я очень признательна моей дорогой Лизе Шашовской за поспешность, с которой она сообщила вам о моём счастье, так как это очень важно для меня. Я напишу ей в ближайшее время, я должна поблагодарить её за три чепчика, которые она отправила Мишиньке, и её добрую мать за образок, которым та благословила его. Эти вещи пришли не одновременно с их письмами. Вы меня спрашиваете, моя славная подруга, что нужно прислать для моего ребёнка. Всё то, что вы приготовили для Софии, ему подходит сейчас. То, что касается белья, у него всё есть, вспомните то, что вы уже отправили недавно. Я вам очень благодарна за это.

Maman Wolkonsky

29 Janvier 1832

№ 5

Dimanche dernier, bien bonne Maman, j'ai reçu votre lettre № 47, 11 Décembre. Combien nous sommes heureux, bien bonne et chère Maman de la régularité avec laquelle vos nouvelles nous parviennent à une époque où m'en recevoir point serait un tourment pour nous. Vos lettres sont plus qu'une consolation pour nous, c'est une nécessité de notre existence. – Mille remerciements, bien chère Maman, pour la lettre de Zénéide, elle est bien constante dans l'amitié qu'elle nous porte; le soin qu'elle met à nous donner souvent de ses nouvelles est

bien apprécié par nous. Je compte lui répondre aujourd'hui même et permets de vous rapeller la promesse que vous m'avez fait de m'envoyer du papier de poste ainsi que des enveloppes. Comme vous le savez, cet article est de première nécessité ici et souvent impossible à trouver. J'ai conscience d'user la provision de mes compagnes et vous réitère ma demande. Vous me promettez la liste des envois fait par vous, bien adorable Maman, je la réclame de votre bonté, car je puis paraître inexacte en gardant le silence sur des envois qui ne me sont pas parvenus probablement encore. A cette occasion je vous préviens que les médecines que je vous avais prié de me faire expidier l'été dernier par ma letter №27 ne me sont point arrivés encore. Je les attends avec impatience. Nous sommes enchantés de savoir Varette près de vous, elle saura vous soigner, vous donner des distractions, et Serge est heureux de ce que cela soit elle qui le remplace près de vous. Il sait apprécier comme vous la faites, bien adorée Maman, cette attention de В(арвара) А(лексеевна). Remplir ses devoirs et toujours avec abnégation de soi-même c'est, comme dit très bien Serge l'existence entière de ma belle-soeur. Que Dieu lui donne dans ses enfants toute la consolation qu'il lui doivent à tant de titres. Serge vous prie de lui transmettre tout ce qu'il vient de vous dire; elle y verra le constant attachement et l'estime chaleureux qu'il lui porte, sa respectable soeur y verra non les mots simplement, mais l'expression [de] la conviction même de son coeur. Nous embrassons tous deux Varette la priant de nous écrire et de vous.....

Маман Волконской

29 января 1832

№ 5

В предыдущее воскресенье, добрейшая Маман, я получила ваше письмо № 47 от 11 декабря. Как мы счастливы, добрейшая и дорожайшая Маман, что ваши новости доходят до нас регулярно, это в такое время, когда ничего не получать было бы мукой для нас. Ваши письма – это более, чем утешение для нас, это необходимость нашего существования. Тысячи благодарностей, дражайшая Маман, за письмо Зинаиды, она очень постоянна в дружбе, которую нам даёт; забота, с которой она так часто сообщает нам новости, очень ценится нами. Я рассчитываю ответить ей прямо сегодня же и позволю себе напомнить вам обещание, которое вы мне дали, отправить почтовую бумагу, равно как и конверты. Как вам известно, здесь это артикул первой необходимости, и часто невоз-

можно найти его. Я признаюсь, что израсходовала запасы моих друзей, и повторяю вам свою просьбу. Вы мне обещаете перечень посылок, сделанных вами, обожаемая Маман, я настойчиво прошу его, так как я не хочу показаться неаккуратной, храня молчание о посылках, которые пока ещё возможно не дошли до меня. Пользуясь случаем, я вас предупреждаю, что медикаменты, которые я просила вас отправить прошлым летом в письме № 27, мне ещё не пришли. Я ожидаю их с нетерпением. Мы очень рады узнать, что Varette около вас, она сможет ухаживать за вами, развлекать вас, Серж счастлив оттого, что это будет именно она, кто заменит его около вас. Он умеет ценить, как и вы это делаете, обожаемая Маман, внимание Варвары Алексеевны. Исполнять свой долг и всегда самоотверженно – это, как говорит славный Серж, и есть смысл существования моей невестки. Пусть Бог даст ей в её детях всё утешение, которое она заслуживает в полной мере. Серж просит вас передать ей всё, о чём он только что говорил вам; она увидит в его словах постоянную преданность и горячее уважение, которое он испытывает; его уважаемая сестра увидит не просто слова, но выражение убеждения своего сердца. Мы оба обнимаем Varette, умоляя её писать и вас.....(НЕ ОКОНЧЕНО)

Литература:

1. Белоголовый Н. А. Из воспоминаний сибиряка о декабристах. В кн.: Русские мемуары. Избранные страницы. М., 1990.
2. Волконский С. Г. Записки. В кн. Мемуары декабристов. Избранное. М., 1989.
3. Сайт Анны Самаль «Виртуальная энциклопедия декабристов». <http://decemb.hobby.ru/>
4. Шикман А. П. Деятели отечественной истории. Биографический справочник. Москва, 1997.



Современная Забайкальская поэзия

Виктор Балдоржиев

Дух предков¹

Меня зовут Балдоржин Цырен-Ханда. Имя тибетское, я оставил его при получении паспорта, ибо полагал, что это непростое имя. Через много лет узнал – имя моё переводится как Вечное Солнце. Виктором меня назвал при рождении украинец Степан Рябошапка. Его жена принимала роды. Оно и стало моим литературным именем... Когда думаю о том, что я член Союза писателей, то у меня начинают болеть мозги! Рождённый в славянской среде, большую часть жизни в этой среде я и прожил. Всю жизнь я писал стихи на русском языке, хотя никаких условий для занятий литературой, да и среды такой, у меня никогда не было и нет. При подведении итогов Года Русского Языка (2007) Указом Президента России Д. А. Медведева от 1 декабря 2008 года я был награждён медалью А. С. Пушкина. Ни членство в Союзе писателей России, ни награда никак не повлияли на мою судьбу и творчество, которое, надеюсь, будет полезно моим сородичам. Ведь меня, совершенно одинокого не только в русской среде и литературе, вёл и ведёт по жизни дух великих предков. Он пробуждается в нас, когда мы не оставляем ни одного шанса для жалкого выживания, именно тогда мы свободно Живем и Творим...

22–23 марта 2012 года Виктор Балдоржиев принял участие во Всероссийском поэтическом фестивале им. Павла Васильева «Русский беркут» в г. Новосибирске, где организаторы собрали 20 лучших поэтов России, Украины и Беларуси, названных Достоянием наций.

¹ /<http://myblog-azarovkunkur-com.blogspot.com/>

Встречи

Я в Россию пришёл из ковыльного края,
Из таинственных песен, звучанья веков.
Я родился, чтоб жить, языки сочетая
И сближая народы созвучием слов...

Встречи длились века. Помнят только поэты,
Как смешались обличья, наречья и кровь.
Позабыто родство, но рождаются дети,
Может, только затем, чтобы встретиться вновь.

Я пришёл им напомнить. Назначить на место
Сочетания звуков, созвучия слов...
Все знакомы давно! Почему же не вместе?
И поймут ли меня? Первым был Вишняков!

*(Отрывок из книги памяти М. Вишнякова
«Между прошлым и будущим»)*

Новые четверостишия

* * *

Когда исчерпаны сравненья
С другими в жизненной борьбе,
Народ находит утешенье
В печальных песнях о себе...

* * *

Как путь далёк! Уже темнеет,
Ни ног, ни рук не чую я...
И лишь костёр души согреет,
Спасёт от ближних и зверья.

* * *

Цветущая природа, умирая,
Нам говорит: желанья умерьте,
Всего лишь миг от ада и до рая,
И помните о вечности и смерти.

* * *

Не ведая о том, что это тайна,
Ты мимоходом высказал случайно,
Играя мимолетными словами,
О чём гадают многие годами...

* * *

Глагольной рифмы не жалея,
Сумей одной строкой сказать,
Ведь подковать блоху сложнее,
Чем, скажем, лошадь подковать.

Не найдешь ни воли, ни покоя...

Не найдешь ни воли, ни покоя,
А найдешь, так сразу быть беде!
Не живут поэты и герои
В нулевой, посредственной, среде.

Жар души и жертвенность напрасны
Там, где пешки вышли в короли,
Для нуля все степени опасны,
Потому и властвуют нули...

Каждому укажет ноль на место,
Разбухая, множась, во сто крат.
И на диком празднике бесчестья
Все другие степени молчат!

Другу в деревню

А я в скворечнике бетонном
Сойти на землю не могу,
Ты в мире чистом и огромном,
В траве по пояс, на лугу.

Идёшь и думаешь, что выше
Подняться надо над землей.

Но знал бы ты – какой я нищий,
Да и скворечник тот не мой...

Мне снится ночью запах хлеба,
Своя изба в родном селе.
И все мечты свои о небе
В стихи слагаю о земле.

Ещё мне снится, что вдвоём мы
Картошку начали копать
В том мире – чистом и огромном,
Откуда все хотят бежать...

Перед ливнем

Когда грохочущие тучи
Плывут над пашней и рекой,
То так призывно и пахуче
Запахнет влагой и землёй.

Они клубятся величаво
В лучах вечерней тишины,
Лазурно, розово, кроваво
Слегка, с боков, освещены.

В их дальнем гуле нет угрозы,
Они готовятся сейчас –
И в дымных чревах варят грозы
И ливни шумные на нас.

Там вьются горные дороги,
Смешав начала и концы,
Встают и падают чертоги,
Вздымаясь, рушатся дворцы.

Гроза и ливень близко-близко.
И Бог свой замысел вершит,
И всё, что мелочно и низко
Сметёт с земли или с души...

На рассвете туманном и странном...

На рассвете туманном и странном
Станут гуси призывно кричать.
И тогда я во сне нереальном
Полечу белой тенью опять.

Полечу я туда, где пшеница,
Где шумит и колыхается рожь,
Где садятся на озеро птицы,
А на озере лунная дрожь...

Хорошо! Никакого нет дела
До людей, суеты и забот.
Так душа, отделившись от тела,
Снова слившись с природой, живёт!

Не гнетут там судьба или доля,
Там не нужен расчёт, и ещё –
Ни стремлений не надо, ни воли.
Хорошо... хорошо... хорошо...

Разум лжёт по велению желудка,
Но душа всех желаний сильней,
Отдыхает во сне от рассудка,
Где всегда предрассудок главней.

Голоса

Я купался в солёных озерах
И в осенней степи ночевал,
Видел радость земную во взорах
И костры у озёр разжигал...

Вороного седлал и гнедого,
Гнал гурты и отары овец.
И скитался, искал в мире слово,
И вернулся домой, наконец...

Незнакомо всё здесь и знакомо.
Бог берёт меня, видно, в огне,
Чтоб понятно мне стало лишь дома,
Что слова эти были во мне,

Что родились они здесь и жили.
И, смеясь у ночного огня,
Мои предки мне их говорили,
А потом воплотились в меня.

И от них никуда мне не деться:
Во мне – небо, и степь, и река,
И лазурное озеро детства,
Голоса, что звучат сквозь века.

В них степные звенят переливы,
Знойный полдень, парящий орёл.
И монгольские эти мотивы
Я на русский язык перевёл...

Уходи в туман и бездорожье...

Уходи в туман и бездорожье,
И забудь о мненьях величин.
Никогда пусть больше не тревожат
Поиски неведомых причин...

Ни к чему ни слава, ни держава:
Зыбких грёз угроза и гроза.
Пусть не ждут, как горькая отравка,
Женские печальные глаза...

И однажды, выйдя из тумана,
Оттолкни неспешною рукой
Всё, что догоняет непрестанно
И мешает быть самим собой.

Радость земная...

Так вот она – радость земная,
Таинственный смысл бытия,
Не поиски ада и рая,
А просто – родная Земля!

Дышать бы, как сосны и травы,
Летать бы, как птицы, вдали...
Я тоже частица по праву,
Частица чудесной Земли!

В бетонных тисках замирая,
Душа умирала во мне...
Я счастлив, устало шагая
По пыльной вечерней земле!

И ведаю, хоть не без страха,
(Не верю в бесстрашие я!)
Что плоть, сгусток жизни из праха,
Вернёт себе прахом Земля!

И в дымной космической бездне
Душа потеряет покой,
Увидев, как тело на место
Вернулось и стало Землёй!

И вспомнит она, затоскуя,
Про спор о добре или зле,
Про жизнь и про радость земную
Со мной на прекрасной Земле!

Конь порвал золотую треногу

Конь порвал золотую треногу,
Ускакал грациозно легко.
Я давно собирался в дорогу,
Чтоб уйти далеко-далеко!

Под луной там трепещут озера,
Изумрудные звёзды горят,
Спят спокойно долины и горы,
Звери там безмятежные спят...

Где решимость моя и отвага?
Поклоняясь моим же стихам,
Будут жертвовать люди мне блага,
А потом стану жертвою сам.

Завернут здесь в парчу моё имя,
Промелькнет за улыбкой оскал.
Был богат я конями своими,
Но последний мой конь ускакал!

Почему я стою у порога,
Неужель мне закрыты пути?
Конь порвал золотую треногу!
А куда без коня мне идти?

Словари в помощь переводчику

Наименования субъектов Российской Федерации и их центральных городов на китайском языке

Составитель Николай Воропаев

Республика Адыгея (Адыгея)	阿迪格共和国 (阿迪格) (А-дъи-гэ Гунь-хэ-гуо) (А-дъи-гэ)	Майкоп	迈科普 (Май-кхэ-пху)
Республика Алтай	阿尔泰共和国 (А-эрь-тхай Гунь-хэ-гуо)	Горно-Алтайск	戈尔诺-阿尔泰斯克 (Гэ-эрь-нуо-А-эрь-тхай-сы-кхэ)
Республика Башкортостан	巴什科尔托斯坦共和国 (Ба-ши-кхэ-эрь-тхуо-сы-тхань Гунь-хэ-гуо)	Уфа	乌法 (У-фа)
Республика Бурятия	布里亚特共和国 (Бу-ли-я-тхэ Гунь-хэ-гуо)	Улан-Удэ	乌兰乌德 (У-лань-У-дэ)
Республика Дагестан	达吉斯坦共和国 (Да-дзи-сы-тхань Гунь-хэ-гуо)	Махачкала	马哈奇卡拉 (Ма-ха-цси-кха-ла)
Республика Ингушетия	印古什共和国 (Ин-гу-ши Гунь-хэ-гуо)	Магас	马卡斯 (Ма-кха-сы)
Кабардино-Балкарская Республика	卡巴尔达—巴尔卡尔共和国 (Кха-ба-эрь-да-Ба-эрь-кха-эрь Гунь-хэ-гуо)	Нальчик	纳尔奇克 (На-эрь-цси-кхэ)
Республика Калмыкия	卡尔梅克共和国 (Кха-эрь-мэй-кхэ Гунь-хэ-гуо)	Элиста	埃利斯塔 (Ай-ли-сы-тха)
Карачаево-Черкесская Республика	卡拉恰伊—切尔克斯共和国 (Кха-ла-цзя-и-Цсье-эрь-кхэ-сы Гунь-хэ-гуо)	Черкесск	切尔克斯克 (Цсье-эрь-кхэ-сы-кхэ)
Республика Карелия	卡累利阿共和国 (Кха-лэй-ли-а Гунь-хэ-гуо)	Петрозаводск	彼得罗扎沃茨克 (Би-дэ-луо-дза-уо-цы-кхэ)
Республика Коми	科米共和国 (Кхэ-ми Гунь-хэ-гуо)	Сыктывкар	瑟克特夫卡尔 (Сэ-кхэ-тхэ-фу-

Республика Марий Эл	马里埃尔共和国 (Ма-ли-ай-эрь Гунь-хэ-гуо)	Йошкар-Ола	кха-эрь) 约什卡尔奥拉 (Юе-шы-кха-эрь-Ао-ла)
Республика Мордовия	摩尔达维亚共和国 (Мо-эрь-да-вэй-я Гунь-хэ-гуо)	Саранск	萨兰斯克 (Са-лань-сы-кхэ)
Республика Саха (Якутия)	萨哈共和国 (雅库特) (Са-ха Гунь-хэ-гуо) (Я-кху-тхэ)	Якутск	雅库茨克 (Я-кху-цы-кхэ)
Республика Сев. Осетия – Алания	北奥塞梯 —— 阿兰共和国 (Бэй-Ао-сай-тхи-А-лань Гунь-хэ-гуо)	Владикавказ	弗拉季高加索 (Фу-ла-дзи-гао-дзя-суо)
Республика Татарстан (Татарстан)	鞑靼斯坦共和国 (鞑靼斯坦) (Да-дань-сы-тхань Гунь-хэ-гуо) (Да-дань-сы-тхань)	Казань	喀山 (Кха-шань)
Республика Тыва	图瓦共和国 (Тху-уа Гунь-хэ-гуо)	Кызыл	克孜勒 (Кхэ-дзы-лэ)
Удмуртская Республика	乌德穆尔特共和国 (У-дэ-му-эрь-тхэ Гунь-хэ-гуо)	Ижевск	伊热夫斯克 (И-жэ-фу-сы-кхэ)
Республика Хакасия	哈卡斯共和国 (Ха-кха-сы Гунь-хэ-гуо)	Абакан	阿巴坎 (А-ба-кхань)
Чеченская Республика	车臣共和国 (Чьхэ-чьхэн Гунь-хэ-гуо)	Грозный	格罗兹尼 (Гэ-луо-дзы-ни)
Чувашская Республика – Чувашия	楚瓦什 —— 恰瓦什共和国 (Чьху-уа-шы-Цся-уа-шы Гунь-хэ-гуо)	Чебоксары	切博克萨雷 (Цсье-бо-кхэ-салэй)
Алтайский край	阿尔泰边疆区 (А-эрь-тхай бьен-дзянь-цсуй)	Барнаул	巴尔瑙尔 (Ба-эрь-нао-эрь)
Забайкаль- ский край	外贝加尔边疆区 (Уай-бэй-дзя-эрь бьен-дзянь-цсуй)	Чита	赤塔 (Чьы-тха)
Камчатский край	堪察加边疆区 (Кхань-чьха-дзя бьен-дзянь-цсуй)	Петропав- ловск- Камчатский	彼得罗巴甫洛夫斯克 (Би-дэ-луо-ба-фу-луо-фу-сы-кхэ)
Краснодар- ский край	克拉斯诺达尔边疆区 (Кхэ-ла-сы-нуо-да-эрь бьен-дзянь-цсуй)	Краснодар	克拉斯诺达尔 (Кхэ-ла-сы-нуо-да-эрь)
Красноярский край	克拉斯诺亚尔斯克边疆区 (Кхэ-ла-сы-нуо-я-эрь-сы-кхэ бьен-дзянь-цсуй)	Красноярск	科拉斯诺亚尔斯克 (Кхэ-ла-сы-нуо-я-эрь-сы-кхэ)
Пермский	彼尔姆边疆区 (Би-эрь-му	Пермь	彼尔姆

край Приморский край	бьен-дзянь-цсуй) 滨海边疆区 (Бин-хай бьен-дзянь цсуй)	Владиво- сток	(Би-эрь-му) 符拉迪沃斯托克 (Фу-ла-дъи-уо- сы-тхуо-кхэ)
Ставрополь- ский край	斯塔夫罗波尔边疆区 (Сы-тха-фу-луо-бо-эрь бьен-дзянь-цсуй)	Ставрополь	斯塔夫罗波尔 (Сы-тха-фу-луо- бо-эрь)
Хабаровский край	哈巴罗夫斯克边疆区 (Ха-ба-луо-фу-сы-кхэ бьен- дзянь-цсуй)	Хабаровск	哈巴罗夫斯克 (Ха-ба-луо-фу- сы-кхэ)
Амурская об- ласть	阿穆尔州 (А-му-эрь джоу)	Благове- щенск	布拉戈维申斯克 (Бу-ла-гэ-вэй- шэн-сы-кхэ)
Архангель- ская область	阿尔汉格尔斯克州 (А-эрь-хань-гэ-эрь-сы-кхэ джоу)	Архан- гельск	阿尔汉格尔斯克 (А-эрь-хань-гэ- эрь-сы-кхэ)
Астраханская область	阿斯特拉罕州 (А-сы-тхэ-ла-хань джоу)	Астрахань	阿斯特拉罕 (А-сы-тхэ-ла- хань)
Белгородская область	别尔哥罗德州 (Бье-эрь-гэ-луо-дэ джоу)	Белгород	别尔歌罗德 (Бье-эрь-гэ-луо- дэ)
Брянская об- ласть	布良斯克州 (Бу-лянь-сы-кхэ джоу)	Брянск	布良斯克(Бу- лянь-сы-кхэ)
Владимир- ская область	弗拉基米尔州 (Фу-ла-дзи-ми-эрь джоу)	Владимир	弗拉基米尔(Фу- ла-дзи-ми-эрь)
Волгоград- ская область	伏尔加格勒州 (Фу-эрь-дзя-гэ-лэ джоу)	Волгоград	伏尔加格勒 (Фу- эрь-дзя-гэ-лэ)
Вологодская область	沃洛格达州 (Уо-луо-гэ-да джоу)	Вологда	沃洛格达 (Уо- луо-гэ-да)
Воронежская область	沃罗涅日州 (Уо-луо-нье-жы джоу)	Воронеж	沃罗涅日 (Уо- луо-нье-жы)
Ивановская область	伊万诺沃州 (И-уань-нуо-уо джоу)	Иваново	伊万诺沃 (И-уань-нуо-уо)
Иркутская область	伊尔库茨克州 (И-эрь-кху-цы-кхэ джоу)	Иркутск	伊尔库茨克 (И-эрь-кху-цы- кхэ)
Калининград- ская область	加里宁格勒州 (Дзя-ли-нинь-гэ-лэ джоу)	Калиниград	加里宁格勒 (Дзя-ли-нинь-гэ- лэ)
Калужская область	卡卢加州 (Кха-лу-дзя джоу)	Калуга	卡卢加 (Кха-лу-дзя)
Кемеровская	克麦罗沃州	Кемерово	克麦罗沃 (Кхэ-

область	(Кхэ-май-луо-уо джоу)		май-луо-уо)
Кировская область	基洛夫州	Киров	基洛夫 (Дзи-луо-фу)
Костромская область	科斯特罗马州	Кострома	科斯特罗马 (Кхэ-сы-тхэ-луо-ма)
Курганская область	库尔干州	Курган	库尔干 (Кху-эрь-гань)
Курская область	库尔斯克州	Курск	库尔斯克 (Кху-эрь-сы-кхэ)
Ленинградская область	列宁格勒州	Санкт-Петербург	圣彼得堡 (Шэнь-Би-дэ-бао)
Липецкая область	利佩茨克州	Липецк	利佩茨克 (Ли-пхэй-цы-кхэ)
Магаданская область	马加丹州	Магадан	马加丹 (Ма-дзя-дань)
Московская область	莫斯科州	Москва	莫斯科 (Мо-сы-кхэ)
Мурманская область	摩尔曼斯克州	Мурманск	摩尔曼斯克 (Мо-эрь-мань-сы-кхэ)
Нижегородская область	下诺夫哥罗德州	Нижний Новгород	下诺夫哥罗德 (Ся-Нуо-фу-гэ-луо-дэ)
Новгородская область	诺夫哥罗德州	Великий Новгород	诺夫哥罗德 (Нуо-фу-гэ-луо-дэ)
Новосибирская область	新西伯利亚州	Новосибирск	新西伯利亚 (Син-си-бо-ли-я)
Омская область	鄂木斯克州	Омск	鄂木斯克 (Э-му-сы-кхэ)
Оренбургская область	奥伦堡州	Оренбург	奥伦堡 (Ао-лунь-бао)
Орловская область	奥廖尔州	Орёл	奥廖尔 (Ао-ляо-эрь)
Пензенская область	奔萨州	Пенза	奔萨 (Бэн-са)
Псковская область	普斯科夫州	Псков	普斯科夫 (Пху-сы-кхэ-фу)
Ростовская область	罗斯托夫州	Ростов-на-Дону	罗斯托夫 (Луо-сы-тхуо-фу)
Рязанская область	梁赞州	Рязань	梁赞 (Лянь-дзань)

Самарская область	薩馬拉州 (Са-ма-ла джоу)	Самара	薩馬拉 (Са-ма-ла)
Саратовская область	薩拉托夫州 (Са-ла-тхуо-фу джоу)	Саратов	薩拉托夫 (Са-ла-тхуо-фу)
Сахалинская область	薩哈林州 (Са-ха-лин джоу)	Южно-Сахалинск	南薩哈林斯克 (Нань-Са-ха-лин-сы-кхэ)
Свердловская область	斯維爾德洛夫斯克州 (Сы-вэй-эрь-дэ-луо-фу-сы-кхэ джоу)	Екатеринбург	叶卡捷琳堡 (Е-кха-дэе-лин-бао)
Смоленская область	斯摩棱斯克州 (Сы-мо-линъ-сы-кхэ джоу)	Смоленск	斯摩棱斯克 (Сы-мо-линъ-сы-кхэ)
Тамбовская область	坦波夫州 (Тхань-бо-фу джоу)	Тамбов	坦波夫 (Тхань-бо-фу)
Тверская область	特维尔州 (Тхэ-уэй-эрь джоу)	Тверь	特维尔 (Тхэ-уэй-эрь)
Томская область	托木斯克州 (Тхуо-му-сы-кхэ джоу)	Томск	托木斯克 (Тхуо-му-сы-кхэ)
Тульская область	图拉州 (Тху-ла джоу)	Тула	图拉 (Тху-ла)
Тюменская область	秋明州 (Цсёу-минъ джоу)	Тюмень	秋明 (Цсёу-минъ)
Ульяновская область	烏里揚諾夫斯克州 (У-ли-янь-нуо-фу-сы-кхэ джоу)	Ульяновск	烏里揚諾夫斯克 (У-ли-янь-нуо-фу-сы-кхэ)
Челябинская область	車里雅賓斯克州 (Чъхэ-ли-я-бин-сы-кхэ джоу)	Челябинск	車里雅賓斯克 (Чъхэ-ли-я-бин-сы-кхэ)
Ярославская область	雅羅斯拉夫爾州 (Я-луо-сы-ла-фу-эрь джоу)	Ярославль	雅羅斯拉夫爾 (Я-луо-сы-ла-фу-эрь)
город Москва	莫斯科市 (Мо-сы-кхэ шы)	Москва	莫斯科 (Мо-сы-кхэ)
город Санкт-Петербург	聖彼得堡市 (Шэнь-Би-дэ-бао шы)	Санкт-Петербург	聖彼得堡 (Шэнь-Би-дэ-бао)
Еврейская автономная область	猶太自治州 (Ёу-тхай дзы-джы-джоу)	Биробиджан	比羅比詹 (Би-луо-би-джань)
Ненецкий автономный округ	涅涅茨自治區 (Нье-нье-цы дзы-джы-цсью)	Нарьян-Мар	納里揚馬爾 (На-ли-янь-Ма-эрь)
Ханты-	漢特—曼西 自治區——	Ханты-	漢特-曼西斯克

Мансийский авт. округ Югра	尤格拉 (Хань-тхэ—мань-си дзы-дзы-цсюй—Ёу-гэ-ла)	Мансийск	(Хань-тхэ—мань- си-сы-кхэ)
Чукотский автономный округ	楚科奇自治区 (Чьху-кхэ-пси дзы-дзы- цсюй)	Анадырь	阿纳德尔 (А-на-дэ-эрь)
Ямало- Ненецк. ав- тон. округ	亚马尔—涅涅茨自治区 (Я-ма-эрь—Нье-нье-цы дзы-дзы-цсюй)	Салехард	萨列哈尔德 (Са-лье-ха-эрь- дэ)

Список литературы:

1. 俄罗斯地图 (Карта России). Пекин, 2007.
2. Российская газета, 2011.
3. www.baidu.com – поисковый китайский сайт

Пояснения по кириллической транскрипции, применённой в данном списке субъектов РФ

Фонетический алфавит китайского языка 汉语拼音字母 [hànyǔ pīnyīn zìmǔ] (далее сокращённо *ханьюй пиньинь*) является в настоящее время самым распространённым способом транскрипции китайских иероглифов средствами латинского алфавита. Его используют при обучении китайскому языку как самих китайцев, так и иностранцев. Это официально принятая китайским правительством система передачи звучания иероглифов.

На самом деле при общении с китайцами или при переписке с ними по электронной почте, в крайнем случае, всегда можно воспользоваться этим вспомогательным средством и написать небольшое сообщение транскрипцией без указания тонов, просто латинскими буквами. Как правило, достаточно образованный китаец это сообщение поймёт и сможет написать Вам ответ так же, латинскими буквами.

В Российской Федерации принята Традиционная русская транскрипция (ТРТ), которая сейчас, в основном, используется для официальной передачи китайских имён собственных в юридических документах и слов китайского языка, терминов в некоторых научных или специальных работах. Для обучения китайскому языку данная транскрипция не пригодна, так как в большинстве случаев не способна передать реальное звучание китайского слова, например, слово 天 [tiān] '1. небо; небесный 2. день; сутки' средствами ТРТ должно передаваться как *тянь* (например, название гор Тяньшань 天山 [tiānshān] передано в русском языке именно средствами ТРТ), тогда как реально это китайское слово звучит как *тхьен*. Следовательно, Тяньшань по-китайски звучит *Тхьен-шань*.

Поэтому, исходя из того, что, возможно, нашим читателям, которые не являются китаистами, также потребуется произнести данные имена собствен-

ные, мы в данной таблице субъектов РФ применили нашу авторскую кириллическую транскрипцию и, опираясь на богатый практический опыт общения с китайцами и использования китайского языка, дали максимально точное стандартное произношение китайских слов посредством русских букв, тем более, что звуки русского языка и соответствующие буквы для их записи вполне позволяют это сделать.

При пользовании данной авторской транскрипцией особое внимание следует обращать на следующие звуки (ниже в примерах использования нашей транскрипции цифрой обозначается тон китайской слогоморфемы):

1. **нь** – конечный заднеязычный носовой звук. Этот звук похож на соответствующие английские окончания в словах типа bring, sing, song, long и т. п. Этот конечный носовой звук сливается с предшествующим гласным и образует единое носовое окончание слога. При произнесении **нь** задняя часть спинки языка поднимается и составляет смычку с мягким нёбом. Смычка образуется только в этом месте, вся остальная часть языка лежит плоско, нигде не соприкасаясь с твёрдым нёбом. Хотя этот звук фонетическим алфавитом ханьюй пиньинь записывается буквами **ng**, при его произнесении не должно быть слышно конечного **g**. В рамках данного списка субъектов РФ в транскрипции русскими буквами мы этот звук условно обозначаем как **нь**, где твёрдый знак указывает на особое произнесение сочетания **ng**. Например: 帮助 [bāngzhù] (*баньь 1 – джу 4*) ‘помогать; помощь’.
2. Следует знать, что в китайском языке нет привычного для русского уха противопоставления звонких и глухих согласных звуков (б – п, д – т, г – к). Поэтому китайцы не слышат разницы между, например, такими русскими словами как *папа* и *баба* или *год* и *кот*. В китайском языке эти звуки различаются по наличию/отсутствию придыхания: ba – pa (ба – па), da – ta (да – та), ga – ka (га – ка). Поэтому китайские звуки b, d, g не следует произносить слишком звонко и громогласно, так как они однозначно воспринимаются как б/п, д/т и г/к. Другими словами, если слово 大 [dà] (*да 4*) ‘большой’ Вы произнесёте как русское *та*, то для китайца разницы не будет. Произнося же китайские слова с придыхательными звуками (p, t, k), не забывайте о придыхании, например: 他 [tā] (*тха 1*) ‘он’.
3. Звук **d** в позиции перед **i** (**дь**). Этот звук произносится твёрдо и не смягчается под воздействием последующей **i** (**и**) как в русском языке, то есть не превращается в «**дзи**» как, например, в слове Дима. Китайский звук «д» остаётся таким же, как и в «чистых» позициях типа da (как в русском слове *Даша*) или du (как в русском слове *душа*) и т. п. Стараясь не смягчать звук д нельзя при этом произносить твёрдо и гласный **и**, уподобляя его русскому **ы**. Чтобы акцентировать внимание читателя на правильном произнесении этого звука мы в транскрипции после д добавляем букву твёрдый знак. Например: 地方 [dìfang] (*дьи 4 – фань 0*) ‘место’, 电脑

[diànnǎo] (*дъен 4 – нао 3*) ‘компьютер’.

4. Звук **чъ**. В отличие от русского **ч**, который произносится мягко, китайский **ch** всегда твёрдый, и надо обратить внимание на то, чтобы не смягчать его (т. е. чтобы вместо китайских твёрдых *cha, chi* не получилось русских мягких **чя, чю**). Правильная артикуляция китайского **ch** (с загибом кончика языка к альвеолам – *бугоркам над верхними передними зубами с внутренней стороны*) помогает избежать этой часто встречающейся грубой ошибки. Чтобы обозначить специфику этого звука, мы после него всегда ставим букву твёрдый знак (**чъ**). Например: 抽烟 [chōuyān] (*чъхоу 1 – ен 1*) ‘курить’.
5. Звук **у**, который в нашей транскрипции соответствует букве **w** и сочетанию букв **wu** транскрипции *ханьюй пиньинь* произносится с более активной работой губ, причём получается напряжённый звук, похожий на английский [w]. Например: 武术 [wǔshù] (*у 3 – шу 4*) ‘ушу’, 网址 [wǎngzhǐ] (*уань 2 – джы 3*) ‘веб-сайт’.
6. Особого внимания требует слог **эр** (**эръ**). Конечный звук этого слога похож на английский **r** в словах right, rate и т. п. Другое дело, что в китайском языке этот звук всегда в концевой позиции слога **er**, например: 这儿 [zhèr] (*джэръ 4*) ‘здесь; тут; сюда’, 儿子 [érzi] (*эръ 2 – дзы 0*) ‘сын’. Звук **r** произносится с загнутым кончиком языка. Чтобы обратить внимание читателя на особенность этого слога в нашей авторской транскрипции, мы снабдили его буквой твёрдый знак (**эръ**). Когда слог **er** выступает в роли суффикса, то он не составляет слога и его присоединение не увеличивает числа слогов в слове (хотя он и записывается отдельным иероглифом), например: 玩儿 [wánr] (*уарь 2*) ‘1. играть; забавляться 2. развлекаться’; суффикс **-r**, присоединяясь к той или иной морфеме, сливается с её конечными звуками в один слог (происходит так называемая эризация слога), что в некоторых случаях приводит к существенным изменениям основного слога, например, в данном слове происходит полное вытеснение конечного элемента **n**.

Звуки **j** (дз), **q** (цс), **z** (дз), **zh** (дж) являются аффрикатами – сложными звуками, представляющими собой сочетание двух элементов: взрывного начала и щелевого продолжения. При их произнесении необходимо отработать слитное единое произнесение русских звуков, с помощью которых мы получаем данные китайские звуки.

Однако следует иметь в виду, что данная кириллическая транскрипция является учебной и предназначена для тех читателей, которые ещё не освоили транскрипцию *ханьюй пиньинь*. Эту транскрипцию нельзя применять для перевода китайских собственных имён в официальных документах. Для этой цели используется официально принятая в РФ, упомянутая выше, Традиционная русская транскрипция.

РУССКО-АНГЛИЙСКО-ЛАТИНСКИЙ СЛОВАРЬ РАСТЕНИЙ¹

Составитель **Нина Маркова**

РУССКИЙ	АНГЛИЙСКИЙ	ЛАТИНСКИЙ
И и		
иберийка (перечник зонтичный)	candytuft	Iberis umbellata
иберийка горькая (иберис горький, деревенская горчица)	rocket candytuft	Iberis amara
ива	willow, osier	Salix L. (Salicaceae)
ива белая (ветла, ива серебристая, белолоз)	white willow, common willow	Salix alba L. (Salicaceae)
ива козья (бредина)	goat willow, sallow	Salix caprea L. (Salicaceae)
ива корейская	Korean willow	Salix koreana
ива корзиночная (ива прутьевидная)	basket willow, common osier	Salix viminalis
ива ломкая (ракита)	brittle willow, crack willow	Salix fragilis L. (Salicaceae)
ива миндальная	almond willow	Salix amygdaloides
ива остролистная (ива шелюга, верба, верболоз)	sharp-leaved willow, pussy willow	Salix acutifolia
ива плакучая (ива вавилонская)	weeping willow, witch willow	Salix babylonica L. (Salix pendula Moench.) (Salicaceae)
ива пурпуровая (желтолоз)	purple willow, rose willow, red willow	Salix purpurea L. (Salicaceae)
ива пятитычинковая (чернотал, верболаз)	bay willow, laurel willow	Salix pentandra L. (Salicaceae)
ива травянистая	dwarf willow, pygmy willow	Salix herbacea
ива-шелюга (ива остролистная, верба, верболоз)	sharp-leaved willow, pussy willow	Salix acutifolia
иван-да-марья (марьянник дубравный)	blue-cow-wheat	Melampyrum nemorosum L. (Scrophulariaceae)
иванов цвет (арника)	arnica	Arnica
иван-чай узколистный (хамениум узколистный, кипрей узколистный, капор-	fireweed, great willow herb	Chamaenerion angustifolium Scop. (Epilobium
	blooming sally	

¹ См. начало в журнале «Переводчик» № 9, 2009., СС. 185-206.

ский чай)		angustifolium L.) (Onagraceae)
ивишень	plum mushroom	Clitopilus prunulus (Fr.) Quel. (Agaricaceae).
иглица понтийская	butcher's-broom	Ruscus aculeatus L. (Ruscus ponticus Woron.) (Liliaceae)
иезуитский чай (картезиан- ский чай, марь амброзие- видная, марь полыннолист- ная, марь благоухающая, марь благовонная)	wormseed goosefoot, wormseed tea, Mexi- can tea	Chenopodium ambrosioides
икотник	hoary madwort	Berteroa D.C. (Cruciferae)
иллициум настоящий (анисо- вое дерево, звёздчатый анис, бадьян обыкновенный)	true star anise, Chi- nese anise	Illicium verum
ильм	elm	Ulmus L. (Ulmaceae)
ильм (вяз шершавый)	Scotch elm, wych elm	Ulmus scabra Mill. (Ulmus montana With.) (Ulmaceae)
ильм горный или шершавый	wych-elm	Ulmus glabra
ильм мелколистный	small-leaved elm, Si- berian elm, dwarf elm, Chinese elm	Ulmus pumila
имбирь	ginger	Zingiber Adans. (Zingiberaceae)
имеющий верхушку с не- большим вдавлением	retuse	—
имеющий восемь тычинок	ostandrous	—
имеющий ножку или сте- бель	stipitate	—
имеющий семь листьев	septifolious	—
имеющий семь отростков	septenate	—
имеющий слегка волнистые края	repand	—
имеющий оболочку	tunicate	—
имеющий форму столбика	styliform	—
имеющий шипы, колючки	spiniferous	—
императа	cogon-grass	Imperata Cyrilli (Gramineae)
императа цилиндрическая	cogon-grass, cogon grass, cogon satin tail	Imperata cylindrica
индау (эрука посевная)	roquette	Eruca sativa Lam. (Cruciferae)

индиго	indigo	Indigofera L. (Leguminosae)
индиго красильное (бапти- зия красильная)	yellow indigo, wild in- digo, yellow wild indi- go	Baptisia tinctoria
индигоноска индигофера красильная (ин- диго красильное)	indigo true indigo	Indigofera spp. Indigofera tinctoria
инжир (фиговое дерево)	fig tree, common fig	Ficus carica L. (Moraceae)
иохимбе (любовное дерево)	yohimbe	Pausinystalia yohimbe
ипекакуана (рвотный ко- рень)	ipecacuanha	Cephaelis ipecacuanha (Psychotria ipecacuanha, Uragoga ipecacuanha)
ипомея (вьюнок пурпурный)	morning glory	Ipomoea L. (Convolvulaceae)
ипомея мексиканская	Orizaba morning glo- ry	Ipomoea orizabensis
ипомея плющевидная (ялапа настоящая)	jalap, ivy-like ipo- moea, morning glory	Ipomoea purga (Exogonium purga)
ипомея пурпурная	tall morning glory	Ipomoea purpurea L. (Convolvulaceae)
ирга	June-berry, pigeon- berry	Amelanchier Med. (Rosaceae)
ирис (касатик)	sword-flag, flag, iris	Iris L. (Iridaceae)
ирис германский (касатик германский)	German iris, German blueflag, German swordflag	Iris germanica
ирис флорентийский	florentinic blueflag	Iris florentina
ирландский мох (карраген, скальный мох, хондрус кур- чавый)	carrageen, carragheen, Irish moss	Chondrus crispus (Gigartina stellata)
ирный корень (аир тростни- ковый, аир обыкновенный, мечекорень)	sedge cane, sedge rush, sweet-flag, myrtleflag	Acorus calamus
исландский мох	Iceland moss	Centraria Ach. (Parmeliaceae)
испанский бородатый мох	Spanish moss	Tillandsia usneoides
испанский дрок (тутовник, бобровик)	Spanish broom	Spartium junceum L. (Leguminosae)
испанский золотой корень	golden thistle	Scolymus hispanicus
ископаемый	fossil	fossilis
исландский лишайник (ис- ландский мох, цетрария ис- ландская)	Iceland moss	Cetraria islandica

испанский дрок (бобровик)	Spanish broom	<i>Spartium junceum</i> L. (Leguminosae)
испанский хмель (душица критская, критский тимьян)	Cretan marjoram	<i>Majorana onites</i> (<i>Origanum onites</i>)
иссоп	hyssop	<i>Hyssopus</i> L. (Labiatae)
иссоп лекарственный (иссоп пахучий, иссоп обыкновенный)	hyssop, common hyssop	<i>Hyssopus officinalis</i>
иссоп обыкновенный (иссоп лекарственный, иссоп пахучий)	hyssop, common hyssop	<i>Hyssopus officinalis</i>
истод	milkwort	<i>Polygala</i> L. (Polygalaceae)
истод горький (истод горьковатый)	bitter milkwort	<i>Polygala amara</i>
истод канадский (истод сенега)	senega root, senega milkwort, senega snakeroot	<i>Polygala senega</i>
истод сибирский	Siberian milkwort	<i>Polygala sibirica</i>
иудино дерево (багряник)	Judas-tree	<i>Cercis siliquastrum</i> L. (Leguminosae)
К к		
кабачок	1. vegetable marrow, marrow squash 2. bush pumpkin 3. bush squash	<i>Cucurbita pepo</i> var. <i>giraumontia</i> Duch. (Cucurbitaceae). 2. <i>Cucurbita pepo condensata</i> 3. <i>Cucurbita pepo dodonaea</i>
кабомба	water-shield	<i>Cabomba</i> Aubl. (Nymphaeaceae)
кава (ава-перец, перец опьяняющий)	kava pepper	<i>Piper methysticum</i>
кавказская ромашка (персидская ромашка, пиретрум мясо-красный, пиретрум розовый, пижма красная)	Caucasian pyrethrum, Persian pyrethrum, florist's pyrethrum	<i>Pyrethrum roseum</i> (Pyrethrum <i>carneum</i> , <i>Tanacetum coccineum</i> , <i>Tanacetum roseum</i>)
кадило мелиссолистное	bastard-balm	<i>Melittis melissophyllum</i> L. (Labiatae)
капутовое дерево (капутовое дерево, каюпутовое дерево)	cajeput tree	<i>Melaleuca leucadendra</i>
казуарина	beefwood	<i>Casuarina</i> L. (Casuarinaceae)
каки (хурма восточная, хурма японская)	kaki, kaki persimmon, Japanese persimmon	<i>Diospyros kaki</i>

какао настоящее (шоколадное дерево)	cacao-tree, cocoa-tree	Theobroma cacao L. (Sterculiaceae)
кактус	cactus (pl. cacti)	Opuntia gen.
кактус крупноцветный (царица ночи, цереус крупноцветковый)	torch thistle, queen of the night	Cereus grandifloris Mill. (Cactaceae)
калабарские бобы (калабарский куст, физостигма ядовитая)	Calabara bush, deadly Calabara bean, ordeal bean	Selenicereus grandiflorus Physostigma venenosum
калабарский дуб	calabar bean	Physostigma renenosum
каладиум	caladium	Caladium Vent. (Araceae)
калачики (просвирник, просвирняк, мальва)	mallow	Malva gen.
калган (лапчатка прямостоячая, дубровка)	tormentil	Potentilla erecta Neck. (Potentilla silvestris Neck., Potentilla tormentilla Neck.) (Rosaceae)
календула лекарственная (ноготки аптечные, ноготки лекарственные)	pot marigold	Calendula officinalis
каликантус	sweet scented bush	Calycanthus L. (Calycanthaceae)
калина	viburnum, high cranberry, white hazel tree	Viburnum L. (Caprifoliaceae)
калина вечнозелёная	laurestinus	Viburnum tinus L. (Caprifoliaceae)
калина-гордовина	wayfaring tree, mealy tree	Viburnum lantana
калина монгольская	Mongolian viburnum	Viburnum mongolicum? (Pallas) Rehder
калина обыкновенная	snow-ball, water elder, cranberry tree, may rose, guelder rose	Viburnum opulus L. (Caprifoliaceae)
калина Саржента	Sargent's virbunum	Viburnum sargentii Koehne
калина сливолистная (калина садовая)	black haw, black-haw viburnum	Viburnum prunifolium
калиптра	moss cap, covering	calyptra, mitra
калистегия	bearbind	Calystegia R. Br. (Convolvulaceae)
калистегия заборная (вьюнок заборный, повой	bearbind, hedge glory-bind, woodbine	Calystegia sepium R.Br. (Convolvulaceae)

заборный)			
калифорнийское вое дерево	мамонто-	red wood	<i>Sequoia sempervirens</i>
калликарпа		French-mulberry	<i>Callicarpa</i> L. (Verbenaceae)
каллитрис		cypress-pine	<i>Callitris</i> Vent. (Pinaceae)
калофиллум		calaba	<i>Calophyllum</i> L. (Guttiferae)
калохортус		Mariposa-lily, star tulip	<i>Calochortus</i> Pursh. (Liliaceae)
калужница		cowslip	<i>Caltha palustris</i>
калужница болотная (куро- слеп)		marsh marigold, common marsh mari- gold	<i>Caltha palustris</i> L. (Ranunculaceae)
калуфер (канупер)		costmary	<i>Tanacetum balsamita</i>
кальмия		sheep-laurel, kalmia	<i>Kalmia</i> L. (Ericaceae)
кальмия широколистная		mountain laurel, cali- co bush	<i>Kalmia latifolia</i>
кальцеолярия (кошельки)		calceolaria, slipper- wort	<i>Calceolaria</i> L. (Scrophulariaceae)
камелия китайская (чай ки- тайский)		Chinese tea, common tea	<i>Camelia sinensis</i> (Thea <i>sinensis</i>)
камелия обыкновенная		japonica	<i>Thea japonica</i>
камнеломка		saxifrage, rockfoil	<i>Saxifraga</i> L. (Saxifragaceae)
кампешевое дерево (санда- ловое дерево, сандал синий, чёрное бразильское дерево)		logwood	<i>Haematoxylon</i> <i>campechianum</i>
камфорное дерево (камфор- ный лавр)		camphor tree	<i>Cinnamomum camphora</i> (<i>Laurus camphora</i>)
камфоросма		stinking ground-pine	<i>Camphorosma</i> L. (Chenopodiaceae)
камчужная трава (мать-и- мачеха обыкновенная)		common colt's-foot, common bull's-foot	<i>Tussilago farfara</i>
камыш (тростник)		1. bulrush, ling 2. reed	1. <i>Scirpus</i> L. (Cyperaceae).2. <i>Phragmites</i> Adans (Gramineae)
камышовая трава (осока песчаная)		sand sedge	<i>Carex arenaria</i>
камышовка		cane brake	<i>Arundinaria</i> Michx. (Gramineae)
канавалия мечевидная		Jack-bean, sword bean	<i>Canavalia ensiformis</i> DC. (Leguminosae)
канареечник		canary-grass,	<i>Phalaris</i> L. (Gramineae)

канареечник канарский	common canary-grass	<i>Phalaris canariensis</i> L. (Gramineae)
канареечник тростниковый	reed canary-grass, ribbon-grass	<i>Phalaris arundinacea</i> L. (Gramineae)
канариум	canari	<i>Canarium</i> (Rumph) L. (Burseraceae)
канатник	flowering maple	<i>Abutilon</i> L.(Malvaceae)
канатник Теофраста	American jute	<i>Abutilon avicennae</i> Gaertn. (<i>Avicennae</i> <i>theophrasti</i> Med.) (Malvaceae)
кандык	adder's-tongue, ad- der's grass	<i>Erythronium</i> L. (Liliaceae)
канна индийская	Indian shot	<i>Canna indica</i> L. (Cannaceae)
канталупа (мускусная дыня)	cantalop(e)	<i>Cucumis melo</i> <i>cantalupensis</i>
канупер (калуфер)	costmary	<i>Tanacetum balsamita</i>
каперсник	caper-plant	<i>Capparis spinosa</i>
каперсы	caper-bush	<i>Capparis</i> L. (Capparidaceae)
капок	silk-cotton tree	<i>Bombax</i> L. (<i>Ceiba</i> L.) Malvaceae)
капорский чай (иван-чай уз- колистный, хаменериум уз- колистный, кипрей узколи- стный)	fireweed, great wil- low herb	<i>Chamaenerion</i> <i>angustifolium</i> (<i>Chamerion</i> <i>angustifolium</i>)
каприфоль (жимолость ду- шистая)	garden woodbine	<i>Lonicera caprifolium</i> L. (Caprifoliceae)
капский жасмин (гардения)	gardenia	<i>Lonicera caprifolium</i>
капуста	cabbage	<i>Brassica</i> L. (Cruciferae)
капуста белокочанная	white cabbage, culti- vated cabbage, head- ed cabbage	<i>Brassica oleracea</i>
капуста брюссельская	Brussels sprouts	<i>Brassica oleracea</i> L. var. <i>gemmifera</i> (DC) Thell. (Cruciferae)
капуста китайская	1. Chinese cabbage 2. celery cabbage	1. <i>Brassica chinensis</i> L. (Cruciferae). 2. <i>Brassica</i> <i>pekinensis</i>
капуста кормовая (капуста листовая)	borecole, marrowstem kale, colewort	<i>Brassica oleracea</i> L. var. <i>acephala</i> DC. (Cruciferae)
капуста кочанная	cabbage cole, headed cabbage	<i>Brassica oleracea</i> L. var. <i>capitata</i> L. (Cruciferae)

капуста листовая кормовая	kale, cow cabbage	<i>Brassica subspontanea</i> Lizg. (Cruciferae)
капуста морская (катран)	sea kale	<i>Crambe</i> L. (Cruciferae)
капуста полевая (сурепица)	field cabbage, coleseed, bird rape	<i>Brassica campestris</i> L. (Cruciferae)
капуста репная (кольраби)	kohlrabi	<i>Brassica oleracea</i> L. var. <i>gongyloides</i> L. (Cruciferae)
капуста савойская	Savoy cabbage	<i>Brassica oleracea</i> L. var. <i>sabauda</i> L. (Cruciferae)
капуста спаржевая (брокколи)	broccoli	<i>Brassica oleracea botrytis</i>
капуста цветная	cauliflower, broccoli	<i>Brassica oleracea</i> L. var. <i>botrytis</i> L. (Cruciferae)
капустное дерево (андира)	cabbage tree, angelin-tree	<i>Andira araroba</i> (Leguminosae)
капуцин (настурция)	nasturtium	<i>Tropaeolum</i> L. (Tropaeolaceae)
караганник (чилига)	pea-tree, pea-shrub	<i>Caragana</i> Lam. (Leguminosae)
караганник древовидный (чилига древовидная, акация жёлтая)	Siberian pea-tree	<i>Caragana arborescens</i> Lam. (Leguminosae)
карагач (вяз пробковый)	cork elm	<i>Ulmus suberosa</i> Moench. (Ulmaceae)
караген (хондрус)	Carageen, carrageen, carragheen, Irish moss	<i>Chondrus</i> Lam. (Gigartinaceae)
карандашное дерево (можжевелник виргинский)	red cedar	<i>Juniperus virginiana</i>
кардамон	cardamon	<i>Elettaria cardamomum</i>
кардинал (лобелия кардинальская)	cardinal flower	<i>Lobelia cardinalis</i>
кардиоспермум	heart-seed	<i>Cardiospermum</i> L. (Sapindaceae)
кардобенедикт (волчец благословенный, волчец кудрявый, кникус аптечный, кникус бенедиктинский, кникус благословенный)	blessed thistle	<i>Cnicus benedictus</i> L. (Compositae)
каркас (каменное дерево)	nettle tree	<i>Celtis</i> L. (Ulmaceae)
карликовый дуб	ground oak	<i>Quercus nana</i>
карпезиум полынный	wormwood carpesium	<i>Carpesium abrotanoidum</i>
караген (хондрус курчавый)	carraghen, carrgeen,	<i>Chondrus crispus</i>

скальный мох, ирландский мох)	Irish moss	(<i>Gigartina stellata</i>)
картезианский чай (иезуитский чай, марь амброиевидная, марь благовонная, марь благоухающая, марь полыннолистная)	wormseed goosefoot, wormseed tea, Mexican tea	<i>Chenopodium ambrosioides</i>
картофель	potato, white potato	<i>Solanum tuberosum</i> L. (Solanaceae).
касатик (ирис)	sword flag, flag, iris	<i>Iris</i> L. (Iridaceae)
касатик флорентийский	orris	<i>Iris florentina</i>
каскара (крушина американская, крушина Пурша)	cascara buckthorn	<i>Frangula purshiana</i> (Rhamnus purshianus)
каскариль	seaside balsam	<i>Croton eleuteria</i> Benn. (Codiaeum Rumph.) (Euphorbiaceae)
кассия	senna, cassia	<i>Cassia</i> L. (Leguminosae)
кассия крупнолистная (сенна крупнолистная)	large-leaved senna	<i>Cassia obovata</i>
кассия кустарниковая (сенна кустарниковая)	shrubby senna	<i>Cassia frutescens</i>
кассия остролистная (сенна остролистная, александрийский лист)	Alexandrine senna	<i>Cassia senna</i> (<i>Cassia acutifolia</i> , <i>Senna alexandrina</i>)
кассия туполистная (сенна туполистная)	amblyophyllous senna	<i>Cassia obtusifoliae</i>
кастанопсис	oat chestnut	<i>Castanopsis</i> Spach. (Fagaceae)
катальпа	Indian bean	<i>Catalpa</i> Scop. (Bignoniaceae)
катальпа японская	Chinese catalpa	<i>Catalpa ovata</i>
катананхе	cupid's-dart	<i>Catananche</i> L. (Compositae)
катасетум	monk-flower	<i>Catasetum</i> Rich. (Orchidaceae)
катран (капуста морская)	sea kale	<i>Crambe</i> L. (Cruciferae).
кахрис	cachrys	<i>Cachrys</i> L. (Umbelliferae)
каури	kauri	<i>Agathis australis</i>
каучуковое дерево	caoutchouc tree	<i>Castilloa elastica</i> et. al.)
качим (гипсолюбка)	chalk plant	<i>Gypsophila</i> L. (Caryophyllaceae)
кафир (сорго кафрское)	Kafir	<i>Sorghum caffrorum</i>
качим даурский	Dahurian chalk plant	<i>Gypsophila dahurica</i> (Caryophilaceae)

качим метельчатый (перека- ти-поле)	baby's breath	<i>Gypsophila paniculata</i> L. (Caryophyllaceae)
качим тихоокеанский	Pacific chalk plant	<i>Gypsophila pacifica</i>
каштан	chestnut, deer's eye	<i>Castanea</i> Mill. (Fagaceae)
каштан благородный	chestnut	<i>Castanea sativa</i>
каштан американский	American chestnut	<i>Castanea dentata</i>
каштан земляной	earth chestnut	<i>Conopodium</i> Koch. (Umbelliferae)
каштан конский	horse chestnut, buck- eye	<i>Aesculus hippocastanum</i> L. (Hippocastanaceae)
каштан настоящий (каштан посевой)	European chestnut, Spanish chestnut, sweet chestnut	<i>Castanea sativa</i>
каштановый	chestnut	badius, castaneus
каштан съедобный	sweet chestnut	<i>Castanea sativa</i>
каюпутовое дерево (каепу- товое дерево, каяпутовое дерево)	cajeput tree	<i>Melaleuca leucadendra</i>
каянус (голубиный горох)	pigeon-pea	<i>Cajanus</i> gen. (Leguminosae)
квадратный	square	quadraticus, quadratus
квамоклит	cypress vine	<i>Quamoclit</i> Choisy (Convolvulaceae)
квассия горькая	bitter-wood	<i>Quassia amara</i> L. (Simarubaceae)
квебрахо белое (квебрахо- вое дерево)	quebracho, quebracho tree	<i>Aspidosperma</i> quebrachoblanco
квилайя (мыльное дерево)	soapbark tree	<i>Quillaja saponaria</i>
квискалис индийский	Indian quisqualis	<i>Quisqualis indica</i>
кевовое дерево (терпенти- новое дерево, скипидарное дерево)	terpentine tree, terebinth pistache	<i>Pistacia terebinthus</i> (<i>Pistacia mutica</i>)
кедр	cedar	<i>Cedrus</i> Mill. (Pinaceae)
кедр гималайский	deodar, fountain-tree	<i>Cedrus deodara</i>
кедр ладанный (либоцедрус)	incense-cedar	<i>Libocedrus</i> Endl. (Pinaceae)
кедровое дерево (кедр)	nut pine	<i>Cedrus</i> gen.
кедровый стланик	Japanese stone pine	<i>Pinus pumila</i> (Pall.) Re- gel (Pinaceae)
келла (амми зубная)	toothpick ammi	<i>Ammi visnaga</i>
кенаф (бомбейская пенька, гибискус коноплевый, яван- ский джут)	hemp-mallow, kenaf, ambari hemp, Indian hemp, Bimliptam jute, Deccan hemp	<i>Hibiscus cannabinus</i> L. (Malvaceae)

кендырь	dogbane, Indian hemp, kendyr	Apocynum L. (Apocynaceae)
кендырь армянский	Armenian dogbane	Apocynum armenicum
кендырь конопляный	hemp dogbane	Apocynum cannabinum
кендырь проломнико-листный	spreading dogbane	Apocynum androsaemifolium (Trachomitum androsaemifolium)
кербель	chervil	Anthriscus cerefolium (L.) Hoffm. (Umbelliferae)
кермек	sea-lavender	Limonium Mill. (Plumbaginaceae)
керрия	kerria	Kerria DC. (Rosaceae)
кигелия (колбасное дерево)	sausage-tree	Kigelia DC. (Bignoniaceae)
кизил	dog wood	Cornus gen.
кизил белый (дёрен белый)	white cornelian cherry, white dogwood	Cornus alba
кизил мужской (кизил настоящий, кизил обыкновенный)	Cornelian cherry, cornel	Cornus mas L. (Cornaceae)
кизильник	cotoneaster	Cotoneaster Med. (Rosaceae)
кизяк кистецветный (наумбургия)	thyrses-flowered loosestrife	Naumburgia thyrsoflora L. (Lysimachia thyrsoflora L.) (Primulaceae)
килайя	soap-bark	Quillaja gen.
кино	kino	Pterocarpus gen.
кипарис	cypress	Cupressus L. (Cupressaceae).
кипарис болотный (таксодиум)	bald cypress	Taxodium distichum Rich. (Pinaceae)
кипарисовик	false-cypress	Chamaecyparis. Spach. (Pinaceae)
кипрей (иван-чай)	willow-herb, blooming sally, great willow herb, fireweed	Epilobium angustifolium L. (Onagraceae)
кипрей мелкоцветковый	small-flowered willow-weed, small-flowered willow herb	Epilobium parviflorum
кипрей узколистный (иван-чай узколистный, хаменериум узколистный, капорский)	fireweed, great willow herb	Chamaenerion angustifolium (Chamaerion)

чай)		
кирказон	birthwort, Dutchman's pipe	angustifolium) Aristolochia L. (Aristolochiaceae)
кирказон ломоносовидный	birthwort Dutchman's-pipe	Aristolochia clematitidis
кирказон маньчжурский	Manchurian birthwort, Manchurian Dutchman's-pipe	Aristolochia mandshuriensis
кирказон скрученный	twisted birthwort	Aristolochia contorta
кислица	alleluia, shamrock	Oxalis bowieana gen.
кислица (дикая яблоня, лесная яблоня)	wild apple tree	Malus sylvestris
кислица обыкновенная (заячья капуста)	wood-sorrel, wood-sour, stub-wort, sour trefoil	Oxalis acetosella L. (Oxalidaceae)
кислица ямайская (гибискус сабдарифа, розелла)	roselle, Jamaica sorrel	Hibiscus sabdariffa
кисличник	mountain sorrel	Oxyria Hill. (Polygonaceae)
китайская астра	China aster	Callistephus chinensis
китайская крапива (рами)	Ramie, China-grass	Boehmeria nivea
китайская полынь	моха	Artemisia moxa
китайский калган (галанговый корень, альпиния лекарственная)	galingale, great galangal, Java galangal	Alpinia galanga
китайское сальное дерево	tallow-tree	Sapium sebiferum
кишнец (кориандр)	coriander	Coriandrum L. (Umbelliferae).
кладантус	cladanthus	Cladanthus Cass. (Compositae)
клевер	clover, trefoil	Trifolium L. (Leguminosae)
клевер александрийский (клевер египетский, берсим-клевер)	Egyptian clover	Trifolium alexandrinum
клевер белый (клевер ползучий)	Ladino clover, white clover, shamrock	Trifolium repens L. (Leguminosae)
клевер луговой (красногловник)	trefoil, red clover, cow clover, meadow clover	Trifolium pratense L. (Leguminosae)
клевер мясо-красный (клевер пунцовый)	crimson clover, scarlet clover	Trifolium incarnatus
клевер пашенный (заячьи лапки)	field trefoil, hare's-foot	Trifolium arvense L. (Leguminosae).
клевер японский	Japan clover	Lespedeza striata

клеитония	spring beauty	Claytonia Gronov. (Portulacaceae)
клекачка (клокичка)	bladder-nut	Staphylea L. (Staphyleaceae)
клематис (ломонос)	virgins-bower, clematis	Clematis
клеома	spider-flower	Cleome gen.
клеома (паучник)	spider-plant	Cleome L. (Capparidaceae)
клеродендрон	glory –tree	Clerodendron L. (Verbenaceae)
клеродендрон трёхвильчатый (волькамерия трёхвильчатая, волькамерия японская)	trifurcate glory tree, harlequin glory bower	Clerodendron triphyllum
клевещина	castor-bean, castor-oil plant, castor-bean tree, Palma Christi	1. Ricinus L. (Euphorbiaceae) Ricinus communis L. (Euphorbiaceae)
клевещина обыкновенная	castor bean, castor-oil plant, castor-bean tree	Ricinus communis L. (Euphorbiaceae)
клён	maple	Acer L. (Aceraceae)
клён белый (явор)	sycamore maple	Acer pseudo
клён корейский	Korean maple tree	Acer koreanum
клён красный	red maple, swamp maple	Acer rubrum
клён сахарный	sugar-maple	Acer saccharum
клиантус	glory-pea, parrot-bill	Clanthus Banks. Et Soland. (Legumonisae)
кливия	kafir-lily	Clivia Lindl. (Amaryllidaceae)
клитория	butterfly-pea	Clitoria L. (Leguminosae)
клокичка (клекачка)	bladder-nut	Staphylea L. (Staphyleaceae)
клоповник (кресс)	pepper-grass	Lepidium L. (Cruciferae).
клоповник широколистный	dittander	Lepidium latifolium
клопогон	bug-bane	Cimicifuga L. (Ranunculaceae)
клопогон ветвистый	rattletop, rattleweed	Cimicifuga racemosa
клопогон вонючий	skunk bugbane	Cimicifuga foetida
клопогон даурский	Dahurian bugbane, Dahurian rattleweed	Cimicifuga dahurica
клубень	tuber	tuber
клубневидный	tuberiform	tuberoideus

клубнелуковица	corm, bulbotuber	bulbotuber
клубненоносные растения	tuberiferous plants	tuberifer
клубненоносный	tuberiferous	tuberifer
клубнеобразование	tuberization	
клубника (земляника)	strawberry	Fragaria L. (Rosaceae)
клюзия	star of night, balsam tree	Clusia L. (Clusiaceae)
клюква	cranberry, marshwort	Oxycoccus Pers. Vaccinium oxycoccus L. (Vacciniaceae)
клюква болотная (клюква обыкновенная)	marshberry, fenberry, quadripetalous marshwort, bog-berry	Oxycoccus palustris (Oxycoccus quadripetalus)
клюква мелкоплодная	small-fruited cranberry, bog cranberry, bog marshwort	Oxycoccus microcarpus
кумин тминовый (кумин, тмин душистый)	cumin	Cuminum cyminum (Cuminum odorum) L. (Umbelliferae)
кникус аптечный, (кникус бенедиктинский, кникус благословенный, волчец благословенный, волчец кудрявый, кардобенедикт)	blessed thistle	Cnicus benedictus
ковыль	spear-grass, feather-grass, silk-grass, stipa	Stipa L. (Gramineae)
ковыль перистый	feather-grass	Stipa pennato
кодонопсис лесной	sylvan Asian bell, sylvan codonopsis	Codonopsis pilosula
кожевенное дерево (дирка)	leather-wood	Dirca L. (Thymelaceae)
козелец (скорцонера)	scorzonera	Scorzonera L. (Compositae)
козелец сладкий корень	black salsify, viper's-grass	Scorzonera crispataula Boiss. (Scorzonera hispanica L.) (Compositae)
козлобородник	goat's-beard, salsify	Tragopogon porrifolius L. (Compositae)
козлятник аптечный (галега лекарственная)	medicinal goat's-beard, common goat's rue	Galega officinalis
козлятник лекарственный	goat's-rue	Galera officinalis L. (Leguminosae)
козья ива (бредина)	goat willow	Salix caprea
койкс	Job's-tears	Coix lacryma L.

кока (кокаиновый куст)	cocaine plant, Huanuco cocaine tree	(Gramineae) Erythroxylon coca Lam. (Erythroxylaceae)
кокколоба	seaside grape	Coccoloba L. (Polygonaceae)
коккулюс (коламбо, куколь- ван)	cocculus	Anamirta cocculus
коккулюс индийский (ку- кольван индийский)	Indian cocculus, In- dian snail-seed	Cocculus indicus
коккулюс трёхлопастный (кукольван трёхлопастный)	trilobate cocculus, trilobate snail-seed	Cocculus trilobatus
кокорыш (собачья петруш- ка)	fool's-parsley, dog parsley	Aethusa L. (Umbelliferae)
кокорыш обыкновенный (собачья петрушка)	false parsley, fool's- parsley, hedge pars- ley, cicely	Aethusa cynapium L. (Umbelliferae)
кок-сагыз	Russian dandelion	Taraxacum kok-saghyz
кокосовая пальма	coco	Cocos nucifera
кокушник	rein orchis	Gymnadenia R.Br. (Orchidaceae)
кола	cola	Cola gen.
кола блестящая (кола заост- рённая, кола культурная, кола настоящая)	Sudan cola tree, Su- dan cola nut	Cola nitida (Cola vera)
коламбо (коккулюс, куколь- ван)	cocculus	Anamirta cocculus
колеантус	sheath-flowering grass	Coleanthus Seid. (Gramineae)
колеус	flame nettle	Coleus Lour. (Labiatae).
коллинсония	horse-balm	Collinsonia L. (Labiatae)
колоказия (таро)	taro	Colocasia antiquorum
колоквинт (колоцинт, горь- кая тыква, арбуз кормовой)	colocynth, bitter ap- ple	Citrullus colocynthis (Colocynthis vulgaris) Schrad. (Cucurbitaceae)
колокольчик	bell-flower, blue-bell, campanula	Campanula L. (Campanulaceae)
колокольчик круглолистный	harebell	Campanula rotundifolia
колокольчик-рапунцель	rampion	Campanula rapunculus L. (Campanulaceae)
колокольчиколистный	bell-leaved	codophyllus
колокольчицветковый	bell-flowered	codonanthus
коломбо (кукольван)	cocculus	Cocculus DC. (Menispermaceae)
колос	ear, spike, head	spica
колосистый	spiciferous	spicatus

КОЛОСКОВЫЙ	spicate	spicatus
КОЛОСНЯК (ВОЛОСНЕЦ)	lyme-grass	Leymus L. (Gramineae)
КОЛОСОВИДНЫЙ	spiciform	spiciformis
КОЛОСОВЫЕ ХЛЕБА	headed grain	
КОЛОСОК ДУШИСТЫЙ	sweet vernal-grass	Anthoxanthum odoratum L. (Gramineae).
КОЛОЦИНТ	colocynth, bitter apple	Citrullus colocynthis Colocynthis vulgaris Schrad. (Cucurbitaceae)
КОЛЬЗА (РАПС)	colza, rape	Brassica napus L. var. oleifera DC. (Cruciferae)
КОЛЬНИК	horned rampion	Phyteuma L. (Campanulaceae)
КОЛЬРАБИ (КАПУСТА РЕПНАЯ)	kohlrabi	Brassica oleracea L. var. gongyloides L. (Cruciferae)
КОЛЮЧЕЗОНТИЧНИК	prickly- parsnip	Echinophora L. (Umbelliferae)
КОЛЮЧИЙ	hispid, speculate, spinescent	pungens, spineus, spinosus
КОЛЮЧИЙ ОГУРЕЦ (ВЕСТ- ИНДСКИЙ ОГУРЕЦ, ПИКУЛЬНЫЙ КОРНИШОН)	bur cucumber	Cucumis anguria
КОЛЮЧЕЛИСТНИК (КОЛЮЧНИК)	1. carline thistle 2. weather thistle, smooth carline	1. Carlina L. (Compositae) 2. Carlina acaulis
КОЛЮЧИЙ ОГУРЕЦ (КОРНИШОН)	gherkin	Cucumis auguria
КОЛЮЧНИК (КОЛЮЧЕЛИСТНИК)	1. carline thistle 2. weather thistle, smooth carline	1. Carlina L. (Compositae) 2. Carlina acaulis
КОЛЮЧНИК БЕССТЕБЕЛЬНЫЙ (КОЛЮЧЕЛИСТНИК)	weather thistle, smooth carline	Carlina acaulis
КОМБРЕТУМ	red withe	Combretum L. (Combretaceae)
КОММЕЛИНА	day-flower	Commelina Plum. (Commelinaceae)
КОММИФОРА (МИРРОВОЕ ДЕРЕ- ВО, БАЛЬЗАМОВОЕ ДЕРЕВО)	myrrhis, myrrh tree	Commiphora molmol
КОММИФОРА АБИССИНСКАЯ	Abyssinian myrrh tree	Commiphora abissinica
КОНДУРАНГО	condurango, condor vine	Marsdenia R.Br. (Asclepiadaceae)
КОНОПЛЯ	hemp, cannabis	Cannabis, Cannabis sati- va L. (Cannabinaceae)
КОНОПЛЯ ВИРГИНСКАЯ (АКНИ-	Virginian hemp	Acnida cannabina L.

да)		(Amaranthaceae)
конопля манильская	Manila hemp	Musa textilis Nees. (Musaceae)
конопля посевная	common hemp	Cannabis sativa
конрингия	conringia	Conringia Adans. (Criciferae)
конская мята (шандра белая, шандра обыкновенная, шандра постенная)	common hoarhound, marvel	Marrubium vulgare
конский боб	field-bean, horse-bean, Windsor bean	Vicia faba
конский каштан обыкновенный	horse chestnut, buck-eye	Aesculus hippocastanum
конусообразный (шишко-видный)	strobilaceous	conoideus, connoidalis
копайя (копайское дерево)	copaifera, copal tree	Copaifera reticulata
копеечник	French honey-suckle	Hedysarum L. (Leguminosae)
коптис	gold-thread	Coptis Salisb. (Ranunculaceae)
копытень	wild ginger	Asarum L. (Aristolochiaceae)
копытень европейский	European haselwort, European wild ginger	Asarum europaeum
копытень Зибольда	Siebold haselwort	Asarum sieboldii
кордилина (драцена южная)	dracena	Cordyline Royen (Liliaceae)
кореопсис	coreopsis	Coreopsis gen.
кордия	cordia	Cordia L. (Boraginaceae).
кориандр (кишнец)	coriander	Coriandrum L. (Umbelliferae)
корица (коричное дерево)	1. canella 2. cinnamon	1. Canella 2. Cinnamomum gen.
корица гвоздичная	pinkwood	Dicypellium caryophyllatum Nees. (Lauraceae)
коричник	cinnamon-tree	Cinnamomum L. (Lauraceae)
коричник китайский	Chinese cinnamon, cassia bark tree	Cinnamomum cassia
коричник цейлонский (коричное дерево, коричный лавр)	Ceylon cinnamon, Ceylon wuchang	Cinnamomum zeylanicum
кормовая свёкла (мангольд,	mangold	Beta vulgaris L. var.

свёкла листовая)		cicla Moq. (Chenopodiaceae)
корневая поросль	stool shoots	—
корневидный (ризоидный)	rhisoid	radiciformis, rhizoideus, rhizomorphus
корневище (ризомы)	rhisome	rhizoma
корневищный злак	quitch	—
корнишон	bur gherkin	Cucumis anguria
коровий горох	cowpea	Vigna sinensis
коровяк	mullein	Verbascum L. (Scrophulariaceae).
коровяк густоцветковый	densely flowered mullein	Verbascum densiflorum (Verbascum thapsiforme)
коровяк лекарственный (коровяк мохнатый, коровяк шерстистый)	clasping-leaved mullein, clasping mullein	Verbascum phlomoides (Verbascum rugulosum)
коровяк обыкновенный (медвежье ухо)	great mullein, flannel mullein, Aaron's - rod, Jupiter's-staff, torch bearberry, barren myrtle, faltwort	Verbascum thapsus
королевский папоротник	king-fern	Osmunda regalis
короставник	corn scabious	Knautia L. (Dipsacaceae)
короставник полевой	field scabious	Knautia arvensis (L.) Coul. (Dipsacaceae)
короткий стручок	silicle	silicle
коргуза	bear's-ear sanicle	Cortusa L. (Primulaceae)
корхорус	corchorus	Corchorus gen.
косогорник	rattlesnake root	Prenanthes L. (Compositae).
костенец (асплений)	1. mouse-ear 2. spleenwort	1. Holosteum L. (Caryophyllaceae); Hieracium gen. 2. Asplenium L. (Polypodiaceae)
костёр	brome-grass, quake-grass	Bromus L. (Gramineae).
костёр безостый	smooth brome-grass	Bromus inermis Leyss. (Gramineae)
костёр полевой	field brome-grass	Bromus arvensis L. (Gramineae)
костёр ржаной	cheat, chess	Bromus secalinus L. (Gramineae)
косточка (семечко мясистого плода)	pyrene	pyrena

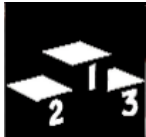
костра	shove	—
костус	putchok	Costus L. (Zingiberaceae)
косяника	stone bramble	Rubus saxatilis L. (Rosaceae)
косяночка	drupel, drupelet	drupeola
котиледон	navelwort	Cotyledon L. (Crassulaceae)
котовник	catnip, catmint	Nepeta L. (Labiatae)
котовник японский (котовик японский)	Japan catnip, Japan catmint	Nepeta japonica
кофейное дерево	coffee tree	Coffea
кохия (прутняк)	summer cypress	Kochia Roth. (Chenopodiaceae)
кохия веничная (пружняк веничный)	mock cypress, belvedere summer cypress	Kochia scoparia
кочедыжник	lady fern	Athyrium Roth. (Polypodiaceae)
кочедыжник женский	lady-fern	Athyrium filix-foemina
кочка (дерновина)	tussock	—
кошачья лапка	cat's ear, pussy's-toes	Antennaria Gaertn. (Compositae)
кошачья лапка двудомная	cat's foot, common cat's foot, common pussytoes	Antennaria dioica (L.) Gaertn. (Compositae)
кошельки (кальцеолярия)	slipperwort, calceolaria	Calceolaria L. (Scrophulariaceae)
краекучник	lip-fern	Cheilanthes Sw. (Polypodiaceae)
крамбе	sea-kale	Crambe maritima
приморская		
крамерия трёхтычинковая	krameria, ratany	Krameria triandra
крапива	nettle	Urtica L. (Urticaceae)
крапива большая (крапива двудомная)	stinging nettle, great nettle, big-sting nettle	Urtica dioica
крапива жгучая	small nettle, burning nettle, dog nettle, stinging nettle	Urtica urens
крапива пилюльная (крапива шариконосная)	Roman nettle, pilulare nettle	Urtica pilulifera
красавка (беладонна, сонная одурь)	deadly night-shade, belladonna	Atropa belladonna L. (Solanaceae)
красавка кавказская (белладонна кавказская)	Caucasian belladonna	Atropa caucasica
красная ель	red spruce	Picea rubens
красавка обыкновенная	belladonna, deadly	Atropa belladonna

(белладонна, бешеная вишня)	nighshade	
красная водоросль	sea-kale	Rhodymenia
красная смородина	red currant	Ribes rubrum
красноволоска (болотник, звездочка водяная)	water starwort	Callitriche L. (Callitrichaceae)
красноднев (красоднев)	day-lily	Hemerocallis L. (Liliaceae)
красноголовник (клевер луговой)	red clover, cow clover, meadow clover	Trifolium pratense
красные (багряные) водоросли, багряник)	red algae	Rhodophyceae
красоднев (красноднев)	day-lily	Hemerocallis L. (Liliaceae).
крепкоплодник	euclidium	Euclidium R. Br. (Cruciferae)
1. кресс (клоповник)	1. pepper-grass	1. Lepidium L.
2. кресс	2. madwort	(Cruciferae). 2. Labularia gen.
кресс бразильский	Para cress	Spilantes Jacq. (Compositae)
кресс водяной (жеруха)	water-cress	Nasturtium officinale R.Br. (Cruciferae)
кресс-салат посевной (кресс-салат)	garden cress	Lepidium sativum L. (Cruciferae)
крестовник	groundsel	Senecio L. (Compositae)
крестовник золотистый	gilt senecio	Senecio aureus
крестовник обыкновенный	common groundsel	Senecio vulgaris
крестовник плосколистный	flat-leaved senecio	Senecio platyphylloides
крестовница	crosswort	Crucianella L.(Rubiaceae)
крестьянская горчица (пастушья сумка обыкновенная, сумочник пастуший)	shepherd's purse, lady's purse, caseweed, windflower, shovelweed	Capsella bursa-pastoris
кривоцвет	wild bugloss	Lycopsis L. (Boraginaceae)
кринум	crinum	Crinum L. (Amaryllidaceae)
криптограмма	rock-brake, parsley fern	Cryptogramma R.Br. (Polypodiaceae)
криптомерия японская	Japan cedar	Cryptomeria japonica D. Don. (Pinaceae)
критмум (серпник)	samphire	Crithmum L. (Umbelliferae)
критский тимьян (душица)	Cretan marjoram	Majorana onites

критская, испанский хмель)		(<i>Origanum onites</i>)
кровохлёбка	burnet	<i>Sanguisorba</i> L. (Rosaceae)
кровохлёбка аптечная (кро- вохлёбка лекарственная)	garden burnet, greater burnet, great burnet, salad burnet	<i>Sanguisorba officinalis</i> L. (Rosaceae)
крокус (шафран)	saffron, crocus	<i>Crocus</i> L. (Iridaceae)
крокус посевной (шафран посевной)	saffron crocus	<i>Crocus sativus</i>
кроталария	rattle-box	<i>Crotalaria</i> Dill. (Leguminosae)
кротон	croton	<i>Croton</i>
кротон аптечный (кротон слабительный)	purging croton	<i>Croton tiglium</i>
крупка	whitlow-grass	<i>Draba</i> L. (Cruciferae)
крупка дубравная (крупка перелесковая)	woods draba, oak whitlow-grass	<i>Draba nemerosa</i>
крупные колокольчики	Canterbury Bells	—
крушина	buckthorn, bearwood, sallow thorn	<i>Rhamnus</i> L. (Rhamnaceae)
крушина американская (каскара, крушина Пурша)	cascara buckthorn	<i>Frangula purshiana</i> (<i>Rhamnus purshianus</i>)
крушина зазубренная	arrow-wood	<i>Viburnum dentatum</i>
крушина ломкая (крушина ольховидная)	alder buckthorn, black alder, glossy buckthorn	<i>Frangula alnus</i> Mill. (Rhamnaceae).
крушина слабительная (жостер)	purging buckthorn	<i>Rhamnus catharticus</i> L. (Rhamnaceae)
крыжовник	gooseberry	<i>Grossularia</i> Mill. (Grossulariaceae)
крылатка (форма семян, плод ясеня)	ashkey, samara, keyfruit	samara
крылотычинник	stone-cress	<i>Aethionema</i> R. Br. (Cruciferae)
ксантоксилум	prickly ash	<i>Xanthoxylum</i> Gmel. (<i>Zanthoxylum</i> L. (Rutaceae)
ксанториза	yellow-root	<i>Xanthorrhiza</i> L'Herit. (<i>Zanthorrhiza</i> Marsh.) (Ranunculaceae)
ксерофильный (засушли- вый)	xerophilous	xerophilus
ксерофит (растение засуш- ливых областей или безвод- ных почв)	xerophyte	xerophyti

кубеба (перец кубеба, перец хвостатый)	cubeba, cubeb pepper	Piper cubeba
кубышка (кувшинка жёлтая)	spatterdock, yellow pond-lily, candock pond-lily	Nuphar lutea Sm. (Nymphaeaceae)
кувшинка	pond-lily	Nymphaea gen.
кувшинка белая (лилия водяная)	water-lily, white water lily	Nymphaea alba L. (Nymphaeaceae)
кудзу	kudzu	Pueraria Benth. (Leguminosae)
кузьмичёва трава (хвойник двухколосковый, эфедра двухколосковая)	sea grape, common ephedra, joint-fir ephedra	Ephedra distachya L. (Ephedraceae)
куколь	mullein pink, corn cockle	Agrostemma githago
куколь обыкновенный	gith	Agrostemma githago
куколь посевной (обыкновенный)	corn cockle, cockle, cockweed	Agrostemma githago L. (Caryophyllaceae)
кукольван (коломбо)	cocculus	Cocculus DC. (Menispermaceae)
кукольван индийский (коккулнос индийский)	Indian cocculus, Indian snail-seed	Cocculus indicus
кукольван трёхлопастный (коккулнос трёхлопастный)	trilobate cocculus, trilobite snail-seed	Cocculus trilobatus
кукуруза (маис)	maize, corn, Indian corn	Zea mays L. (Gramineae)
кукуруза зубовидная	dent corn	Zea mays dentiformis L. (Gramineae)
кукуруза лопающаяся	pop corn	Zea mays everta Sturt. (Gramineae)
кукуруза обыкновенная (маис)	maize, Indian corn, flint corn	Zea mays L. (Gramineae)
кукуруза плёнчатая	pod corn	Zea mays tunicata Sturt. (Gramineae)
кукуруза сахарная	sweet corn, sugar corn	Zea mays saccharata Sturt. (Gramineae)
кукушкин лён	haircap-moss	Polytrichum L. (Polytrichaceae)
кукушкин цвет (дрёма)	ragged Robin, cuckoo-flower	1. Coronaria flos-cuculi (L) A.Br. (Caryophyllaceae). 2. Lochnis floscuculi
1. кукушкины слёзки (ятрышник пятнистый)	1. spotted orchis, spot leaf orchis, crowfoot	1. Orchis maculata
2. кукушкины слёзки	2. Job' tears	2. Coix lacryma
кульбаба	fall dandelion	Leontodon L. (Compositae)

куманика	blackberry, foxberry, bramble	Rubus fruticosus L. (Rubus suberectus An- ders.) (Rosaceae)
кумин (кмин тминовый, тмин)	cumin	Cuminum cyminum (cuminum odorum)
кумкват	kumquat	Citrus japonica Thunb. (Fortunella L.) (Rutaceae)
кунжут	sesame, blue plant	Sesamum L. (Pedaliaceae)
кунжут восточный (кунжут индийский, сезам купальница)	Indian sesame, Orien- tal sesame, benne globe-flower	Sesamum indicum (Sesamum orientale) Trollius L. (Ranunculaceae)
купена (полигонатум)	Solomon's-seal	Polygonatum Adans. (Liliaceae)
купена душистая (купена лекарственная, соломонова печать)	Solomon's seal, drug Solomon's seal	Polygonatum odoratum (Polygonatum officinale)
купена сибирская	Siberian Solomon's seal	Polygonatum sibiricum Delaroche
купырник (торилис)	hedge parsley	Torilis Adans. (Umbelliferae)
купырь	wild chervil	Anthriscus Hoffm. (Umbelliferae)
купырь лесной	forest anthriscus, syl- van anthriscus, wild chervil	Anthriscus sylvestris
курай (солянка русская, по- ташник, зольник)	Russian thistle	Salsola ruthenica Iljin. (Chenopodiaceae)
куркума	turmeric	Curcuma L. (Zingiberaceae)
куркума длинная (жёлтый имбирь)	common turmeric	Curcuma longa (Curcu- ma domestica)
куркума яванская (яванский жёлтый корень)	yellow-rooted tur- meric	Curcuma xanthorrhiza (Curcuma zanthorrhiza)
курчавка	goat's-wheat	Atraphaxis L. (Polygonaceae)
куст креозотовый	creosote bush	Larrea Cav. (Covillea- Vail.) (Zygophyllaceae)
кустарник с горькими пло- дами	wild service tree	Sorbus torminalis
кустистость	stooling	—
куфея	cuphea	Cuphea P. Br. (Lythraceae)



К О Н К У Р С Ы !

К О Н К У Р С Ы !

К О Н К У Р С Ы !!!

Итоги XVII регионального конкурса молодых поэтов-переводчиков 2012 года

Формула успеха: «Знания + умения + вдохновение!»

30 марта 2012 года на факультете иностранных языков ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского по инициативе Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России состоялся традиционный конкурс молодых поэтов-переводчиков Забайкалья.

Призеры: (с английского) Юлия Мусорина, Екатерина Коржова, Ирина Федорченко, Ксения Федорченко, Анастасия Халимова, Виктория Лиханова, Анна Василенко, Анна Райдун, Лилия Григорьева, Дмитрий Шешуков; (с немецкого) Екатерина Коржова, Лилия Краус, Анастасия Жеребцова; Валерия Кабаева; (с испанского) Елизавета Быкова; (с китайского) Анастасия Халимова, Лилия Григорьева, Алина Шайхутдинова, Мария Злыгостева, Валентин Шабанов; (с русского на английский) Анна Райдун; (с русского на немецкий) Анастасия Жеребцова.

С английского

William Blake (1757-1827)
Уильям Блейк

Перевод Юлии Мусориной
(ЗабКГИ)

Love That Never Told Can Be

Любовь быть может молчаливой

Never seek to tell thy love,
Love that never told can be;
For the gentle wind doth move
Silently, invisibly;

Не нужно громких слов любви,
Она быть может молчаливой.
Как дуновенье ветерка,
Беззвучной и незримой.

I told my love, I told my love,
I told her all my heart;
Trembling, cold, in ghastly fears.
Ah! she did depart!

Люблю тебя! Люблю тебя!
Кричало сердце, разрывалось,
Дрожало, трепетало; но она
Со мною всё же не осталась!

Soon after she was gone from me,
A traveller came by,

Ушла любимая, но вскоре
Какой-то путник удалой

Silently, invisibly:
He took her with a sigh.

**Перевод Екатерины Коржовой
(ЗабГГПУ, магистратура)**

Звон любви непостижим

Не постичь любовный звон,
Он вовек непостижим;
В нежном вальсе с ветром он
Стал безмолвен и незрим.

Я постичь любовь хотел,
К Ней влекла моя душа;
Трепеща, я зяб, мертвел –
Ах! ушла Она, ушла!

Вскоре после – пилигрим
Мимо шёл своей тропой.
Стал безмолвен и незрим
Он, забрав её с собой...

**Перевод Дмитрия Шешукова
(ЧИБГУЭП)**

О любви не говорят словами

Не говори словами о любви,
О ней не говорят, ей дышат.
Как нежный ветра вздох вдали,
Её не видят и не слышат.

Я ей в любви... в любви признался!
И сердце для неё открыл,
Волнуюсь и дрожа от страха,
Но ей ... отвергнут был.

Она покинула меня,
И странник, шедший мимо,
Незримо, слов не говоря,
Он завладел любимой.

Её беззвучно и незримо,
Слегка вздохнув, увлѣк собой.

**Перевод Федорченко Ирины
(Заб. жел. дор. агентство)**

О любви не говори

Никогда не говори
О любви напрасных слов.
Незримо, тихо прочь уйди,
Не сбудется любовь.

Я о любви своей твердил,
Я плакал и дрожал,
Я сердце ей свое открыл,
Но нет, не удержал.

А вскоре я покинут был.
Какой-то путник рядом
Незримо, тихо покорил
Ее одним лишь взглядом.

**Перевод Анны Райдун
(ЧИБГУЭП)**

Никогда в любви не признавайся,
Лишь в молчанье можно сохранить
Новизну и свежесть чувств. Старайся,
Словно ветер, шепотом любить.

Я говорил «люблю», в любви я клялся,
Ей сердце вместе с гордостью отдал.
Но с пустотой и горечью остался,
На ветер словно те слова бросал.

У меня ещё – разбито сердце,
А она уже ушла с другим.
Он слова любви ей нежно-нежно,
Шепотом, как ветер, говорил.

Перевод Анастасии Халимовой
(ФИЯ, ЗабГГПУ)

Любовь не выразить в словах,
Любовь и речь несовместимы;
Чуть слышно движутся ветра,
Так тихо и неуловимо.

Я о любви своей сказал,
Открыл ей свою душу;
Увы, любовь моя ушла,
Дрожа, скрывая ужас.

А путник, мимо проходя,
Так тихо и неуловимо,
Немного времени спустя
Ушёл с моей любимой.

John Greenleaf Whittier
(1807 – 1892)
Джон Гринлиф Виттер

The Worship of Nature
(extract)

The harp at Nature's advent strung
Has never ceased to play;
The song the stars of morning sung
Has never died away.

And prayer is made, and praise is given,
By all things near and far;
The ocean looketh up to heaven,
And mirrors every star.

Its waves are kneeling on the strand,
As kneels the human knee,
Their white locks bowing to the sand,
The priesthood of the sea!

They pour their glittering treasures forth,
Their gifts of pearl they bring,
And all the listening hills of earth
Take up the song they sing.

Перевод Викторией Лихановой
(ФИЯ, ЗабГГПУ)

Поклонение природе
(отрывок)

Арфа, что пела в день первый Природе,
Не прекращает играть;
Песне, что звёзды поют на восходе,
Не суждено умолкать.

Шёпот молитвы, хвалы голоса
В мире от края до края;
Море вздымает взгляд к небесам,
Звёзды в себе отражая.

Волны на бреге колени склоняют,
Словно взывая к богам,
Кудри седые к песку опускают.
Море, священен твой храм!

Струи сокровищ сверкающих льются,
В дар жемчуга рассыпают,
Слушают горы, как песни поются,
И в унисон подпевают.

**Перевод Екатерины Коржовой
(ЗабГГПУ, магистратура)**

Поклонение Природе

Природы арфа, раз явясь,
Не станет затихать;
Песнь звезд, что утром родилась,
Не станет замирать.

Живёт с молитвой и хвалой
Любой из нас везде;
Так океан вознёс взор свой,
Мерца в такт звезде.

И гребни волн падут на брег,
Как люд к святым мощам,
И пред песком склонён навек
Священный моря храм!

Сверкает клад в глубинах волн,
Даров жемчужных свет.
И внемля, всяк на суше холм
Их песне шлёт привет.

**Перевод Федорченко Ирины
(Заб. жел. дор. агентство)**

Поклонение Природе

Не смолкнет арфы чистый звон,
Пока Земля поёт.
Песнь звезд, пронзая небосклон,
Вовеки не замрёт.

Все сущее даёт обет.
И отражает вновь
Гладь океана звездный свет
И к небесам любовь.

Ряд белых волн, упав на брег
Коленями в пески,
Простерлись ниц, как человек,
Морей духовники.

Бесценных жемчугов дары
Приносят из глубин.
Прислушавшись, поют холмы
Им в след победный гимн.

**Перевод Лилии Григорьевой
(ФИЯ, ЗабГГПУ)**

Поклонение Природе

Натянуты струны арфы природы.
Ни на миг не оставят игры.
Утренних звезд завсегдатаи хоры
Лишь затихают. Они не мертвы.

Возданы почести, спеты молитвы
Всем, кто поблизости, тем, кто вдали.
И небеса океану открыты,
Звезд зеркала на котором легли.

Волны пред сушей падут на колени,
Словно живущие падают ниц.
Белых заливов склоняются тени –
Священство морей не имеет границ!

Игриво прольётся сокровищ богатство
Жемчужин морских, принесённых нам в дар.
И на просторах холмов вдруг раздастся
Песня, которая слышится вам.

Juliana Horatia Ewing
(1842? – 1885)
Джулиана Горация Эвинг

You ask me what since we must part
You shall bring back to me.
Bring back a pure and faithful heart
As true as mine to thee.

You talk of gems from foreign lands,
Of treasure, spoil, and prize.
Ah love! I shall not search your hands
But look into your eyes.

Emily Dickinson (1830 – 1886)

Nature rarer uses Yellow
Than another Hue.
Saves she all of that for Sunsets
Prodigal of Blue

Spending Scarlet, like a Woman
Yellow she affords
Only scantily and selectly
Like a Lover's Words.

Перевод Ксении Федорченко
(ЗабГУ)

У природы Желтых красок
Меньше, чем других,
Сберегает для закатов
Щедро-голубых.

Алый тратит без оглядки.
Ну, а Жёлтый цвет
Рассыпает лишь украдкой,
Как любви обет.

Перевод Ирины Федорченко
(Заб. жел. дор. агентство)

Желаешь знать, что подарить,
Ко мне вернувшись вновь;
Но мне не трудно угодить:
Верни свою любовь.

Ты говоришь о жемчугах,
Шелках чужих земель.
Любовь! Лишь утонув в твоих глазах
Я счастлива, поверь.

Перевод Юлии Мусориной
(ЗабКГИ)

Природа жёлтый цвет хранит,
Иного не щадя.
Повсюду – синь, и лишь закат
В оттенках янтаря.

Она так жёлтый бережёт,
Как женщина весну.
Даруя красоту любви
Лишь только одному.

Перевод Ирины Федорченко
(Заб. жел. дор. агентство)

Жёлтым балует природа
Реже, чем другим,
Дарит нам его в закатах
Вместе с Голубым.

Любит Алый, как кокетка.
Жёлтые огни
Оброняет скупой, редко,
Как слова любви.

**Перевод Анны Василенко
(магистратура КНР, г. Далянь)**

Жёлтый бережёт природа
Жалует оттенок всем другой,
Оставляя жёлтый для заката,
Расточает щедро голубой.

Алым красит, словно дама.
Жёлтый тратить сердце не велит,
Отпуская каплями ничтожно,
Как слова былой любви хранит.

**Ralph Waldo Emerson
(1803 – 1882)
Ральф Уолдо Эмирсон**

**Перевод Юлии Мусориной
(ЗабКГИ)**

Give all to love;
Obey thy heart;
Friends, kindred, days,
Estate, good-fame,
Plans, credit, and the Muse, –
Nothing refuse.
(extract)

Всё – на алтарь любви;
Всё – сердцу без остатка.
Друзей, родных и каждый миг,
Достоинство и честь,
Мечты и Вдохновенье –
Всё ей, – без сожаленья.
(отрывок)

**Перевод Анастасии Халимовой
(ФИЯ, ЗабГГПУ)**

Всё отдавай любви
И сердцу подчинись:
Друзей, родных и дни,
Честь, славу, жизнь,
Долг, планы, Вдохновенье, –
Отдай всё без сомненья.
(отрывок)

С немецкого

Joseph Freiherr von Eichendorff
(1788 – 1857)

Джозеф Фрайхер Эйхендорф

Die Nachtblume

Nacht ist wie ein stilles Meer,
Lust und Leid und Liebesklagen
Kommen so verworren her
In dem linden Wellenschlagen.

Wünsche wie die Wolken sind,
Schiffen durch die stillen Räume,
Wer erkennt im lauen Wind,
Ob es Gedanken oder Träume? –

Schließ ich nun auch Herz und Mund,
Die so gern den Sternen klagen:
Leise doch im Herzensgrund
Bleibt das linde Wellenschlagen.

Перевод Валерии Кабаевой
(МОУ СОШ № 38)

Ночной цветок

Ночь, словно тихое море...
Любовь, желанья и горе
Нахлынули, перемешались,
В прибое тёплом остались.

Облакам и желанья подстать,
И лодки на морском просторе.
Кто может в ветре распознать,
Как дума с грёзой спорят?

Сомкну уста и сердце закрою,
Что жалобы шлют небесам.
Останутся в сердце звуки прибоя
И волн разговор по душам...

Перевод Екатерины Коржовой
(ЗабГГПУ, магистратура)

Лепесток Ночи

Ночь, как миг морской тиши,
Смех и скорбь и душ стенанья,
К нам в смятении спешит,
Нежно волны колыхая.

Пусть душа, как облака,
В тихом небе проплывает,
За вуалью ветерка
Дум и грёз никто не знает.

Укрошу теперь дух мой,
Что так страстно к звёздам рвётся,
Но безмолвный волн прибой
В недрах сердца остаётся.

Перевод Лилии Краус
(учитель МОУ СОШ № 47)

Ночь словно море тиха,
Радость, страданье, любовь,
Нежной истомы волна,
Смущает меня вновь и вновь.

Желания как облака
Сквозь тихий чертог проплывают
И в ветре случайном мечта
Или думы... Ну кто его знает...?

Сомкну я и сердце и рот,
Что к звёздам охотно взывают,
Истома же в сердце падёт,
Нежность свою сохраняя.

**Перевод Анастасии Жеребцовой
(магистратура ЗабГГПУ)**

Ночной цветок

А ночь как тихий океан,
Печаль и радость и любви страданья
Запутавшись, приходят к нам
Прибоем кротким на свиданье.

Желания как облака
Плывут сквозь тихое пространство,
И не узнать у ветерка
То ли мечтанье, то ль коварство.

Запру на ключ уста и сердце,
Они тревожат звёзды ноя:
И приоткрыта только дверца
Для нежного волны прибоя.

**Joseph Freiherr von Eichendorff
(1788 – 1857)
Джозеф Фрайхер Эйхендорф**

**Перевод Анастасии Жеребцовой
(магистратура ЗабГГПУ)**

Der wandernde Musikant

Странствующий музыкант

Wandern lieb ich für mein Leben,
Lebe eben wie ich kann,
Wollt ich mir auch Mühe geben,
Paßt es mir doch gar nicht an.

Странствовать мо` призванье
Всё ж живу я, как могу,
Я б хотел вложить старанья,
Но это мне не по нутру.

Schöne alte Lieder weiß ich,
In der Kälte, ohne Schuh'
Draußen in die Saiten reiß ich,
Weiß nicht, wo ich abends ruh

Много песен старых знаю,
Без сапог в мороз иду,
Струны рву, не понимая,
Где я вечер проведу.

**Перевод Валерии Кабаевой
(МОУ СОШ № 38)**

**Перевод Лилии Краус
(учитель МОУ СОШ № 47)**

Странствующий музыкант

Бродячий музыкант

Вся жизнь в дорогах и в пути,
лишь только так умею жить.
Хотел Судьбу я обойти –
Не смог себя приноровить.

Люблю по жизни я скитаться,
Как раз вот так, как надо мне,
Пытался делом я заняться,
Но понял, – это не по мне.

Знал много старых песен,
Пел на морозе, без сапог,
Рвал струны... Хоть мир тесен,
Где вечер встречу – знать не мог.

Joseph Freiherr von Eichendorff
(1788 – 1857)
Джозеф Фрайхер Эйхендорф

Abend

Gestürzt sind die goldnen Brücken
Und unten und oben so still!
Es will mir nichts mehr glücken,
Ich weiß nicht mehr, was ich will.

Von üppig blühenden Schmerzen
Rauscht eine Wildnis im Grund,
Da spielt wie in wahnsinnigen Scherzen
Das Herz an dem schwindligen Schlund.

Da fühl ich ein tiefes Entzücken,
Nun weiß ich wohl, was ich will,
Es bauen sich andere Brücken,
Das Herz wird auf einmal still.

Der Abend streut rosige Flocken,
Verhüllet die Erde nun ganz,
Und durch des schlummernden Locken
Ziehn Sterne den heiligen Kranz.

Theodor Storm (1817 – 1888)
Теодор Шторм

Die Nachtigall

Das macht, es hat die Nachtigall
Die ganze Nacht gesungen;
Da sind von ihrem süßen Schall,
Da sind in Hall und Widerhall
Die Rosen aufgesprungen.

Sie war doch sonst ein wildes Blut;
Nun geht sie tief in Sinnen,
Trägt in der Hand den Sommerhut

Я много старых песен знаю
И в холод босиком хожу,
На воле струны рву, не зная,
Где нынче вечер проведу.

Перевод Лилии Краус
(учитель МОУ СОШ № 47)

Вечер

Златые упали мосты
И выси и доли в тиши!
Я счастья себе не желаю,
Чего я хочу, я не знаю.

От боли, что грани не знает,
Пустошь травой шелестит
Как в шутке безумной, играя,
Сердце над бездной щемит.

Глубокий восторг ощутив,
Чего я хочу, теперь знаю,
Встанут другие мосты,
А сердце покой обретает.

Вечер алой зарёй заливает
Всё вокруг, из конца в конец,
И сквозь сонные кудри, играя,
Звёзды тянут священный венец.

Перевод Анастасии Жеребцовой
(магистратура ЗабГГПУ)

Соловей

Я знаю это соловей
Все ночь пропел свирелью;
От сладких звуков тех речей
И в отзвуке лесных теней
Открылись розы пению.

Звала её молодая кровь;
Она лишь в размышленьях
Хватает шляпу летом вновь

Und duldet still der Sonne Glut
Und weiß nicht, was beginnen.

И терпит снова солнца зов,
И стихнет вдруг в сомненьях.

Das macht, es hat die Nachtigall
Die ganze Nacht gesungen;
Da sind von ihrem süßen Schall,
Da sind in Hall und Widerhall
Die Rosen aufgesprungen.

Я знаю это соловей
Все ночь пропел свирелью;
От сладких звуков тех речей
И в отзвуке лесных теней
Открылись розы пению.

С испанского

Lope de Vega (1562 – 1635)
Лопе де Вега

Перевод Елизаветы Быковой

Лишаться чувств, осмеливаться, злиться,
Суровым, нежным быть, свободным, скрытным,
Отважным, роковым и мёртвым, и живым.
Быть верным, предавать, бояться и храбриться.

Не видеть выхода, добра, не знать ни отдыха, ни сна;
Быть радостным и грустным, покорным и надменным,
Рассерженным, бесстрашным, вдохновенным,
Таить обиду, утешаться, сомневаться.

Бежать людей и разочароваться.
Из нежного ликера яд испить,
Забыть о пользе, недостаток полюбить.

Считать, что небо умещается в аду,
Дарить и жизнь, и душу сожаленью.
Всё это я любовью назову.
Те, кто любил – поверят, без сомненья.

С китайского

Ван Го Чжен

Перевод Алины Шайхутдиновой
(ФИЯ, ЗабГГПУ)

Перевод Анастасии Халимовой
(ФИЯ, ЗабГГПУ)

День за днем

Двенадцать часов в сегодняшнем дне.
Это мои двенадцать гостей.
Каждый приходит и снова долой,
Последний закат уведёт за собой.
Отвечать на вопросы всё времени нет
И сумерки тихо приходят ко мне.
Шепчу им «Друзья, не скажу вам ответ»,
Ведь каждое слово – что рана в душе.
И сумерки снова тайком исчезают,
А меня, одинокого, ночь обнимает.

Страницы книги – мои годы.
И весь я отразился в них.
Здесь есть и радость, и невзгоды,
Печали вздох и счастья миг.
Помню сестра мне говорила,
Что годы старость принесут.
«Нет-нет, сестра» – я возразил ей,
– Годы лишь к зрелости ведут.

Ли Гун пу

Сад на улице Бей Мэн

Перевод Злыгостевой Марии
(ФИЯ, ЗабГГПУ)

Перевод Лилии Григорьевой
(ФИЯ ЗабГГПУ)

В саду у северных ворот

Не грусти, столетний дуб могучий,
Ведь вокруг тебя растут цветы.
Хоть и дремлет этот сад цветущий,
В тишине так много красоты.

Не говори ты мне, что одинок,
Вокруг покорным лесом окружённый.
Уснёт трава, прекрасный спит цветок,
И сад стоит, в сон крепкий погружённый.

На рассвете тёплыми лучами
Будет солнышко тебя ласкать,
На закате птичьим щебетаньем,
Доброй ночи сможет пожелать.

В верхушках леса птаха закружит.
Лоб поцелует небо в день ненастный.
Всё сказано, беседы отложи...
Ведь на Сишань закат сейчас прекрасный.

**Перевод Валентина Шабанова
(ФИА ЗабГГПУ)**

Не говори, что одинок;
Большое дерево с тобой.
И яркие цветы благоухают.
Спокойствие вокруг
И шум шагов стихает.

Ты пташкой раннею
У дерева кружишь,
И облака тебя целуют
Утром нежно-нежно.
А вечером, заботы отложив,
Любуешься закатом безмятежно.

Забайкальская поэзия

С русского на английский язык

Виктор Балдоржиев

**Перевод Анны Райдун
ЧИБГУЭП)**

Нанизывай строчку за строчкой...

Stitch by a stitch you can string...

Нанизывай строчку за строчкой,
И грёзы твои, и мечты
Как листья из лопнувших почек
Появятся, после – цветы.

Stitch by a stitch you can string
Wishes, and thoughts, and dreams.
Like leaves in the early spring
They will blossom from these seeds.

А корни глубоко, в фольклоре.
Но слышишь ты голос с небес,
И видишь такие узоры,
Которыми вычерчен лес.

With the roots, those are deep in history
You are so closely linked.
You can follow the footprint of nature
You can hear the voice of wind.

Ты чувствуешь как по волокнам
Стремится живительный сок,
И бабочка бьётся о стекла,
И рвётся в огонь мотылёк.

You know how the trees are growing,
You notice the flitting of moths,
You see how the river is flowing
And feel the sunshine's warmth.

Ты слышишь как небо ночное
Дождями с землей говорит,
И сладостно влажной землёю
Строка твоя пахнет, звучит.

Your stitches smell like the night sky
And sound like the patter of rain.
You read them and you can fly,
You read them and can feel pain.

Ты зреешь, и ширятся своды,
А люди твердят – ты поэт...
Ты мысль и частица природа,
Которым названия нет.

You grow and horizon broadens,
People admire your thoughts.
You are becoming a poet –
The part of Nature and World.

С русского на немецкий

**Перевод Анастасии Жеребцовой
(магистратура ЗабГГПУ)**

Du reihst auf Zeile für Zeile...

Du reihst auf Zeile für Zeile,
Erscheinen die Träume sofort,
Wie Blätter der reißenden Knospen
Und Blumen danach siehst du dort.

Die Wurzeln sind tief in den Zeiten.
Doch hörst du vom Himmel den Schall,
Und siehst du anmutige Zeichen,
Sie schildern so deutlich den Wald.

Du findest schon, wie durch die Adern
Der lebende Saft mutig strebt,
Der Schmetterling stößt sich an Fenstern
Der Falter im Feuer verbrennt.

Du hörst, wie der nächtliche Himmel
Mit der Erde regnerisch spricht,
Nach wonnevoll feuchtem Boden
Klingt deine Zeile und riecht.

Du reifst und die Bogen sind breiter,
Mich hat man als Dichter genannt...
Den Teil der Natur bringst du weiter,
Der nie mit dem Titel benannt.

Осенние восьмистишия

За городским мудрёным разговором,
Когда всему поверить ты готов,
Узреешь ложь сердечным чутким взором
И умысел, вплетённый в сети слов.

И вспыхнет ярко в памяти картина,
Затмив людскую подлость на устах:
Орел степной, парящий в небе синем
И одинокий всадник в ковылях...

**Перевод Анастасии Жеребцовой
(магистратура ЗабГГПУ)**

In städtischen und klügeren Gesprächen,
Und wenn du schnell Vertrauen erkennst,
Kann schon dein Blick und Herz solch ein Gefühl verbrechen,
Die Lüge, die hineingeflochten ist.

Und kannst du dich ans Bild so schnell erinnern,
Das schnell verdunkelt die Gemeinheit auf dem Mund:
Der Steppenadler schwebt im blauen Himmel,
Das Federgras der Reiter einsam spürt.

Для меня гладиолус опять расцветает,
Согревает берёза сосновый мой дом.
Бескорыстно и щедро Земля одаряет
Неразумных людей красотой и теплом.

Мы любить не умеем, но только любимы –
Нас Земля никогда не устанет любить!
Почему же не можем так ярко цвести мы
И – любовь свою ближним так щедро дарить?

**Перевод Анастасии Жеребцовой
(магистратура ЗабГГПУ)**

Und für mich meine Blume blüht wieder aus
Und die Birke mein Haus hat wärmer gemacht,
Doch die Erde verschenkt und hat wie zu Haus'
Unvernünftigen Menschen die Wärme gebracht.

Keine Liebe wir kennen, wir sind nur Geliebten,
Wird die Erde nie müde, sie liebt uns mit Lust,
Und warum wir beschenken nie mit den Blüten –
Hat man oft seine Nächsten mit Liebe geküsst?



Перлы переводчиков

Переводчики НЕ шутят...

Коллекция переводческих перлов от издательства
«Практика»¹

- * *В часы отдыха врача могут посещать необычные фантазии о больном.*
- * *В этой главе вечно занятому терапевту дано представление о наблюдении и лечении больных.*
- * *В ухо могут заползть насекомые и, не находя выхода, вызывать раздражение.*
- * *Лучше всего отзываться на чувства больного сразу, как только он их проявляет.*
- * *Общий анализ крови полезен, но не для постановки диагноза.*
- * *До лечения собирают собственный костный мозг больного и сохраняют в замороженном состоянии, а затем возвращают ему.*
- * *Кормление клеща проходит безболезненно.*
- * *Передаче фрамбезии среди детей способствует скудная одежда.*
- * *Больные гепатитом обычно чувствуют себя нездоровыми.*
- * *Пациента с разогнутой головой укладывают на спину.*
- * *Больного инструктируют в отношении ожидаемого выздоровления.*
- * *Если отдыхающий на природе человек сел на паука, укусы приходятся на ягодицы и половые органы.*

¹ http://translations.web-3.ru/reading/article/?act=full&id_article=480

- * *Человеческая блоха Pulex irritans водится на кроватях.*
- * *Механические травмы способствуют воспалению комедонов. Это можно увидеть у спортсменов, которые носят повязки на лбу или на подбородке.*
- * *Как у женщин, так и у мужчин, существует целый ряд слабых мест, в которых процесс размножения нарушается.*
- * *Для выявления недержания мочи следует спросить больного в нейтральной форме или прямо.*
- * *Задача врача – дать возможность больному почувствовать себя таковым.*
- * *Нужно избегать ненужных замечаний в медицинских документах, противоречащих законам.*
- * *Нужно поощрять движения больной в кровати.*
- * *Стандарт включает восемь уровней инвалидности и четыре уровня недееспособности.*
- * *Некоторые врачи рекомендуют больным специальную диету с малым содержанием бактерий.*
- * *У длительно болеющих психологическими тестами можно выявить расстройство интеллекта.*
- * *В домах, где живут и бывают дети, алкогольные напитки, лекарственные средства, продукты бытовой химии...*
- * *В некоторых семьях анкилозирующий спондилит и реактивный артрит встречаются с завидным постоянством.*
- * *10% из 444 больных не смогли поставить диагноз и, подозревая аппендицит, провели лапаротомию.*
- * *Если за это время состояние больного улучшится, пятидневные курсы лечения повторяют до тех пор, пока улучшение не прекратится.*

- * *При старении меняются размеры и состав тела.*
- * *В США выявлено 50 000 предприятий, вырабатывающих вредные отходы. 1000 из них включены в список Национальных приоритетов по охране окружающей среды.*
- * *В ране личинки сначала питаются некротизированными тканями, а затем приступают к здоровым.*
- * *Иногда больной не придаёт значения важным симптомам, но выпячивает незначительные жалобы.*
- * *Благоприобретённые заболевания.*
- * *Случай натирания повязок. Следы от повязок различны и зависят от толщины повязки и эффектов натирания при сопротивлении ребёнка. В этом случае старшим был завязан ребёнку бант от передней части лодки.*

Сведения об авторах

Александровский Сергей Анатольевич (Харьков, Украина)

Окончил факультет иностранных языков Харьковского госуниверситета. С 1982-го по 1989-й год работал на том же факультете внештатным преподавателем испанского и английского языков. Поэт-переводчик. Переводы с английского: Джон Мильтон. Возвращённый Рай (2001). В 2006 г. перевод опубликован Российской Академией Наук в серии «Литературные памятники»), Джеффри Чосер. Книга о королеве. Птичий парламент (2004), Александр Монтгомери. Вишня и Тёрн. Сонеты (2007), Джон Китс. Малые поэмы (2012), Из шотландской поэзии XVI–XIX вв. (2012); Перевод с португальского – Фернандо Пессоа (1989); перевод с испанского – Хулиан дель Касаль. Хосе Марти. Среди сумерек и теней. Избранные стихотворения. (2011); Переводные стихи также опубликованы в антологиях: «Шедевры любовной лирики. Зарубежная поэзия. Серия: Мировая классика» (2005), «Строфы века», «Строфы века-2», «Век перевода» (тт. 1–3), «Семь веков английской поэзии» (тт. 1–3. (2007)). В 2007 году вышла в свет книга «Факсимиле. Стихотворения и переводы».

Ахвердян Гаянэ (Ереван, Армения)

Окончила факультет русского языка и литературы Ереванского государственного лингвистического университета и аспирантуру при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Работала в доме-музее поэта Ованеса Туманяна, редактором в журнале АН, библиотекарем в лингвистическом университете. Изучает поэзию Анны Ахматовой, пишет стихи на русском языке, занимается переводами. Опубликовала 2 сборника стихов: «Нежность к чёрному голубю» (Ереван, 2002) и «Меня покинувший ангел» (Ереван, 2005). Печаталась в журналах «Литературная Армения» и «Дикое поле».

Балдоржиев Цырен-Ханда (Виктор Балдоржиев)

(с. Новая Заря, Заб. край)

Учился в Благовещенском госпедуниверситете и на историко-филологическом факультете Читинского госпединститута им. Н. Г. Чернышевского. Известный забайкальский русскоязычный писатель, журналист, член Союза писателей России, член Союза журналистов СССР с 1982 г., член Совета Всебурятского Центра Развития Культуры. В 2005–2009 гг. возглавлял Читинскую писательскую организацию. Кавалер медали А. С. Пушкина (2008). Работал трактористом, чабаном, пастухом, стригалём. Автор романов «Разные люди» (1991), «Последние войны волков» (2004); стихотворного сборника «Каторга» (1992) и др. Поэт-переводчик с бурятского и монгольского языков. Изданы книги авторизованных переводов с бурятского языка: «Свет родимых вершин» (1996), «Алханай – Шамбала моей души» (1999),

Рассказы (1999), «Звезда над степью» (2000), «Между Алханаем и Ямато» (2002).

Белокрылов Иван Александрович (Москва)

Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Поэт-переводчик, журналист. Служил в армии. Работал геологом, плотником, дворником, редактором. Автор сборника стихов и переводов «Солнечное сплетение» (2002). Участник международного фестиваля «Стружские вечера поэзии» (Македония, 1996, 2000). Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001). Член Союза писателей, Союза переводчиков и независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы». Стихи и философские миниатюры переведены на македонский, китайский и словацкий языки. Среди переводов – стихи македонских, сербских, хорватских, венгерских, английских, итальянских, китайских и мальтийских поэтов.

Боброва Ирина Анатольевна (Чита)

Окончила университет им. Гумбольдта в Берлине (Германия) и аспирантуру по германской филологии при ЛГПИ им. А. И. Герцена. Кандидат философских наук, доцент кафедры немецкой и французской филологии и лингводидактики. Работает заместителем директора ООО «Забайкальский лингвистический центр «Прогресс». Является одним из авторов учебного пособия для студентов немецкого отделения педагогических университетов «Мой край – Забайкалье» (2009). Действительный член Союза переводчиков России. Имеет публикации в разделах «Земля Даурская» и «Лексикография» журнала «Переводчик».

Брилёва Валентина Родионовна (Чита)

Работает в городской библиотеке им. М. М. и Е. П. Нарышкиных. Автор поэтического сборника «Любовь» (2000). Переводит английскую классическую поэзию. Автор трёх персональных фотовыставок: «Жизнь – диво в искристых красках...» (2007), «...Радость прежде всего пробуждать» (2008), «Жизни земное отраженье» (2009).

Букина Елена Ивановна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Автор учебных пособий *Feminism and Women' Issue* (2009), *Making a Good Presentation in English* (2012). Занимается гендерными исследованиями.

Васильев Владимир Ефимович (Санкт-Петербург)

Поэт-переводчик. Окончил переводческий факультет (французское отделение) Первого Ленинградского государственного педагогического институ-

та иностранных языков. С 1955 до пенсионного возраста – сотрудник Библиотеки Академии наук СССР (ныне Российской академии). В 1975 году принят в Союз писателей СССР, в 1992 – в Союз писателей Санкт-Петербурга, в 2007 – в союз Мастеров литературного перевода, в 2008 – в Союз российских писателей. Основные публикации: Испанская классическая (иллюстратор Михаил Шемякин), Французская классическая и Английская классическая эпиграмма (последняя вместе с переводами С. Маршака), выпущенные московским издательством «Художественная литература» соответственно в 1970, 1979 и 1987 годах; двуязычная Антология французской эпиграммы = *Anthologie de l'épigramme française*. (М., 2006). Является также составителем, автором вступительных статей и активным переводчиком четырёхтомной антологии «Всемирная эпиграмма» (СПб., 1998); двухтомника: Лафонтен, Жан де. Полн. собр. басен в XII кн. Илл. Гюстава Доре. (СПб., 2009) и кн.: Французская басня в переводах русских поэтов = *Fables françaises traduites par les poètes russes*. (М., 2009). За «Всемирную эпиграмму» отмечен Царскосельской премией; книга премирована также Ассоциацией книгоиздателей России – АСКИ – как лучшее издание года в номинации «За вклад в укрепление взаимопонимания между народами» (по определению Московского отделения ЮНЕСКО). За «Антологию французской эпиграммы» получил премию им. М. Н. Ваксмахера, присуждаемую французским посольством в Москве переводчику книги.

Веллер Торстон (Германия)

В 2005 г. поступил на факультет общественных и экономических наук университета Бамберга, где изучал политологию и социологию. В 2007 г. получил стипендию им. Еразмуса и в течение года учился в университете «Париж-10 Нантер». В 2010 г. окончил французский институт геополитики. В 2010/11 уч. г. изучал русский язык в ДВФУ во Владивостоке. С сентября 2011 г. работает лектором фонда им. Роберта Боша на факультете иностранных языков ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского.

Володарский Леонид Александрович (Москва)

Член Союза российских писателей и Союза писателей Москвы. Автор книг «Окраина Москвы», «Провинция Вселенной», «Голубица Мастера», «Мемориальный дождь», «Знак Оповещения». Лауреат премии Московского комсомола и Московской писательской организации (1984) и лауреат Международного литературного фонда Венгерской Академии Наук (1996, 2001). В Венгрии переводились и публиковались стихи Леонида Володарского и поэма «Одиннадцать снов» (2006). С 1995 года – председатель независимой писательской ассоциации «Лютня Ориолы», раз в месяц проводящей свои вечера в Центральном Доме Литераторов.

Воропаев Николай Николаевич (Москва)

Окончил китайско-английское отделение Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат

филологических наук. Работает редактором-переводчиком отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания Российской Академии Наук.

Гусев Юрий Павлович (Москва)

Окончил филологический факультет МГУ и аспирантуру при ИМЛИ. Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра по изучению современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы. С 1994 г. работает в Институте славяноведения ведущим научным сотрудником. Специалист по венгерской литературе. Исследует венгерскую поэзию и прозу, преимущественно XX в. Автор монографии о венгерской литературе 1970–1980-х гг. в контексте литератур других стран Центральной и Юго-Восточной Европы, статей о венгерском диссидентстве второй половины XX в., о факте и вымысле в историческом романе, о венгерской литературе в Австро-Венгерской монархии, о творчестве Имре Мадача, Имре Кертеса. Написал (совместно с В. Т. Середой) главу о венгерской литературе в коллективном труде «История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны» (М., 2001. Т. 2). Переводит венгерскую художественную литературу, член творческого союза «Мастера художественного перевода». В 2011 г. получил премию Фонда Милана Фюшта Венгерской академии наук за заслуги в области художественного перевода. Переводчик с венгерского языка. Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук.

Дылыкова Цыпилма Дугдамовна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по зарубежной филологии при ЗабГГПУ. Кандидат культурологии, занимается сравнительным анализом античной и европейских литератур.

Ковалева Ирина Владимировна (Москва)

Окончила 2-й МОЛГМИ и Литературный институт имени А. М. Горького. В 1990 г. была удостоена премии Гуманитарного фонда им. А. С. Пушкина, неоднократно принимала участие в работе международного фестиваля в Македонии «Стружские вечера поэзии». Член Союза писателей Москвы и Союза российских писателей. В 1996 году вместе с поэтами Леонидом Володарским и Иваном Белокрыловым основала Независимую писательскую ассоциацию «Лютня Ориолы». В 2001 году за переводы средневековой поэзии получила Большую премию Международного литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук. Переводит стихи английских, македонских, сербских, хорватских, венгерских и болгарских авторов. В 2001 г. стала лауреатом премии журнала СП Москвы «Кольцо А». Основные книги (поэзия): «Четвёртая троя» (1993), «Кесарево сечение» (1995), «Вёрстка мира» (2002). Стихи вошли в антологию «Русская поэзия – XX век». Автор многих публицистических статей из области медицины.

Макаров Борис Константинович (с. Акша, Заб. край)

Известный забайкальский поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времён» (2001). Более тридцати лет занимается переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились ещё два сборника переводов с бурятского – «Степные берёзы» и «Когда поёт кукушка». В 2009 году к 70-летию поэта со дня рождения было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва: Изд-во «Русь»).

Маркова Нина Алексеевна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Действительный член Союза переводчиков России. Является постоянным автором раздела «Лексикография», составитель Русско-английско-латинских словарей флоры и фауны в помощь переводчику.

Оганян Арам (Ереван, Армения)

Окончил романно-германское отделение филфака МГУ. Член Союза переводчиков России. Работает синхронистом, переводчиком художественной и технической литературы. Рабочие языки русский, армянский, английский. Круг его переводческих интересов охватывает произведения Рэя Брэдли, Уильяма Сарояна, Майкла Арлена-младшего, Джона Апдайка, Амброза Бирса, Роберта Шекли, Джеймса Тарбера, Г. К. Честертон, Роальда Дала, а также Аксея Бакунца, Гранта Матевосяна, Агаси Айвазяна и Левона Хечояна. Перевод книги Майкла Арлена-младшего «Путешествие к Арарату» был впервые опубликован в 1990 году в журнале «Литературная Армения», № 4-6; сборник переводов с английского из Р. Брэдли (Ереван, 1991), роман Р. Брэдли «Зелёные тени, Белый Кит» (М., 2001), сборник из пятидесяти рассказов У. Сарояна «Ученик брадобрея» (М., 2004). Участие в переводе сборника рассказов Дж. Апдайка «Голубиные перья» (2005), сборник произведений Агаси Айвазяна на английском языке *The Salt Mine Earl* («Солёный Граф», 2005). Роман Левона Хечояна «Чёрная книга, увесистый жук» (*Black Book, Weighty Bug*) в переводе А. Оганяна на английский язык (Лондон, 2008), сборник рассказов У. Сарояна «Кулачный бой за честь Армении», куда вошли 24 рассказа и «Притчи Сарояновы» (М., 2010).

Панкратова Элеонора Леонидовна (Москва)

Окончила МГУ, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Представитель России в международной комиссии ФИТ по литературному переводу. Почётный член Гамсуновского общества. Член международной ассоциации скандинавистов IASS. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсмюена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История Психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (Афтенпостен Проза Forfatteren) и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.

Переяслов Николай Владимирович (Москва)

Окончил заочно Литературный институт имени А. М. Горького. Поэт, критик, прозаик, журналист. Работал шахтёром, геологом, инструктором туризма, завхозом в геологической партии, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России, секретарём Правления Союза писателей России, помощником мэра Москвы и на других работах. Член Союза журналистов Москвы, Международной Федерации журналистов и Международной Ассоциации писателей и публицистов. Действительный член Петровской Академии наук и искусств. Печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Грузии, Армении, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, Германии, Болгарии, США, Китая и других стран. Автор 21 книги стихов, прозы, критики и поэтических переводов. Участник Первой Международной поэтической конференции в Каире, Конгресса народов России в Якутске, Выездного пленума Союза писателей России в Чечне, Дней литературы в Ереване, Белгороде, Липецке, Ашхабаде, Харькове, Гурзуфе, Якутске и других городах. Лауреат Большой литературной премии России (2006), победитель конкурса Совета муфтиев России «Пророк Мухаммад – милость для миров – 2010» и других наград.

Сагратян Ашот Аристакович (Москва)

Окончил русское отделение филологического факультета университета им. Молотова, затем Литинститут им. А. М. Горького. Учился в аспирантуре Института мировой литературы. Писатель, поэт, художник. Воспитатель переводческих кадров: с 1969 по 1995 гг. руководил творческим семинаром в Литературном институте им. А. М. Горького, читал лекции по теории перевода и психологии творчества, в том числе и на Высших литературных курсах. С 1968 года журналист-международник. Аккредитован в Государственной

Думе РФ. Перевёл 27 книг. Пишет сказки. За уникальные разработки в области этнопедагогике в 1998 г. был избран членкором Академии педагогических и социальных наук, а в 1999 г. – действительным членом АПСН. По его письму в Политбюро в 1988 г. в Москве была открыта первая национальная воскресная школа. А. Сагратян – участник международных симпозиумов. В 1999 г. был удостоен Золотой пушкинской медали. Автор книги «Введение в опыт перевода. Искусство, осязаемое пульсом» (2001), которая посвящена 1700-летию принятия христианства государственной религией Армении. В 2009 году награждён медалью В. Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке. В 2010 году выпустил поэтический сборник, посвящённый 65-летию Великой Победы.

Сапёлкин Андрей Александрович (Владивосток)

Филолог-лингвист. Кандидат исторических наук. Заведующий кафедрой иностранных языков Государственной Дальневосточной Академии искусств в г. Владивостоке. Переводит с итальянского, английского, немецкого, французского и польского языков. В настоящее время работает над докторской диссертацией по филологии. Работа посвящена поэтическому творчеству итальянского поэта (и композитора) Арриго Бойто. Автор перевода на русский язык основных произведений Бойто, а также стихов некоторых других скапильятов. В 2011 году в Германии в издательстве LAP LAMBERT вышла монография «Поэтическое творчество Арриго Бойто. Дуализм личности».

Славороссова Евгения Алексеевна (Москва)

Поэт, переводчик, журналист. Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Работает шеф-редактором познавательного журнала «Детская школьная академия». Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд». Написала несколько сказочных повестей для детей. Публикует статьи на темы литературы и искусства в журнале «Чудеса и приключения». Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям».

Сокольских Николай Николаевич (Чита)

Окончил ЗабГГПУ им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по зарубежной литературе при филологическом факультете ЗабГГПУ. Кандидат культурологии.

Стельмак Ольга Викторовна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Москве. Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, поэт-переводчик, действительный член Союза переводчиков России, руководитель Забайкальского регионального отделения СПР, главный редактор научно-

художественного журнала «Переводчик», директор ООО «Забайкальский лингвистический центр «Проогресс». Основные работы: «Англо-русский учебный словарь экономических и коммерческих терминов» (1993), словари в помощь переводчику: Англо-русский словарь стихотворных терминов, Англо-русский словарь цветоименований, Англо-русский словарь поэтизмов (2002); учебные пособия для студентов «Britain Is Never Distant» (1995), «Business English» (1996). Книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда ...» (1998), 2-е изд. (2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грез ...» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006).

Суханова Татьяна Ивановна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Ленинграде. Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Действительный член Союза переводчиков России. Переводит буклеты, фотоальбомы, озвучивает видеофильмы о Забайкалье на английском языке, выполняет письменные переводы различной тематики. Участник программы фонда «Оксфорд – Россия» по преподаванию современной британской художественной литературы в вузах. Координатор работы факультета иностранных языков ЗабГГПУ с американской некоммерческой организацией «Сибирские мосты». Член редколлегии журнала. Редактор и постоянный автор раздела «Земля Даурская» журнала «Переводчик».

Тиховская Ольга Александровна (Москва)

Училась в Кишинёвском госуниверситете и во ВГИКе. Работала редактором, корреспондентом, преподавателем английского языка в колледже Молдавского университета и английских спецкурсов в Институте менеджмента при Молдавском университете. С 1995 года работала в рамках американских академических программ в США. Автор учебных курсов и программ специального профессионального обучения, а также многих просветительских программ. Постоянно сотрудничает с Центром американистики (Кишинёв), с «Тверской Группой ИнтерКонтакт» (Тверь), с культурными и благотворительными организациями в рамках программ еврейского возрождения в бывшем СССР. Переводы пьес и киносценариев: Матей Вишняк «Требуется клоун» (с румынского); Альфред Ури «Последний бал» (с английского); Леонид Рыбаков «Три солнца» (с русского на английский); Елена Кушнир «Свидание» (с русского на английский); фольклорные инсценировки «Василиса Премудрая» и «Колобок» (с русского на английский). Переводы с русского на английский поэтических произведений А. Галича, О. Мандельштама, Н. Гумилёва, Е. Чертковой. Переводы с испанского на русский поэтических произведений Х. Р. Хименеса. Переводы молдавских народных песен на русский и английский. Переводы с языка идиш на русский народных песен и стихотворений Ицика Мангера. Переводы дикторских текстов к документальным

фильмам (с русского на английский): «Свет в окне», «Фестиваль еврейской книги», «Кармиэль ждёт», «Феномен Бирштейна», «Новый паспорт». Переводы материалов для экспозиций, тематических выставок и буклетов.

Ушникова Ольга Валентиновна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в Санкт-Петербурге. Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка. В соавторстве опубликовала учебное пособие «Students' Guide to American Film History, Film Making and Film Evaluating» (2004). Автор учебных пособий: «Студенческая жизнь» на английском языке (2005), «Управляй своей карьерой» (2008), «Теория и практика перевода» (2009). Является одним из постоянных авторов раздела «Земля Даурская» журнала «Переводчик».

Фельдман Евгений Давыдович (Омск)

Окончил Омский государственный педагогический университет (факультет иностранных языков и исторический) и аспирантуру при кафедре новой и новейшей истории Томского государственного университета. Член Союза российских писателей и Союза переводчиков России. Стаж творческой деятельности более 40 лет. Перевёл свыше 55.000 стихотворных строк из англо-шотландской классической поэзии. Перевёл более половины стихотворных произведений Китса, две трети из творческого наследия Бёрнса, треть всего поэтического наследия Киплинга. Впервые перевёл и подготовил для печати сборник стихов Артура Конан Дойля «Песни действия». Основные публикации: переводы в 3-х томной антологии «Семь веков английской поэзии» (М., 2007), Джон Китс «Эндимион» (Харьков, 2008), Роберт Бёрнс «Былые времена» (Харьков, 2009). В 2010 году в переводе Е. Фельдмана издательство «Фолио» (Киев) выпустило в свет сборник стихотворений Редьярда Киплинга «Кабульский брод». Лауреат Бунинской премии 2010 года в номинации «Поэтический перевод».

Финкель Михаил Ефимович (Кишинев, Молдова)

Учился в государственном университете Молдовы на факультете иностранных языков, затем окончил факультет международных экономических отношений, имеет степень магистра (Master of Public Administration). Более 15 лет работает с английским, испанским и румынским языками. Выпустил 4 сборника стихов: «Я – Мир» (1993), «Прикосновение Времени» (2001), «Горсть неостывших молитв» (2005), «Лунный дождь» (2008). Имеет многочисленные публикации в альманахе «Ветка Иерусалима», альманахе «Literatur und Kritik» (Австрия), литературном журнале «Кодры», в поэтических антологиях и прессе. Пишет стихи, эссе, активно занимается переводами поэзии с английского и испанского языков. Более 10 лет работал в качестве менеджера культурных и благотворительных программ, осуществляемых в Кишиневе и республике Молдова в рамках международных проектов в сотрудничестве с культурными и благотворительными организациями США,

Канады, Германии, Израиля. Стихи Михаила Финкеля положены на музыку молодыми композиторами. Песня «Я СЛЫШАЛ РЕЧИ СТАРИКОВ» вошла в репертуар популярного исполнителя Славы Фарбера и стала известной далеко за пределами Молдовы.

Эмирзиади Людмила Викторовна (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Работает начальником отдела международного сотрудничества ЗабГГПУ. Действительный член Союза переводчиков России, является редактором и автором рубрики «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика», Виктора Балабанова.

Авторы журнала «Переводчик» – лауреаты престижных переводческих премий и конкурсов

Авторы научно-художественного журнала «Переводчик» живут и работают в различных городах России, странах ближнего и дальнего зарубежья (Армения, Казахстан, Молдова, Украина, Великобритания, Мексика, США, Аргентина, Китай, Германия и др.)

Ф.И.О. переводчика	Награды и премии	Место жит-ства
Балдоржин Цырен-Ханда (Балдоржиев Виктор)	Лауреат Золотой Пушкинской медали творческих союзов РФ (при подведении итогов Года русского языка, 2008).	с. Новая Заря, Забайкальский край
Белокрылова Дарья Ивановна	Лауреат конкурсов «Новые имена Москвы» и «Новые имена России» (2001 г. и 2004 г.), III, IV, V, VI и VII Московского гор. конкурса детско-юношеского литературного творчества «Волшебное слово» в номинациях стихи, переводы и журналистика, «Территория мира и согласия» Комитета межрегион. связей и национальной политики г. Москвы (2007 г.), московского гор. конкурса творческих работ «Нет фашизму!» (2005 г.) и конкурса «Радуга победы» в номинации «Литературное творчество» (2005 г.), лауреат V московского детского фестиваля искусств и ремёсел «Мастера», I и II фестиваля «Дети третьего тысячелетия», дипломант фестиваля «Юные таланты Московии» (2005 г.), победитель I конкурса молодых поэтов Солнцева, конкурса детских телевизионных сюжетов «Сделай мир добрее» (2002 г.), фестиваля «Переделкинские встречи» (2006 г.) и др.	Москва
Белокрылов Иван Александрович	Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001).	Москва
Васильев Владимир Ефимович	За книгу «Всемирная эпиграмма» награждён Царскосельской премией; кни-	Санкт-Петербург

	га премирована также Ассоциацией книгоиздателей России – АСКИ – как лучшее издание года в номинации «За вклад в укрепление взаимопонимания между народами» (по определению Московского отделения ЮНЕСКО).	
Вишняков Михаил Евсеевич (1945 – 2008)	Лауреат многих премий, в т. ч. Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова.	Чита
Володарский Леонид Александрович	Лауреат Международного литературного фонда Венгерской Академии Наук (1996 и 2001).	Москва
Гуревич Леонид Ошерович	Лауреат Золотой пушкинской медали творческих союзов РФ в номинации «Искусство перевода» (1999).	Москва
Гусев Юрий Павлович	Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2011).	Москва
Зейферт Елена Ивановна	Победитель 1-го Международного Волошинского конкурса в номинации «Стихотворение, посвящённое М. Волошину и Дому Поэта» (Крым, Коктебель, 2003 г.). Лауреат других международных конкурсов – Международного конкурса «Вдохновение» в номинации «Поэзия» (Астана, 2002 г.) и в номинации «Художественная проза» (Астана, 2004 г.), Национального сетевого литературного конкурса «Литер.ru» в номинации «Проза» и «Критика» (Москва, 2001 г. в номинации «Проза»; 2003 г. в номинации «Критика»).	Москва
Казакова Тамара Анатольевна	Лауреат Золотой пушкинской медали творческих союзов РФ в номинации «искусство перевода».	Санкт-Петербург
Ковалева Ирина Владимировна	Лауреат Большой премии литературного фонда имени Милана Фюшта Венгерской академии наук (2001).	Москва
Макаров Борис Константинович	Лауреат литературной премии имени Михаила Евсеевича Вишнякова (2009).	с. Акша Забайкальский

		край
Переяслов Николай Владимирович	Лауреат Большой литературной премии России (2006). Победитель конкурса Совета муфтиев России «Пророк Мухаммад – милость для миров» (2010).	Москва
Сагратян Ашот Аристакович	Лауреат Большой Золотой Пушкинской медали (1999). Награждён медалью В.Я. Брюсова за более чем полувековой вклад в науку о переводе и пропаганду шедевров армянской литературы на русском языке (2009).	Москва
Фельдман Евгений Давыдович	Лауреат Бунинской премии в номинации «Поэтический перевод» (2010).	Омск

Научно-художественный журнал «Переводчик»
/Статистика/
За 2001 – 2012 гг. опубликованы переводы с 22 иностранных и
национальных языков России
(+ с русского языка на иностранные)

Английский язык

Армянский язык

Бурятский язык

Венгерский язык

Грузинский язык

Ивритский язык

Итальянский язык

Испанский язык

Китайский язык

Корейский язык

Латинский язык

Мальтийский язык

Монгольский язык

Немецкий язык

Норвежский язык

Польский язык

Русский язык

Татарский язык

Французский язык

Хорватский язык

Якутский язык

Японский язык

ПЕРЕВОДЧИК

Выпуск 12.

Главный редактор О. В. Стельмак
Обложка и оформление О. Н. Терёшина
Корректор И. Н. Силицкая

Печатается с оригинал-макета авторов
Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 040275 от 04.03.97.

Подписано в печать 14.06.12. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Способ печати оперативная. Усл.печ.л. 15,2. Уч.-изд.л. 16,4.
Заказ № 12012. Тираж 300 экз.

Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. Н. Г. Чернышевского
672007, г. Чита, ул. Бабушкина. 129.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России
Факультет иностранных языков

Контактный телефон 8-(302)2-26-86-55
E-mail stelmak@pochtamt.ru